

ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ім. І.І. МЕЧНИКОВА
ФАКУЛЬТЕТ РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ ФІЛОЛОГІЇ

ОДЕСЬКЕ ЛІНГВІСТИЧНЕ ТОВАРИСТВО

Записки
з РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ
ФІЛОЛОГІЇ

ВИПУСК 10

«Записки з романо-германської філології» видаються за
зубченням наукової редколегії Одеського національного універ-
ситету імені І.І. Мечникова при підтримці Міністерства освіти та
Науково-дослідницького фонду України з № 10-11-99 року та в наукових працях до переліку
№ 3 (позиція 7) фахових видань, в яких допоміжно публікувати
результати дистрибутивних досліджень.

Задумано видавати «Записки» як об'ємну думкову школу фра-
блем, про які висловлюють певну критичну позицію, або публікацію
наукових даних, що виконують функцію підставки для вивчення
зверненням до публіки. Умовами розгляду обсягу
предмету дати відповідну відповідність дійсності. ОДЕСА
100000, Україна, 2001 рік. 0-50-00227-0 ISBN 5-900227-00-1
ОДЕСА 2001 рік. 0-50-00227-0 ISBN 5-900227-00-1
2001

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І.І. МЕЧНИКОВА

ББК 81.2
3 32
УДК 802/806

Збірник є фаховим виданням і вміщує статті з питань романо-германської філології і викладання іноземних мов.

Редакційна колегія:

проф. Колегаєва І.М.
(головний редактор),
к.ф.н. Калінук О.О.
(відповідальний секретар),
проф. Бровченко Т.О.,
проф. Корсаков А.К.,
проф. Кухаренко В.А.,
проф. Таранець В.Г.,
доц. Голубенко Л.М.,
доц. Костильова Е.І.,
доц. Шишкин В.В.

*Друкується за рішенням Вченої ради
факультету романо-германської філології ОНУ*

3 46020201002-104
7553-2001 Без обявл.

ISBN 966-7553-87-6 © Одесский национальный университет, 2001
© ПАТСТАР, 2001

ПЕРЕДМОВА

Черговий, ювілейний 10 збірник наукових праць, що зібрані у «Записках з романо-германській філології» висвітлює вельми широкий спектр філологічних проблем. Статті цього номеру присвячені питанням розвитку мов і їх теперішньому стану, історії та теорії викладання іноземних мов, питанням перекладу і взаємного впливу різних мов у сучасному культурологічно інтегрованому суспільстві.

Матеріалом дослідження обирались різні форми мовлення (усне та письмове), різні функціонально-стильові утворення та типи дискурсу, автори розглянули мовні одиниці всіх рівнів ієрархії (від фонемного до текстового) у сукупності їх парадигматичних і синтагматичних параметрів.

Дописувачами цього збірника наукових праць є професори, доценти і викладачі вищих учбових закладів не тільки Одеси, але Південно-Українського регіону у цілому.

«Записки з романо-германської філології» видаються за рішенням Ради факультету РГФ Одеського національного університету ім. І.І. Мечникова. Постанова Президії ВАК України за №3-0511 від 10.11.99 включає цей збірник наукових праць до переліку №3 (позиція 7) фахових видань, в яких дозволяється публікувати результати дисертаційних досліджень.

Зaproшуємо до співробітництва і обміну думками щодо проблем, про які йдеться в статтях. Якщо ви зацікавлені у публікаціях наукових досліджень у галузі германської або романської філології, звертайтеся за інформацією до головного редактора збірника проф. Колегаєвої Ірини Михайлівні.

Координати головного редактора:

телефон: (0482) 21-87-60;

адреса: 65058, м.Одеса, Французький бульвар, 24/26

Одеський національний університет

факультет РГФ, кімната 109.

Л.Л.Букреєва

ОБРАЗ КАК ЕДИНИЦА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Поиск единицы текста как элементарного отрезка обработки информации характерен не только для лингвистической теории, но и для теории художественного перевода. В этой области, в отличие от лингвистической теории, существует значительно большее единство взглядов на то, что является единицей перевода. Первым исследователем, который ввел в художественный перевод понятие образа как единицы перевода, его «первоэлемента» был И.А. Кашкин, полагавший, что в нем, прежде всего, проявляется видение действительности. Разрабатывающий вслед за ним основы «реалистической школы перевода» Г.Р. Гачечиладзе [4, 87] считает, что элементом текста может быть не только слово и словосочетание со своим смысловым значением, но и художественный образ, стилистический элемент, ритмический элемент и т.д., то есть — элемент художественно-образной системы подлинника.

Анализируя структуру художественного произведения с позиций структурализма, И. Левый полагает, что «в прозе конструктивная единица — полностью развитая мысль (выраженная развернутым предложением), в стихе — это, скорее частный мотив, выраженный, например, образом» [11, 239]. Сходных взглядов придерживается и В. Коллер в последнем издании своего «Введение в теорию перевода»: «... bei poetischen Texten... liegt die Poetizität in der Ausnutzung sprachspielerischer und lautmalerischer Möglichkeiten.» [21, 100-101]. Наконец, попытки совместить лингвистический анализ художественного произведения с положениями реалистической школы перевода» предприняла Г.Ф. Венгеровская в статье, посвященной единице художественного перевода, где эта единица определяется как отрезок оригинала,

выражающий либо единую мысль, либо понятие, либо образ, причем реализация этого отрезка возможна на трех уровнях: 1) на уровне структурно-семантических контекстов — различные типы предложения; 2) на уровне лексико-грамматическом — слово, идиома, словосочетание; 3) на уровне всего текста, который является смысловым и художественным целым — поэтическая модель [2, 135].

Несмотря на различное понимание того, что представляет собой образ в художественном тексте, именно это понятие является ключевым для теории художественного перевода, потому что оно положено в основу главного смыслосодержательного преобразования, роль которого выполняет функциональное переводческое соответствие. Говоря об иерархии различного рода соответствий в переводе, И.А.Капкин отмечал, что важнее всего «соответствие идейно-образного смысла самих явлений, хотя бы словесное выражение их по внутренним законам разных языков... буквально не совпадало» [8, 95]. Сходное суждение высказывает и В.М.Россельс: «... соответствие должно быть функциональным, выполняющим ту же идейно-эмоциональную роль, что и образ в подлиннике» [17, 165]. Отметим, что выбор образа как основной смыслосодержательной единицы текста согласуется с высказыванием В.Н.Комиссарова о наибольшей степени эквивалентности смысловых отношений, характерной для уровней ситуации и цели коммуникации, которые сравнительно мало зависят от особенностей функционирования конкретного языка [9]. На остальных уровнях содержания переводческая эквивалентность представляет собой лишь частичное совпадение содержания оригинала и перевода, поэтому требование максимальной эквивалентности образа позволяет предположить, что именно два верхних уровня эквивалентности являются наиболее приспособленными для его передачи при межязыковой коммуникации.

Дальнейший анализ понятия «образ» мы будем проводить в рамках одного из выделенных В.Н.Комиссаровым четырех направлений переводоведения, для которого понятие «перевод» понимается значительно шире, охватывая не только межязыковые, но и внутриязыковые преобразования [9, 159]. Достаточно обширный обзор определений понятия «образ» содержится у И.В.Арнольд, где оно анализируется в философском, филологическом и психологическом аспектах. Свое определение образа И.В.Арнольд форму-

лирует как некоторую модель действительности, восстанавливающую полученную из действительности информацию в новой сущности, или как основное средство художественного обобщения действительности — особую форму общественного сознания [1, 73]. Несколько иное определение дает В.А.Кухаренко: «Образ — это представление общего через единичное, абстрактного через конкретное, отвлеченного через чувственно-наглядное, осозаемое» [10, 12-13].

Понятие «образ» с трудом поддается определению в лингвистических или литературоведческих терминах, что подчеркивает и Г.В.Степанов: «Образ по своей сущности — динамическая реальность... Статус образа, вероятно, можно определить только в самом общем виде: это преобразованный в искусстве фрагмент действительности... Манеры и формы разработки образа бесконечно разнообразны. Тематические вариации, определенным способом выстроенные и эшелонированные, придают образу целостность и динамичность» [20, 204]. Именно эти два свойства — целостность и динамичность являются, на наш взгляд, основными критериями выделения образа в художественном тексте.

В семиотике проблема определения образа сводится к выделению его категориального смысла, — того смысла, который определяется данной специфической формой выражения, и тем, как эта форма организует перифразический смысл образа, иными словами, то, что может быть пересказано другими средствами. Категориальный смысл, по сути, характеризует целостность образа, свойственную восприятию данной формы, перифразический — его динамику, изменчивость на протяжении всего текста. Целостность образа является наиболее фундаментальным его свойством и связана, прежде всего, с процессами восприятия различных отрезков текста. Однако разным по величине единицам текста, связанным языковой иерархией, должны соответствовать и различные по иерархической подчиненности образы. Это соответствие обусловлено категориальной дилеммой «значение — смысл», которая лежит в основе понимания текста, и обусловлено механизмом внутренней речи как промежуточным этапом между языком — средством коммуникации и интеллектом — средством понимания, осмыслиения. В работе «Мышление и речь» Л.С.Выготский [3, 31] разделил понятие «значение» (как объективное отражение совокупности обобщенных связей и соотношений

действительности) и «смысл» (как актуализированный выбор из этой совокупности тех, которые соответствуют потребности субъекта). Характеризуя этот важнейший механизм, А.Р.Лурия отмечает: « ... во внутренней речи, свернутой по своей структуре и предикативной по своей функции, смыслы преобладают над значениями, и переход от мысли и внутренней речи к развернутому речевому сообщению в значительной мере связан с процессом перехода от субъективных мотивов и смыслов к значениям, объективным и доступным для передачи в качестве информации» [12, 27].

В настоящее время в психологии выделяют два вида деятельности, соотносимые с механизмом внутренней речи как взаимным преобразованием смысла и высказывания: а) внутренняя речь в общепринятом понимании как представление внешней речи, некоторый ее свернутый «заместитель»; б) внутренняя речь как этап антиципации, т.е. как фаза, предваряющая формирование внешней речи. Разделяя эти виды внутренней речи по их месту в речевой деятельности, А.Р.Лурия подчеркивает их общее качество — это формы речи, не предназначенные для общения («некоммуникативные»); их назначение состоит в фиксации в нервной системе значимых элементов, используемых в речевых и мыслительных процессах [12, 27].

Таким образом, можно утверждать, что первичное смыслосодержательное понятие образа возникает на этапе внутренней речи и имеет психолингвистическую основу. Для лингвистической теории перевода в этом отношении особенно важна разработанная Н.И.Жинкиным концепция структуры внутренней речи, связанная с универсальным предметным кодом (УПК). Говоря об отсутствии во внутренней речи стандартных грамматических правил, Н.И.Жинкин так определяет элементы УПК: в сознании появляются априори возникшие пространственные схемы, наглядные представления, отголоски интонаций, отдельные слова и т.п. Это субъективный язык, который не осознается говорящим. Замечание Н.И.Жинкина о субъективности элементов УПК является чрезвычайно важным, поскольку уже на этом уровне закладываются различия в интерпретации единиц текста как отправителем, так и получателем сообщения. Характеризуя УПК как основу речемыслительной деятельности, Н.И.Жинкин утверждает, что национальные языки имеют общую генетическую структуру и различаются между собой только некоторыми способами интеграции того же предметного кода, который имеет

общую структуру для обработки не только вербальной информации, но и информации о действительности, поступающей через разные органы чувств [7, 54-55].

В этом смысле образ является результатом способа интеграции, который характеризуется целостностью восприятия. Именно поэтому образ — это не предмет распознавания, а способ восприятия. Основатель когнитивной психологии У.Найссер замечает, что образы в процессе восприятия — это не картинки в голове (для этого существует образная память), а планы сбора информации из потенциально доступного окружения, и появиться они могут лишь тогда, когда сам процесс прерван или отсрочен [14, 144].

Образ, сформированный во внутренней речи в процессе восприятия, является первичным, возникающим в кратковременной памяти. Его целостность обусловлена целостностью предметов действительности как объективным свойством последних. Однако самостоятельная роль первичных образов в процессе понимания всего текста весьма ограничена, поскольку ограничено время их существования в кратковременной памяти. Для того, чтобы участвовать в процессе понимания, они должны перейти в долговременную память в качестве «вторичного образа», который актуализирован в сознании, и тогда, когда сам объект восприятия отсутствует. Сравнивая обе конструкции образа, А.И.Новиков отмечает, что представления (вторичные образы), так же как и первичные, характеризуются целостностью, но их существенное отличие состоит в том, что они утрачивают детальность, схематизируясь и типизируясь [16, 60]. Иначе говоря, здесь тоже осуществляется интеграция, но осуществляется она с учетом уже существующих в памяти представлений, т.е. за счет межобразного взаимодействия, основанного на упорядочивании сходных представлений (вторичных образов). Такое взаимодействие как бы расширяет категорию образа, для которого теперь свойственны не только актуализированные индивидуальные признаки конкретного предмета, но и его схематизация в виде «прототипа». Кроме того, при взаимодействии как со сходными представлениями в плане генерализации образа, так и со смежными представлениями, возникающими в линейной структуре текста, образуются новые структуры, целостное представление о которых также соответствует понятию «образ», но уже более высокого порядка, например, образ ситуации.

Для лингвистики оба аспекта расширенного понятия «образ» очень существенны, так как могут свидетельствовать о языковом уровне его реализации. Экспериментальные исследования О.И. Никифоровой [15, 57] по анализу представлений, возникающих при восприятии отдельных слов, словосочетаний и фраз, а также целого текста, показали, что при постоянном узнавании слов у большинства испытуемых формировались представления, имеющие индивидуальный смысл и связанные с различными личными впечатлениями, словоупотреблениями и т.д. То есть восприятие слова генерировало личные ассоциации, не всегда связанные с реальным значением слова. Совсем другая ситуация наблюдалась при восприятии предложений. В этом случае представление возникало не при восприятии каждого отдельного слова, но устойчиво определялось по совокупности всех слов. Подтверждением того, что представление формируется по единицам текста, соответствующим, по меньшей мере, предложению, служат наблюдения А.Н. Соколянского над процессом обучения слепоглухонемых [19, 56]. Название закрепляется первоначально не за определенным предметом, а за целой ситуацией, связанной с этим предметом. Следовательно, можно говорить о существовании, по меньшей мере, двух уровней образной структуры текста: первый формируется за счет ассоциативных образов при восприятии слов и словосочетаний, т.е. возникает из микроконтекста предложения на уровне УПК; второй формируется на основе элементов первого уровня с помощью межобразных взаимодействий, соотносимых по смежности смысла (генерализация) или по смежности линейных элементов текста (ситуация), т.е. возникает на уровне предложения или контекста, образованного сверхфразовым единством (СФЕ).

Очевидно, что нельзя указать четких минимальных лингвистических границ образа, т.к. связанные процессом понимания лингвистические и экстралингвистические элементы текста постоянно взаимодействуют. Поэтому уровни понимания (осмысливания) организованы по другому принципу и соответствуют ступеням переконструирования и свертывания исходного текста, экспериментальные данные исследований механизма понимания показывают, что процесс понимания реализуется скачками в виде целостных отрезков текста, внутри которых значения отдельных элементов могут не осознаваться полностью. Полное же осмысливание роли каждого элемента осуществляется на основе предварительного понимания сообщения в целом.

Оба уровня образной структуры соответствуют элементам микроструктуры текста, которая, по мнению Т.М. Дридзе, может быть представлена в виде полного набора внутритекстовых связей, в которые вступают опорные смысловые узлы текста [6, 63]. Такие узлы обозначаются как «факты», могут быть выделены из текста и образуют «логико-фактологическую цепочку как основной смысловой стержень текста. Методика формирования такой цепочки для целей стилистического анализа разработана И.П. Севбо [18, 106], но для больших и достаточно сложных отрезков текста этот способ является слишком трудоемким. Поэтому Т.К. Дридзе вводит еще один тип семантико-смысловой структуры — макроструктуру текста, которая представляется в виде иерархии разнопорядковых смысловых блоков — предикаций. Предикация первого порядка объединяет языковые средства, передающие основную идею сообщения, предикации более высоких порядков — языковые средства, передающие его содержание и призванные объяснять, оценивать, иллюстрировать факты, подкрепляющие авторский замысел, т.е. текст сводится к иерархии целей и средств их достижения. Таким образом, макроструктура подчеркивает лишь высший уровень целостности восприятия (понимания) — уровень всего текста, тогда как первоэлементы иерархии могут не обладать свойством целостности [6, 63].

В художественном тексте помимо трех перечисленных уровней образной структуры существует еще один уровень (или совокупность уровней), промежуточный между уровнем целого текста и уровнем представления. Определение элементов этого уровня — одна из самых трудных задач, поскольку, с одной стороны, в их межобразном взаимодействии реализуется авторский замысел (коммуникативное задание), с другой стороны, как элементы образной структуры они должны обладать свойством целостности, т.е. в их основу должна быть положена интеграция представлений (вторичных образов) и, наконец, необходимо указать такой сегмент текста, в котором этот элемент может быть локализован. При наличии грамматической макроструктуры текста эту задачу можно было бы решить, выделяя в тексте семантико-смысловую макроструктуру, соответствующую грамматической, вместо эмпирической процедуры членения текста, предложенной Т.М. Дридзе. Однако текст нельзя отнести к языковым категориям и дать ему чисто лингвистическое определение, как это возможно для СФЕ, синтаксической конструкции, построенной на основе предложения.

Следует, видимо, признать, что художественные образы являются единственными целостными образованиями, взаимодействие между которыми создает смысловое содержание всего текста, и локализация которых в тексте имеет произвольный характер и размер, обусловленный лишь авторским замыслом. Следует отметить также, что свойство динамичности образа проявляется прежде всего на этом третьем промежуточном уровне образной структуры произведения. Тематические вариации, обусловливающие динамичность образа, должны укладываться в рамки тематической перспективы, как ее определяет Т. ван Дейк [5, 331]. При этом не только внутренняя динамика художественного образа, но и сами эти образы могут входить в сложные упорядоченные структуры отношений. Автосемантические образы представлены языковыми единствами, обладающими определенным значением в автономно-номинальном употреблении. В основе синсемантических образов лежат композиционные и эвфонические особенности организации поэтической речи. В зависимости от значимости они могут перемежаться с автосемантическими образами и входить в систему образов — доминант произведения. Предлагаемое членение образной структуры является дихотомическим и не носит иерархического упорядочивания, но явление доминантности/субдоминантности образов носит конструктивный характер и непосредственно относится к третьему уровню образной структуры.

Необходимо отметить явный параллелизм между образной структурой художественного произведения, построенной выше: образ — представление — художественный образ — макрообраз текста — и структурой музыкального произведения, предложенной А. Молем в книге «Теория информации и эстетическое восприятие» [13, 193] и состоящей из элементарной периодической структуры, формирующей символ; макроструктуры как последовательности символов, образующих звуковой объект, промежуточных структур как последовательностей звуковых объектов, объединенных в соответствии с художественными приемами и образующих ячейки; макроструктур — соединений звуковых объектов и ячеек, масштаб которых равен масштабу всего музыкального сообщения, воспринимаемого как целое.

Отмеченный параллелизм образных структур является, по-видимому, общим свойством механизма восприятия как системы обработки информации. Учитывая, что понятие элемента третьего уровня образных структур в

обоих случаях является самым неопределенным, можно предположить, что именно элементы третьего уровня являются носителями эстетической информации, цель которой, как указывает А. Моль, вызывать определенные состояния, тогда как семантическая информация имеет четкую логическую структуру, поддающуюся точной формулировке и вызывающей определенные действия [13, 200].

Таким образом, образная структура произведения выступает как своеобразный инвариант смыслового и эстетического содержания подлинника, и степень ее воспроизведения в переводе может рассматриваться как основа компаративного анализа оригинала и его переводов, позволяющая оценивать качество последних.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. - Л.: Просвещение, 1981. - 296 с.
2. Венгеровская Г.Ф. К определению единицы художественного перевода // Вестник КГУ. Серия филологии и журналистики. - 1965. - № 7. - С.131-139.
3. Выготский Л.С. Собр.соч. в 6 т. - М.: Педагогика, 1982. - Т.2. - 361 с.
4. Гачечиладзе Г.Р. Введение в теорию художественного перевода. - Тбилиси: ТГУ, 1970. - 265 с.
5. Дейк ван Т. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1978. - Вып.8. - С. 259-336.
6. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. - М.: Высш. Школа, 1980. - 224 с.
7. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. - М.: Наука, 1982. - 158 с.
8. Кашкин И.А. Для читателя-современника. - М.: Сов. Писатель, 1977. - 150 с.
9. Комиссаров В.Н. Фундаментальные проблемы развития лингвистики перевода. Fremdsprachen. - 1982. - Н.3. - S. 156-160.
10. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. - Л.: Просвещение, 1978. - 328 с.
11. Левый И. Искусство перевода. - М.: Прогресс, 1974. - 398 с.
12. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. - М.: МГУ, 1975. - 254 с.

13. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. - М.: Мир, 1966. - 352 с.
14. Найссер У. Познание и реальность. - М.: Прогресс, 1981. - 232 с.
15. Никифорова О.И. Роль представлений в восприятии слова, фразы и художественного описания // Изв. АПН РСФСР. - 1947. - № 7. - С. 45-58.
16. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. - М.: Наука, 1983. - 216 с.
17. Россельс В.М. Сколько весит слово. - М.: Сов. Писатель, 1984. - 216 с.
18. Севбо И.П. Графическое представление синтаксических структур и стилистическая диагностика. - Киев: Наукова думка, 1981. - 192 с.
19. Соколянский А.Н. Обучение слепоглухонемых языку // Тезисы конф. по машинному переводу. МГПИИЯ, 1958. - С. 55-58.
20. Степанов Г. В. О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста // Изв. АН СССР, серия литер. и языка. - 1980. - С. 195-204.
21. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. - Wiesbaden: Quelle und Meyer, 1997. - 343 S.

Т.Н. Гнедко

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

Чтение является одним из наиболее распространенных видов коммуникативной деятельности людей, а понимание письменного текста — важнейшим его компонентом.

Чтение — акт коммуникации, которая объединяет автора письменного текста и его читателя. Адекватное понимание текста в идеале предполагает идентичность выводов, сделанных читателем-получателем информации, с замыслом автора-отправителя информации, причем полноценный коммуникативный акт будет иметь место только тогда, когда читательское понимание будет включать и одинаковую с авторской интерпретацию эксплицитно не выраженных, но имплицитно содержащихся в тексте единиц значения [13, 8].

Говоря о восприятии текста читателем, И.В. Арнольд подчеркивает, что «разные люди, в зависимости от своего жизненного, читательского и социального опыта, могут воспринимать один и тот же текст по-разному. Искусство быть читателем надо развивать. Множественность толкований, о которых идет речь, не имеет ничего общего с произвольностью. Эта множественность не безгранична, она допустима лишь в известных пределах. Пределы вариативности зависят от инвариантных смыслов всей структуры и ее элементов и их взаимодействия» [1, 28].

В понимании текста следует выделить процессуальную и результативную стороны. Процесс достижения понимания — эвристическая процедура, которая предполагает всесторонний комплексный анализ текста, сводящийся к мышлению «про себя» или вслух [13, 10]. Результат процесса понимания — это постижение читателем смысла текста. От того,

насколько выбранные автором средства адекватны поставленным целям, зависит, сможет ли текст реализовать свою коммуникативную функцию, т.е. будет ли текст понят адресатом.

Из лингвистов одним из первых попытался решить вопрос о понимании между говорящими В.Гумбольдт. Он рассматривал язык как деятельность, стремящуюся превратить звук в выражение мысли. Процесс речи, по его мнению, нельзя сравнить с простой передачей информации. Слышащий, так же как и говорящий, «должен воссоздать материал свою внутренней силой». Этот подход позволил впервые в лингвистике указать на функциональный характер различных типов речи. В. Гумбольдт выделял, исходя из «законодательно господствующей здесь цели», поэзию и прозу, «обыкновенную разговорную речь (включая образованный и обильный мыслями разговор, с одной стороны, и повседневную болтовню — с другой)», ученую прозу, в которой «язык сколько можно должен припироровляться к мысли, идти вслед за нею и представлять ее собою»; ораторскую речь [12, 140].

Позже А.А. Потебня утверждал, что «каждый понимает слово по-своему, но внешняя форма слова проникнута объективной мыслью, независимой от понимания отдельных лиц» [12, 32]. Он стремился охарактеризовать соотношение языка и мысли на основе представления о внутренней форме слова, выражающей «отношения содержания мысли к сознанию» [12, 34]. Интерес А.А. Потебни при этом был сосредоточен на речетворчестве.

Значительный шаг вперед в связи с исследованием роли контекста в определении читателем смысла слова был сделан в работах Ш.Балли. Он рассмотрел построение речи и особенности ее воздействия на собеседника. Изобразив обмен мыслями в бытовой речи как своеобразную борьбу между говорящими, он исследовал связанные с этой борьбой «превувеличения» и «смягчения» фактов действительности с целью воздействия на собеседника. Необходимость и предпосылки такой «борьбы» он видел в том, что восприятие речи возможно лишь при сотворчестве собеседника, которое говорящий (пишущий) должен возбудить, а средство, которое может вызвать такое сотворчество, видел, в частности, в построении речи: «Нарушение логического порядка слов заставляет слуша-

теля восстанавливать его, дислокация стимулирует внимание, в то время как логический порядок усыпляет его, способствует умственной лени» [5, 357].

Ш.Балли отмечал интуитивный выбор говорящим средств языка с целью приспособиться к адресату в беседе. В научной и художественной речи выбор средств автором уже не интуитивен, — он обдуман и преднамерен.

Л.В.Щерба показал, что в речи выделяются иные смысловые элементы, чем в системе языка: не слова, а сочетания слов, дающие не арифметические суммы их значений, а новые смыслы; не предложения, а иные, более крупные синтаксические единицы [25].

Значительный вклад в пояснение процесса понимания внесли М.М.Бахтин — своими положениями о диалогичности произведения с другими имеющимися в обществе высказываниями [7, 8], И.Р.Гальперин [11], В.А.Кухаренко [16], З.Я.Тураева [23], В.В.Одинцов [19], О.Л.Каменская [14], И.М.Колегаева [15] — учением о системности текста, В. Асмус [4] и В.С. Библер [9] — рассмотрением чтения и мышления как творчества.

Роль текста как системного набора не вполне точных высказываний, позволяющих читателю вывести из них, взятых в системе, точную мысль, описал Д.С.Лихачев [18].

Во второй половине XX века круг дисциплин, связанных с проблемой воздействия текста на адресата, расширился, а сама эта проблема с особой остротой стала по отношению к массовой коммуникации и к научной речи. М. Риффатер, И.В.Арнольд в своих работах по стилистике декодирования описывают процессы, которые помогают читателю понять авторский текст.

Как отметил М.М. Бахтин, форма высказывания должна опираться на форму общения [8, 240]. В таком соответствии, по мнению М.Д.Феллера, должна быть отражена существенная связь между процессом восприятия, ожидаемым продуктом и структурой сообщения [24, 46].

Необходимость учитывать различие читательских установок при чтении разных типов текстов приводит автора к необходимости использовать различные структуры сообщения. Если у читателя существует це-

леустановка (например, по служебной необходимости) прочесть статью, адресант должен передать нужную информацию точно, четко, с учетом профессиональных фоновых знаний адресата. Если же текст необязателен для прочтения, задача автора, в первую очередь, заинтересовать читателя. Одним из наиболее ярких образцов подобных текстов, необязательных для прочтения, выступают научно-популярные публикации.

Научно-популярный (НП) текст является источником научных знаний для широкого круга читателей. С момента своего зарождения такой вид деятельности как популяризация науки выполнял просветительскую миссию, расширяя общекультурный тезаурус широких масс.

В лингвистической литературе НП стиль исследован сравнительно мало. Публикации в рамках такого стиля связаны с формированием структур обыденного сознания. И хотя задача популяризации — формировать научное мировоззрение, все же сколь бы научным ни было обыденное сознание современных образованных людей, структура его отличается от структуры научно-теоретического сознания, формирующегося у специалиста. Ей свойственны более крупное деление, более обобщенные понятия, меньшее логическое содержание, при весьма четких формально-логических связях [24, 65].

Чтение НП литературы — процесс произвольный и мало контролируемый извне. Если это не входит в служебные обязанности человека, его можно заставить учиться посредством НП литературы, только пробудив интерес к обсуждаемой проблеме и соответствующему тексту. Нельзя ожидать от читателя НП литературы сознательных коммуникативных усилий и концентрированного внимания для наиболее глубокого постижения содержания текста. Поэтому план выражения в НП тексте приобретает особое значение.

Согласимся с Э.А. Лазаревич, которая утверждает, что «сегодня, как и во все времена, научно-популярные произведения предназначены не специалисту в данной области знания» [17, 45]. Поэтому в НП стиле важны художественность и занимательность, а основная задача популяризатора — заинтересовать и взволновать читателя.

Отдельные высказывания и текст в целом строятся автором таким образом, чтобы способствовать адекватному восприятию читателем.

И.В. Труфанова относит все лингвистические средства, которые служат облегчению восприятия информации слушающим (адресатом) и адекватной интерпретации им речевых действий и намерений говорящего (автора), к метатекстовым: членение текста на абзацы, главы, параграфы и т.п., озаглавливание разделов, обозначение темы сообщения в заглавиях; членение высказывания на данное и новое; вводные слова, подчеркивающие главное и «к слову» сказанное в сообщении, порядок изложения мысли, итоги и выводы из сказанного и т.д. [22, 98].

Хотя М.М. Бахтин не использовал термин «метатекст», разработка метатекстового аспекта образа слушающего (адресата) начата именно им. Образ слушающего (адресата) в НП литературе проявляется таким образом, что заставляет говорящего (пишущего) заботиться об организации речи, чтобы она была лучше воспринята адресатом. М.М. Бахтин, утверждая тезис о диалогичности каждого текста, имел в виду, в частности, следующее: деление текста на абзацы производится с точки зрения читателя, чтобы ему удобнее было воспринимать информацию определенными порциями [8, 122].

Обеспечение непрерывности процесса чтения, активизации мышления читателя, передачи информации порциями, доступными для понимания, закрепление результатов чтения на основе остановок для отдыха напряженного внимания, наличие конкретных и понятных примеров, постоянное дополнительное возбуждение интереса и организация чтения — характерные черты научно-популярного стиля.

Целевая установка говорящего определяется соотношением: действительность — текст — адресат. В интерпретации любого произведения, и в особенности научно-популярного, огромную роль играет «фактор адресата» (Арутюнова). По мнению А.В.Степанова, «проблема читателя — это фокус, куда сходятся и откуда расходятся все стилевые лучи научно-популярного изложения [21, 86]. «Всякий речевой акт, — утверждает Н.Д.Арутюнова, — рассчитан на определенную модель адресата. Удовлетворение пресуппозиции адресата составляет одно из условий его эффективности» [2, 85].

В НП текстах, обращенных к самому широкому кругу читателей, коммуникация осуществляется по модели «специалист (адресант) — неспе-

циалист (адресат)», и это позволяет говорить об ограниченной пресуппозиционной базе — познания читателя в данной научной сфере, как правило, весьма поверхностны. Необходимость установления «общего языка» с адресатом заставляет автора НП текста искать точки соприкосновения с фоном пресуппозиции адресата (т.е. с его тезаурусом), полагаясь на знания, которые локализованы не столько в научном багаже читателя, сколько в его бытовом опыте. Когда такие точки соприкосновения найдены, последует адекватное понимание НП текста [6, 21].

Фактор адресата предопределяет один из самых существенных признаков НП текста. Речь идет о необходимости научно-популярного произведения быть интересным для широкого круга читателей. Э.А.Лазаревич отмечает, что «нельзя просвещать помимо воли аудитории. Популяризация науки должна заинтересовать ее, увлечь на нелегкий путь дальнейшего изучения предмета» [17, 218]. В пользу данного утверждения говорят и результаты экспериментального исследования, описанного Ю.А.Сорокиным, которые показали, что наряду с признаками «научно», «популярно», «информационно», НП текст характеризуется признаком «интересно» [20, 18].

В таких текстах используются различные стратегии популяризации. Одни из них способствуют лучшей организации информации, указывают на макротемы, разъясняют сложные научные и технические понятия, снижают плотность информации. Другие структурируют информацию путем внесения дополнительной специфической информации, чтобы повысить вероятность правильного и полного восприятия.

Э.В.Будасси на материале публикаций естественно-научного профиля выделила следующие стратегии популяризации научной информации: тематическая редукция, уменьшение плотности информативности, создание наглядности [10, 28].

Проведенный нами анализ 50 научно-популярных статей из журнала *National Geographic* позволил уточнить особенности вышеуказанных стратегий популяризации. Тематическая редукция заключается в целенаправленном отборе научной информации, опущении части логических доказательств и аргументации. Приведем пример:

Last May, with permission from the government of Peru, we arranged for the mummy to travel to the United States in special

container donated by the Carrier Corporation. At Johns Hopkins Hospital in Baltimore, radiologists made computed tomography (CT) scans of her body — spectacular three-dimensional x-ray images published here for the first time — and pathologists took tissue samples for analysis. Some findings were announced immediately; others are still coming...

I'll never forget the moment when Elliot Fishman, the Johns Hopkins radiologist who volunteered the use of his facility's state-of-the-art CT scanner, pointed out a fracture above the ice maiden's right temple. It meant that she had died from a blow to the head and not by suffocation, as I had previously thought.

After the CT scans were made, Edward McCarthy and Patricia Charache, pathologists, took a number of needle biopsies — small samples of tissue from different parts of her body, including the stomach and knees. Analysis of the samples allows us to fill in details about her diet and health... (26, 39).

В приведенном отрывке дана только общая техническая информация об исследовательских процедурах — made computed tomography (CT) scans, took tissue samples, took needle biopsies — small samples of tissue; о приборах и устройствах для проведения исследований — special container, state-of-the-art CT scanner. Медицинские реалии и разъяснения по поводу изучения мумии понятны любому образованному читателю — pathologist, right temple, stomach, knees, diet and health. Суть выполненных медицинских анализов опущена, т.к. читателю-неспециалисту интересен прежде всего полученный результат.

Избирательный характер подачи информации обусловлен, прежде всего, основной задачей НП текста — интерпретацией готовых итогов описываемого научного исследования.

В научно-популярном изложении автор, как правило, уменьшает плотность информативности текста. В качестве основных приемов, используемых с этой целью в тексте могут быть названы следующие: дефиниция, объяснение терминов, повтор. Например:

Illuminated by ultraviolet light, a knob coral pulsates with color as if lit from within. The coral absorbs the invisible ultraviolet light, then

emits wild orange visible light. This is called fluorescence, a phenomenon of physics and biology that borders on pure magic (27, 34).

Автор описывает свойства коралла — absorbs the invisible ultraviolet light, emits wild orange visible light (поглощает невидимый ультрафиолетовый свет, испускает неистово оранжевый свет), и только после этого вводит научное название — fluorescence (флуоресценция), эмоционально комментируя его — a phenomenon of physics and biology that borders on pure magic (явление физики и биологии, граничащее с чудом). При этом описание явления флуоресценции строится по выразительной противопоставительной схеме «поглощать VS излучать», «невидимый VS видимый», «ультрафиолетовый VS неистово оранжевый». Подобное объяснение терминов весьма характерно для НП текстов.

Повтор слова *garbage* (мусор) в ниже приведенном абзаце дает возможность привлечь внимание читателя, чтобы полнее представить проблему загрязнения окружающей среды.

The city also produces 3000 tons of *garbage* each day. I asked Abou Zahra about recycling. «Recycling? It's the oldest idea in Egypt!... Now peasants buy frozen chickens in plastic and throw the plastic into the canals, which are choked with *garbage*. The delta is a crowded triangle that is going to explode with people, *garbage*, and sewage» (26, 34).

Следующий пример иллюстрирует введение термина, значение которого поясняется для читателя-неспециалиста:

...the remnants of clothing show no signs of *tupus*, the pins that would hold together a female's dress and shawl. (26, 42)

Однословный термин-реалия *tupus* сопровождается разъяснением, оформленным в придаточное определительное из 11 языковых единиц. «*Tupus*», булавки, которые скрепляли женскую шаль и платье. Здесь наглядно видно как снижается информационная плотность изложения. Передача определенной порции фактуальной информации осуществляется с помощью большого количества языковых средств.

Создание наглядности делает изложение более убедительным, апеллирует к опыту читателя. В приведенных выше примерах достаточно эмоционально и ярко описано явление флуоресценции (через антитезное противопоставление поглощаемого и испускаемого света), или накопление мусора (через акцентирование абсурдности ситуации, когда крестьяне по-

купают замороженных цыплят в упаковке, а затем выбрасывают упаковку в каналы, загрязняя дельту).

I couldn't resist touching the face of a red velvet fish. Soft as a plush toy, it is far from cuddly: The spines of its pompadour are highly venomous (26, 90).

В приведенном отрывке аналогия — soft as a plush toy (мягкая, как плюшевая игрушка) — обращена к повседневному опыту коммуникантов: всем известно ощущение при прикосновении к плюшевой игрушке. Но сравнение с плюшевой игрушкой необходимо еще и для того, чтобы нагляднее подчеркнуть далеко не безобидный характер описываемого объекта — красной бархатной рыбы с ядовитыми шипами.

Введение объяснений, направленных на облегчение понимания, использование средств установления контакта с реципиентом, наглядное изложение проблемы делают повествование доступным и увлекательным для читателя-неспециалиста.

В вышеописанных случаях наглядность изложения обеспечивалась за счет апелляции к чувственному опыту читателя. Однако следует отметить, что в научно-популярном тексте особую роль играет создание *визуальной наглядности*. В инвентаре визуальных невербальных средств преобладают фотографии, рисунки и др. иконические средства изображения. Создание наглядности направлено на конкретизацию научных и технических понятий, законов и теорий, что приводит к выравниванию когнитивных уровней коммуникантов и, как следствие, более гибкому и эффективному достижению прагматических целей [10, 17].

С помощью таких приемов как выбор расположения объекта на фотографии, цветовое оформление, распределение света и тени, текстура (качество изображения), выбор размеров, расположения в пространстве, изображения в движении, направления движения, отправитель сообщения влияет на установление ассоциативных связей с реципиентом и управляет последовательностью восприятия информационного сообщения, а, следовательно, способствует его пониманию. В журнале *National Geographic* эффективно используется такой прием, как выбор расположения объекта на фотографии. Экспрессивный эффект создается неожиданным ракурсом рассмотрения объекта, использованием фотографии как фона, на котором расположен текст статьи.

Для изображения сложных технических объектов, упоминаемых в НП статьях, используются рисунки, которые знакомят читателя с новой информацией в самых общих чертах. Отражая сложные и многокомпонентные технические объекты (например, устройство самолета, двигателя и т.п.), рисунки, как таковые, отличаются лаконизмом, отсутствием мелких деталей, схематичностью, что и позволяет им функционировать в качестве средств визуальной наглядности в тексте, адресованном читателю-непрофессионалу в соответствующей сфере науки и техники.

Подводя итог выполненному исследованию, резюмируем следующее. Понимание сообщения может быть достигнуто при условии определенной корреляции коммуникативной деятельности автора и адресата. Для привлечения внимания читателя к НП тексту и для облегчения понимания при чтении используются стратегии популяризации естественнонаучной информации: тематическая редукция, уменьшение плотности информации, создание наглядности.

Литература

1. Арнольд И.В. Интерпретация текста как установление иерархии его частей / Лингвистика текста. Мат-лы научн.конференции. - М., 1974. Ч.1, С. 26-32.
2. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиций в лингвистике // Известия АН СССР. СЛЯ. - 1973. - Т.32. - №1. - С. 84-89.
3. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. СЛЯ. - 1981. - Т.40. - №4. - С.356-367.
4. Асмус В. Чтение как труд и творчество // Вопросы литературы, 1961. - №2. с.3-65.
5. Балли Ш. Французская стилистика. - М., 1961.
6. Баанова И.И. Функциональные особенности научно-популярных текстов: На материале подъязыка физики: Дис.... канд. филол.наук: 10.02.01. - М., 1995.
7. Бахтин М.М. Марксизм и философия языка. - М., 1994.
8. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1979.
9. Библер В.С. Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога. - М., 1975.
10. Будасси Э.В. Популяризация как форма обработки научно-технической информации: Дис.... канд. филол.наук: 10.02.04. - М., 1992.
11. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука. - 1981.
12. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. - М., 1964-1965, ч. 1-2.
13. Зильберман Л.И. Лингвистика текста и обучение чтению английской научной литературы. - М.: Наука, 1988.
14. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. - М.: Выш. шк., 1990.

15. Колагеа И.М. Текст как единица научной и художественной коммуникации. - Одесса, 1991.
16. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. - Л.: Просвещение, 1979.
17. Лазаревич Э.А. Популяризация науки в России. - М., 1981.
18. Лихачев Д.С. Понимать, значит — знать. Размышления о творческом чтении. // В мире книг. -1980. - № 8. - С. 68-70.
19. Одинцов В.В. Стилистика текста. - М.: Наука, 1980.
20. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. - М.: Наука, 1985.
21. Степанов А.В. Проблемы стиля научно-популярной литературы // Вопросы стилистики. - М.: МГУ, 1966. - С.83-88.
22. Труфанова И.В. Образ слушающего в языке //Филологические науки. 1997. - № 2. С. 98-103.
23. Тураева З.Я. Лингвистика текста. - М.: Просвещение, 1986.
24. Феллер М.Д. Стиль и знак. - Львов, 1984.
25. Щерба Я.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л., 1974.
26. National Geographic, January 1997.
27. National Geographic, August 1997.

Л.И. Демьянова

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ОДЕССЫ В XIX СТОЛЕТИИ

Одессу по праву можно считать центром преподавания и изучения итальянского языка в Российской империи. Кроме Новороссийского университета, итальянский язык преподавался и в ряде других учебных заведений разного уровня. Но прежде необходимо сказать о роли итальянского языка в жизни города — неслучайно ведь Одессу называли в прошлом веке «Итальянским городом», «Маленькой Венецией», «Неаполем», «Флоренцией».

Итальянская диаспора в первые десятилетия существования города стала весьма значимой в коммерческой, общественной, культурной жизни города. Этот приток итальянцев в Россию и в первую очередь — в стремительно растущую Одессу был связан с основанием и высокими темпами строительства города, превращавшегося в столицу Причерноморья. Уже на третий год (1797) существования города в общем количестве жителей, составлявших 7-8 тыс. человек, было около 800 итальянцев, то есть 10 процентов всего населения [10, 161].

Коммерция, строительство, театр — во всем этом с первых лет существования города ведущую роль играли выходцы с Апеннинского полуострова; естественно, это приводило к широкому распространению итальянского языка в качестве разговорного в Одессе в начале девятнадцатого века. В ту эпоху итальянский язык господствовал во всех портовых городах Восточного Средиземноморья. Вторым после итальянского коммерческим языком Одессы был греческий.

Лектор Новороссийского университета, президент Общества Данте Алигьери Джованни Сперандео в своем очерке «Итальянцы на берегах Черного моря» с некоторым polemическим преувеличением напишет на рубеже ве-

ков, что «...итальянский поначалу был почти единственным языком, на котором говорили в Одессе» [11, 335]. Сперандео продолжает далее, что счета, чеки, векселя, контракты, договоры, коммерческая корреспонденция — все велось по-итальянски; даже вывески магазинов и таблички с названиями улиц были написаны на итальянском языке [11, 335].

Историк Н.Н.Варварцев упоминает о т.н. *portata* — листках со сведениями о приходящих и уходящих судах [2, 181]. Известный ученый-краевед В.А.Чарнецкий упоминает о табличке с названием «*Strada di Ribas*» и пишет, что «итальянский язык в то время в Одессе был так же распространен среди торгового люда, как французский в высшем обществе» [9].

Одной из причин широкой осведомленности в итальянском языке среди местных жителей была Итальянская опера, в которую ходили почти все одесситы. К тому же много итальянцев работало в порту. Даже простые люди пересыпали свою речь итальянскими выражениями. Извозчики подвозили «синьоров», грузчики просили *quaranta* копеек, а продавцы в магазинах обращались к покупателям по-итальянски [3, 53].

Сперандео рассказывает о любимых развлечениях местной знати — вечеринках «казино итальяно» (*casino italiano* — «итальянский беспорядок») где «собирались периодически семьи коммерсантов и пели, танцевали и играли»; были популярны также вечера, называемые «конверсациони» (*conversazioni* — «разговоры»). О месте итальянского языка говорит и тот факт, что на гербе Одессы надпись по-итальянски располагалась второй по счету: итальянский язык был вторым по распространенности общеданным языком одесситов, что и отразилось на последовательности расположения надписей [9].

Появление в итальянской колонии коммерсантов, архитекторов, музыкантов, получивших хорошее образование, способствовало началу изучения итальянского языка в учебных заведениях Одессы. Итальянский язык, также как и другие европейские языки, в России в начале девятнадцатого столетия преподавали носители языка. Объясняется это, во-первых, отсутствием квалифицированных русских преподавателей, а также тем, что у себя на родине, в Италии, они не могли найти применения своей профессии. По уровню развития сети учебных заведений Италия в первой половине XIX века стояла на одном из последних мест в Европе [2, 180].

В первом же учебном заведении Одессы, основанном в 1800 году коллежским ассессором Брето, где обучались 70 учеников, изучали 3 языка —

русский, итальянский и греческий [7, 621, 633]. В 1804 году в Одессе был открыт Благородный институт, где итальянский язык также входил в учебную программу, а в «Начертании правил воспитания в обоих благородных институтах», изданном в Одессе в 1814 г., сообщается, что итальянский язык должен изучаться в женском институте в качестве обязательного предмета и по выбору — в мужском [9].

Наиболее яркая страница в преподавании итальянского языка в Одессе в первой половине XIX века связана, безусловно, с Ришельевским лицеем и деятельностью известного в России филолога, Антонио Пиллера.

Ришельевский лицей. Ришельевскому Лицею, как высшему учебному заведению, предшествовали учреждения низшие, которые положили начало его существованию. Еще в 1804 г. утвержден был доклад об учреждении в Одессе Коммерческой гимназии, которую должны были составлять отдельные училища — Приходское и Уездное — и собственно Гимназия [5, 2]. В высших классах изучали греческий, итальянский и французский языки. Гимназию в собственном смысле заменил Благородный Воспитательный институт, основанный 1 июня 1805 года управлявшим тогда Новороссийским краем дюком де Ришелье [5, 4].

Институт этот сперва существовал в виде частного учебного заведения, 26 мая 1811 г. он стал государственным. Студентов обучали языкам — русскому, греческому, французскому, итальянскому, немецкому, английскому и латинскому. В 1816 г будущий царь Николай приехал в Одессу и проинспектировал ее школы. Студенты института обращались к нему по-русски, по-французски, по-латински и по-итальянски, что приятно удивило его [3, 51].

Для замены существовавших в Одессе коммерческой гимназии, Уездного и Приходского училища и Воспитательного Института было основано высшее заведение под именем Ришельевского Лицея [5, 5]. Первым директором Лицея стал аббат Николь. Лицей состоял из 5 классов, в которых, кроме Закона Божьего, преподавались грамматика русского, латинского, греческого, французского, итальянского и немецкого языков, словесность, риторика, география и статистика, физика, математика, военные науки и «приятные искусства». Особое внимание уделялось изучению иностранных языков [5, 39]. Предметы преподавались большей частью на французском языке, и только в высших дополнительных классах Лицея чтение лекций происходило на русском языке.

Поначалу итальянский язык был в числе обязательных предметов, но, как сообщается в «Историческом обозрении», впоследствии, «по желанию родителей, желавших, чтобы их дети обучались немецкому языку преимущественно перед итальянским, аббат Николь находил нужным перенести преподавание итальянского языка в дополнительное училище, а немецкий язык поставить в числе необходимых предметов [5, 41]. Ученики с 1829 года получили право выбора изучаемого европейского языка, но один из языков должен быть изучаться обязательно. В 1818 году известный поэт Батюшков писал: «...лицей — самая большая красота Одессы, так же как Одесса — самый прекрасный город после столицы» [3, 51].

Наиболее яркой фигурой среди преподавателей итальянского языка в Одессе в первой половине XIX века был, безусловно, преподаватель Ришельевского Лицея, видный деятель просвещения и поэт Антонио Пиллер (1776 — после 1838). А.Пиллер в 1811 г. приехал в Москву, где работал лектором итальянского языка в университетском благородном пансионе. В Москве же он подготовил и издал «Итальянскую грамматику для употребления в учебных заведениях» (1813) и «Итальянскую хрестоматию в прозе и стихах для употребления учащихся» («Miscellanea o raccolta di pezzi scelti da piu celebri autori classici italiani») (1817), бывшие одними из первых изданных в России учебных пособий по итальянскому языку, которые на протяжении долгого времени оставались основной литературой для изучения итальянского языка в России.

В 1817 г. он получил должность профессора итальянского языка и словесности в Ришельевском лицее, в котором служил до 1838 года и был инспектором и членом правления лицея. В то же время Пиллер преподавал итальянский язык в Институте благородных девиц. Дослужился до чина статского советника. Он содержал также в Одессе пансион для «Благородных воспитанников». Антонио Пиллер являлся автором стихотворных и прозаических произведений в честь различных торжественных дат [1, 130].

Перу Антонио Пиллера, кроме указанных ранее учебных пособий, принадлежат также следующие: «Methode courte, facile et pratique de lingue italienne. A l'usage des eleves du Lycee Richelieu et des demoiselles nobles de l'institut d'Odessa. Nouvelle edit.» — M., Semen, 1826. — 227 p.; «Metodo per

insegnare a ben leggere la lingua italiana. Compilato dal metodo del Sig. Lemmi di Livorno. — Odessa, 1832. — 30 p.

После смерти Антонио Пиллера итальянский язык в Ришельевском лицее преподавал Антонио Вланди (1803-1871), с 1841 года работавший в учебных заведениях Одессы. После открытия в 1865 году Новороссийского университета, созданного на базе Ришельевского лицея, Вланди стал в нем лектором и занимал эту должность вплоть до своей смерти. Вланди был известен и как поэт [1, 53].

Кроме А.Пиллера и А.Вланди, в Ришельевском лицее преподавал еще один итальянец — Ансельмо Бернуцци, Пресвитер капуцинского ордена, он в 1827-1842 годах учил закону божьему студентов римско-католического вероисповедания [1, 33].

В 1860-х годах Ришельевский лицей по уровню квалификации преподавательского состава, студентов и учебных программ находился на уровне университета. Его выпускники знали латинский, русский, французский, итальянский, турецкий, древне- и новогреческий языки. Студенты и преподаватели Ришельевского лицея могли пользоваться фондами замечательной библиотеки на иностранных языках: по отчету 1856 г. имелось 322 книги на итальянском языке (для сравнения: книг на русском языке — 2 743; на французском — 2 014; на немецком — 2 374; на латинском — 856; на английском — 99) [5, 127].

Одесское коммерческое училище. Стремительно растущему городу была необходима школа, специализирующаяся на подготовке к коммерческой деятельности. Таким заведением стало Коммерческое училище. Дюк де Ришелье рекомендовал дирекции Училища изучать итальянский и новогреческий языки, так как считал, что владеющие этими языками будут иметь успех в Новороссии, «где вся торговля находится в руках итальянских и греческих купцов, тесно связанных с южными городами Европы» [3, 51]. Итальянский язык преподавался в Одесском коммерческом училище с начала его основания в 1804 году.

Лектором итальянского языка в первые годы существования училища был Джузеппе Фаррарини (1791- 1860). В Одесской коммерческой гимназии Фаррарини работал с 1809 года учителем итальянского языка, он был широко известен и как журналист, будучи одним из основателей и издате-

лей первой городской газеты «*Messager de la Russie Meridionale*» (1820-23). В 1839 Фаррарини переехал в Харьков [1, 179].

В «Историческом очерке Одесского коммерческого училища (1862-1887) говорится, что с ноября 1862 г. по ноябрь 1884 итальянский язык там преподавал доктор права Фабио Дель-Бубба, специально приглашенный из Пизанского университета [6, 41]. В Одессе Фабио Дель-Бубба был известен как учитель, поэт, либреттист. Он был членом педагогического совета коммерческого училища и исполнял в нем также обязанности надзирателя. Написал в Одессе либретто итальянской оперы Юрьевича «Пьеро Калабриец», премьера которой состоялась в январе 1867 в городском театре. Дель Бубба подавал заявление в Совет Новороссийского университета об участии в конкурсе на замещение вакантной должности лектора итальянского языка, но из-за отсутствия научных филологических публикаций его заявление было отклонено [1, 71].

Его сменил на должности преподавателя итальянского языка Коммерческого училища известный филолог, автор учебных пособий и первого полного итальянско-русского словаря Доменико Де-Виво, исполнявший в то же время обязанности лектора Новороссийского университета [4, 25].

Итальянский язык был в числе обязательных для изучения наряду с русским и французским языками; по выбору же изучались английский, немецкий и новогреческий языки. После принятия нового устава в 1869 году итальянский язык перестает быть обязательным, и слушатели получают право выбирать для изучения его или английский язык [6, 41]. В сводке «Положение о преобразовании, учебный устав и программы преподавания Одесского коммерческого училища, 1879» узнаем о программе, по которой изучался итальянский язык: в 3-м общеобразовательном классе: изменение членов [«артиклий»], образование множественного числа, степени сравнения, спряжения; устные переводы из Тезоретто. Упражнение в образовании фраз, служащих примерами для пройденного из грамматики [8, 30]; в 4-м общеобразовательном классе: Синтаксис, переводы из Всеобщей Истории Канту. В 1-м специально-коммерческом классе: чтение и перевод из всеобщей истории Канту; во 2-м специально-коммерческом классе, чтение одной из драм Альфиери; во всех классах изучали коммерческую корреспонденцию [8, 41-42].

Учителями всех европейских языков были исключительно иностранцы. Коммерция и бухгалтерия читались на французском языке, к чему ученики

были подготовлены постоянными упражнениями на уроках французского языка в коммерческой корреспонденции [6].

Следует сказать, что преподавателями основных дисциплин в Коммерческом училище — истории, права, политической экономии и других, — как правило, были профессора и лекторы Новороссийского университета. Даже французский язык с 1900 года в училище преподавал известный общественный деятель, президент Общества Данте Алигьери Иван Федорович Сперандрео, бывший в то время лектором итальянского языка на историко-филологическом отделении университета. Итальянский же язык из программы Коммерческого училища к этому времени исчезает.

В *Одесской консерватории* итальянский язык преподавал Faustino Джини, составивший учебник «Курс итальянского языка в двух книгах» (Faustino Giani, Corso di lingua italiana in due libri) — Одесса, 1915. Это пособие, включающее начальный и продвинутый курс, адаптированное чтение и избранные стихотворения, не потеряло своей методической и содержательной ценности вплоть до наших дней.

Итальянский язык изучался и в других учебных заведениях. В начале девятнадцатого века самым престижным заведением для дворянок был *Институт Благородных девиц*, основателем которого был учитель музыки Поцци. Вместе со своей женой, российской подданной, он в 1804 году открыл одно из первых учебных заведений в Одессе — частный пансион для дворянок. Девушки здесь обучались закону божьему, языкам, географии, истории, изящным искусствам, музыке, танцам, вышиванию и ведению домашнего хозяйства.

Преподавателем итальянского языка там был Джорджи, которого специально пригласили из Неаполя. В 1805 г. пансион Поцци объединился с частной школой француза де Вольселя, и, получив покровительство градоначальника де Ришелье, получил статус Дворянского института [1, 135].

В 1906 году здесь два раза в неделю преподавал итальянский язык Джироламо Пеццола — один из основателей учебных заведений Одессы. Он был известен и как поэт, его перу принадлежит первое из известных опубликованных в Одессе стихотворений (в 1814 году) — сонет на итальянском языке, посвященный примадонне первого театра «Al genio musicale della Signora

Giustina Zamboni» [Смольянинов, История Одессы, 1853, с. 165]» [1, 130]. Это стихотворение было первой публикацией местной типографии.

Итальянский язык изучался и в *пансионе для «Благородных воспитанников»*, основателем и директором которого был Антонио Пиллер [1, 130-131].

Широко было известно в России и Италии имя Амбродио Даньини (*Dagnini*) (1807-1872) — преподавателя, филолога. Работая учителем итальянского языка в Одессе, он подготовил и издал за рубежом, а в 1861 г. перепечатал в Одессе учебный курс итальянского языка, получивший похвальные отзывы итальянских специалистов, ученых флорентийской академии Делла Круска, Папского министерства образования в Риме.

История донесла до нас имена владельцев частных школ и преподавателей Витали, Фаррари, Коррадини, Вильетти, Джованни Ру, Руджери. Последний был основателем пансиона для мальчиков; в 1834 году там занимались 20 воспитанников [1, 148]. Итальянскому языку, наряду с немецким и французским, обучали в церковном училище при евангелической церкви, открытом в 1824 [9, 8].

Во второй половине столетия преподавание итальянского языка постепенно сдает свои позиции; уменьшается число учебных заведений, где его преподают, сокращается количество учебных часов; из обязательного предмета итальянский язык становится факультативным. Так, в Ришельевской гимназии итальянский язык уходит из программы после 1864 года в связи с введением нового устава гимназий. В частных женских учебных заведениях Одессы итальянский язык преподавался до 60-х годов.

«Итальянская диаспора к концу прошлого века уже не играла первостепенной роли в жизни города, а итальянский язык, как отмечают современники, уже в 60-е годы минувшего столетия стал относительной редкостью. Главная причина... лежит в сфере экономики. Во второй половине века присутствие итальянского населения в Одессе заметно уменьшается, сокращается число мелких торговых и производственных предприятий. К началу следующего столетия уже не числятся в городе купцы-итальянцы всех трех гильдий, полностью исчезают итальянские винные погреба, гостиные, пансионы. Биржевые и корабельные маклеры трансформировались в итальянские торговые дома, посреднические, комиссионные, экспедиционные, страховые и пароходные конторы» [9, 8]. Хотя на протяжении полустолетия и возрастило абсолютное

число итальянцев, их относительная доля в общем составе городского населения падала в связи с интенсивным пополнением его русскими, украинцами, евреями и т.д. Так, в 30-х годах в Одессе насчитывалось 1600 итальянцев, что составляло 3 процента всех жителей [2, 16].

В конце века архитектура в итальянском стиле, Итальянская опера, католическая церковь были последними подарками Одессе от итальянской диаспоры.

Преподаватель итальянского языка Новороссийского университета Джованни Сперандео, патриот и публицист, с горечью писал о положении итальянского языка в Одессе на рубеже веков: «Гаснет энтузиазм, и не слышно более ни одного слова по-итальянски, даже среди нас [итальянцев]. Возможно, [причины этого] — длительные контакты с иностранным народом, давно прерванные отношения с отчизной, новые интересы и браки с местными женщинами. Местные итальянцы, рожденные вдали от родины, никогда не видели ее прекрасного солнца. Ибо как же можно забыть Италию, увидев ее хоть однажды, и как можно не желать ее, хоть раз услышав о ней!» /Перев. Л.Д./ [11, 336].

Литература

1. Варварцев М.М. Італійці в Україні (19 ст.): Біографічний словник діячів культури. - Київ: Ін-т Історії України НАН України, 1994.
2. Варварцев Н.Н. Украина в российско-итальянских общественных и культурных связях (первая половина 19 в.) - Киев: Наукова Думка, 1986.
3. Герлігі П. Одеса. Історія міста, 1794-1914. - Київ: Критика, 1999. - 382 с.
4. Голубенко Л.Н., Дем'янова Л.І. Итальянский язык в Новороссийском университете // Записки з романо-германської філології. - ОНУ. - 2000. - Вип. 8. - С.22-29.
5. Исторический обзор сорока летия Ришельевского лицея, с 1817 по 1857г. Составлен Инспектором Лицея Иосифом Михневичем. - Одесса, тип. Нитче, 1857. - 200 с.
6. Исторический очерк Одесского коммерческого училища (1862-1887). Составитель П.А.Искра. - Одесса: Тип. Труд, 1887.
7. Одесса: 1794-1894. - Одесса, 1895

8. Положение о преобразовании, учебный устав и программы преподавания Одесского коммерческого училища. 1879.
9. Чарнецкий В. Вдали Италии своей. Беседы с В. Королевым // Одесский вестник - 1994. - №1 - С.8.
10. Шишмарев В.Ф. Романские поселения на юге России. - Л., 1975. - 246 с.
11. Sperandeo G. Gli italiani nel Mar Nero. La colonia di Odessa // Rivista d'Italia. - 1906. - Agosto. - P. 325-342.

Н.Г. Иванова

ТРЕХМЕРНОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА

Традиционно считается, что в словообразовательном гнезде (СГ) как комплексной единице дериватологии реализуются синтагматические и парадигматические отношения (в словообразовательных цепях (СЦ) и словообразовательных парадигмах (СП) соответственно), т.е. СГ рассматривается как двухмерное образование.

Следует заметить, что в настоящее время не существует единого мнения о типах словообразовательных отношений в СГ.

В частности, как отмечает Р.З. Мурасов, «вряд ли можно найти другую такую область языка, как словообразование, где термин «парадигма» употреблялся бы столь противоречиво и многозначно» [10, 118]. Видимо, поэтому в «Русской грамматике» 1982 г. даже не упоминается термин «словообразовательная парадигма». Некоторые авторы высказывают сомнения относительно реальности существования СП в системе языка [7], другие считают термин «словообразовательная парадигма» неприемлемым [9, 186].

Необходимо вспомнить, что еще А.А. Реформатский говорил о производных словах как внутренних синтагмах [12, 325-327], противопоставляя их внешним синтагмам, членами которых могут быть слова, из которых одно регламентируется другим (белый хлеб, ем хлеб, жадно ем, я ем и т.д.), или словосочетания, выступающие как один член (работать спустя рукава, видел «Горе от ума» и др.) и более сложные блоки. Членами внутренних синтагм являются морфологические части слов — морфемы и сочетания морфем (дом-ик, перевоз-чик и т.д.) Аналогичную позицию занимает А.Г. Лыков [8, 35], рассматривая каждое производное слово как словообразовательную синтагму — бинарную оппозицию базы и форманта.

А.И. Моисеев анализирует мнения, характеризующие отношения в словообразовательных рядах, парах, цепочках как синтагматические, и доказывает **отсутствие** синтагматических отношений во всех словообразовательных совокупностях слов. Он признает реализацию синтагматических словообразовательных отношений в самих производных словах, представляющих собой синтагмы входящих в их состав морфем, т.е. внутренние синтагмы. Все комплексные единицы дериватологии — словообразовательные пары, цепочки, веера и словообразовательные гнезда в целом — являются словообразовательными парадигмами разного состава и вида [9, 166]. К этому выводу приходит и Е.А. Земская, утверждая, что парадигматические отношения в словообразовании выявляются не только в словообразовательных парадигмах [5, 334]. Не признает отношения в словообразовательных цепях синтагматическими Р.М. Гейгер [3, 94].

Итак, обратим внимание на вывод А.И. Моисеева: «...словообразовательные связи слов всегда, во всех случаях — при параллельном словообразовании (словообразовательные пучки или веера слов) и при последовательном словообразовании (словообразовательные цепочки слов) — системные парадигматические отношения» [9, 166].

Исходя из этого, мы предлагаем отличать *собственно (чисто) парадигматические отношения от условно-синтагматических*. Первые (*собственно (чисто) парадигматические отношения*) определяют словообразовательные связи в СП — основной единице на вертикальной оси [13, 41]. Вторые (*условно-синтагматические или линейно-парадигматические*) характеризуют словообразовательные связи, возникающие в СЦ — «важнейшей синтагматической единице в структуре гнезда» [13, 44].

В свою очередь, целесообразно разграничить отношения *условно-синтагматические* (или *линейно-парадигматические*) и отношения, определяющие сочетаемость морфем в производном слове, т.е. отношения *собственно (чисто) синтагматические*.

Следовательно, каждый компонент производного слова реализует *собственно синтагматические отношения* как член словообразовательной синтагмы, *условно-синтагматические (линейно-парадигматические) отношения* как составная часть производных слов в СЦ и *собственно парадигматические отношения* как составная часть производных слов в СП.

Вспомним, что о трехмерности лексики, о третьем измерении лексики — эпидигматическом — говорил Д.Н. Шмелев [15], представив его как «глубинную» ось значения слова в дополнение к «вертикальной» — парадигматической и «горизонтальной» — синтагматической.

Словообразовательное гнездо как трехмерное образование логично представить с помощью геометрического метода координат; однако этому должен предшествовать подготовительный этап — этап морфного моделирования данного СГ, в основе которого лежат принципы, разработанные З.М. Осипенко и Г.С. Онуфриенко [11]. Оба этапа моделирования (и морфное, и с помощью метода координат), проведенные в настоящей статье на материале компонентов словообразовательного гнезда с вершиной *оним*, в значительной степени позволяют отразить динамический аспект словообразования.

Морфная модель словообразовательного гнезда (ММСГ) с вершиной *оним* построена в результате анализа 442 правых дериватов от терминов на *-оним*, фигурирующих как в сфере фиксации терминологии, так и в сфере ее функционирования¹. ММСГ представляет в систематизированном и упорядоченном виде все суффиксы, участвующие в образовании терминов. ММСГ является тем фундаментом, без которого невозможны ни наглядная демонстрация, ни аргументированное обоснование теоретических выводов о трехмерности словообразовательного гнезда, представленных в настоящей статье.

Заметим, что совокупность терминов на *-оним* (т.е. терминов, имеющих препоненты и *-оним* в абсолютном конце) представляет собой базовую СП², ограниченную одним способом словообразования, дифференциаторами в которой служат препозитивные терминоэлементы (ПТЭ), а идентификатором — производящая основа *-оним*; вершиной СП является непроизводное слово *оним*. Термины на *-оним* с одним ПТЭ образуют одноступенчатую СП, термины на *-оним* с двумя ПТЭ — двухступенчатую СП, термины на *-оним* с тремя ПТЭ — трехступенчатую СП и т.д. Термины

¹ Всего выявлено 784 термина с компонентом *-оним*.

² Дифференциатором (переменным членом) СП служит аффикс, идентификатором — производящая основа. Вершиной СП является мотивирующее слово по отношению к членам парадигмы, которое не включается в состав СП.

ны, входящие в состав данной СП, могут быть представлены в следующем виде: **n (pr) — опум**, где

n — коэффициент, указывающий количество ПТЭ в данном термине на -оним и, следовательно, ступенчатость СП;

(pr) — переменный член СП, соответствующий ПТЭ термина на **-оним**;
опум — постоянный член СП, соответствующий компоненту **-оним** в термине.

Данная формула позволяет предположить, что количество переменных членов СП и степеней СП не ограничено, поскольку по мере накопления признаков теоретически возможно бесконечное увеличение числа определяющих элементов (как по вертикали, так и по горизонтали). (Ср.: Ю.Д. Апресян считает, что развитие сложносочиненных и сложноподчиненных предложений в языке грамматически не ограничено [1].) Многоосновные композиции типа *спациоэлектрокардиограф* «для терминологии не только чрезвычайно актуальны, но и оптимальны, так как с их помощью достигается номинация с необходимым числом признаков» [4, 13]. К этому же выводу приходит и Н.И. Безбородько, указывая, однако, что многокомпонентные модели не найдут активного применения в языке науки поскольку необходимо принять во внимание требования лингвистической эстетики и экономии языковых средств [2, 115]. ММСГ с вершиной оним построена нами в результате анализа всех существующих в узусе суффиксальных производных терминов на **-оним**.

Морфная модель словообразовательного гнезда с вершиной оним

1		-ИЗИРОВА	(ть)		
2			-из	-АТОР	
3				-изатор	-СК(ий)
4					-изаторск
5					-И
6			-ИЗАЦИЙ(а)		-ОНН(ый)
7					-изационн
8					-О
9					-изационн
10			-изировать	-СЯ	-ОСТЬ
11	-ИЛ(а)				
12			-ичн(ый)		
13				-ичн	-О
14		-ИК(а)			-ОСТЬ
15			-ИСТ		-ИЧЕСК(ий)
16					-ист
17					-истическ
18		-ич		-ЕСК(ий)	-И
19				-ическ	
20		-ИКОН			
21			-икон		-ИЧЕСК(ий)
22					-иконическ
23		-Н(ый)			-И
24			-н	-О	
25			-н	-ОСТЬ	
26		-ОИД			
27			-оид	-Н(ый)	
28				-оидн	-О
29				-оидн	-ОСТЬ
30		(О)...			
31					

Условные обозначения:

- прямоугольником обозначается формула члена СП, т.е. термин на **-оним**;
- прямоугольник **■** обозначает реальные образования (реальным признается однократно зафиксированный дериват с данным суффиксом);

- заштрихованный прямоугольник обозначает вероятностные образования (вероятностным считается предполагаемый дериват с данным суффиксом);
- большими буквами выделяется словообразовательный формант.

В ММСГ не отражено префиксальное образование, т.е. все представленные в ней производные реализуют свою правую валентность. Слева от **п (pr)-опум** могут находиться разнообразные препоненты, причем сочетание с препонентом не приводит к потере способности иметь суффиксальные производные. Производные слова в модели расположены таким образом, что каждое из них имеет одно и только одно производящее, одну и только одну словообразовательную структуру, что ликвидирует не нужную терминологии дублетность.

В дериватологии была предпринята попытка Н.Ф. Клименко и Е.А. Карпиловской представить структуру словообразовательного гнезда с помощью метода координат на плоскости по следующим параметрам, являющимся основными характеристиками формальной структуры гнезда:

- на линейной оси (ось X) представлена СЦ. Ее максимальная длина является показателем мощности гнезда и исчисляется в деривационных шагах;
- на вертикальной оси (ось Y) развертывается СП, максимальная высота которой свидетельствует о глубине СГ [6, 43].³

³ Что касается точности определения параметров, характеризующих формальную структуру СГ, то, кроме приведенных выше дефиниций мощности СГ и глубины СГ [6], существует мнение А.Н. Тихонова и П.Я. Санеевой [14], считающих, что глубина гнезда – это максимальное число ступеней словоизменения (т.е. в понимании Н.Ф. Клименко и Е.А. Карпиловской – мощность СГ); ширина гнезда – это количество деривационных ветвей, исходящих из вершины гнезда, или количество непосредственно производных исходного слова, соответствующее лексическому объему словообразовательной парадигмы первой ступени словоизменения. Такое понимание ширины гнезда близко приведенному выше определению глубины СГ Н.Ф. Клименко и Е.А. Карпиловской, но не тождественно ему. Однако мы считаем необходимым четко разграничить эти два положения. Глубину гнезда мы определяем по максимальному количеству членов СП [6]. Под шириной гнезда мы понимаем количество деривационных ветвей, исходящих из вершины СГ [14]. Следовательно, понятие ширины СГ не совсем адекватно понятию глубины СГ и демонстрирует валентность вершины гнезда. Кроме того, для характеристики суффиксальных производных в СГ можно использовать понятия *правая глубина*, *правая ширина*, *правая мощность*, а для описания префиксальных производных *левая глубина*, *левая ширина*, *левая мощность*. (Ср.: правая валентность префиксов, левая валентность суффиксов, правая и левая валентность основы).

Координаты точки, расположенной в данной плоскости, указывают место данного слова в СЦ (координата X) и в СП (координата Y). Линии, связывающие на плоскости точки между собой, не являются векторами; они помогают определить направления мотивации.

Координаты точек:

O1 (1;1)	O6 (3;2)	O11 (2;2)	O16 (3;5)	O21 (2;4)	O26 (3;9)
O2 (2;1)	O7 (4;2)	O12 (3;4)	O17 (4;5)	O22 (3;7)	O27 (2;6)
O3 (3;1)	O8 (5;2)	O13 (4;3)	O18 (5;4)	O23 (4;7)	O28 (3;10)
O4 (4;1)	O9 (5;3)	O14 (4;4)	O19 (3;6)	O24 (2;5)	O29 (4;8)
O5 (5;1)	O10 (3;3)	O15 (2;3)	O20 (4;6)	O25 (3;8)	O30 (4;9)

Например, если точка O_{21} имеет координаты (2;4), это значит, что слово, соответствующее данной точке, является вторым членом СЦ и четвертым членом СП. По морфной модели словообразовательного гнезда, определяем, что подобными характеристиками обладает слово **опум-икон** (напр., онимикон).

Каждое слово соответствует одной и только одной точке на плоскости; нет и не может быть слова, могущего быть представленным на графике дважды. Верно и обратное: каждому слову соответствует одна и только одна точка на данной плоскости; нет и не может быть двух слов, имеющих одинаковые координаты, т.е. одинаковые места в СЦ и в СП. В этом заключается лингвистический смысл модели данного типа, отражающей с помощью метода координат связи в СЦ (т.е. условно-сintагматические или линейно-парадигматические отношения) и в СП (т.е. собственно парадигматические отношения).

Приняв к сведению возможность изображения СГ на плоскости и изучения их с помощью метода координат, а также приведенное выше положение о существовании трех типов отношений в СГ мы предлагаем представить СГ в трехмерном пространстве, по трем координатам с помощью векторов, причем как координаты вектора, так и его длина отражают определенные лингвистические параметры.

На оси абсцисс изображается слово как словообразовательная синтагма в виде вектора, который приложен к точке начала координат в том случае, если первая морфема является корневой. Если перед корнем находится префикс, то вектор начинается в точке с координатой (-1), если два префикса — в точке с координатой (-2), и т. д. Длина данного вектора соответствует количеству морфем в данном слове.

Так, длина вектора для вершины СГ *оним* равна 1, его координаты $(0;1)$. Суффиксальные наращения данного слова откладываются вправо, а префиксальные — влево. Так, существительное на *-оним* с одним препонентом (например, *топоним*) и существительное, производное от *оним* с помощью суффикса *ij-(a)* *онимия*, имеют одинаковую длину вектора на оси абсцисс, равную 2, но разные координаты: для слова на *-оним* с одним препонентом $(1;1)$, а для существительного, производного от слова *оним* с помощью суффикса *ij-(a)* $(0;2)$, т.е. векторы отличаются точкой приложения в системе координат.

Таким образом, по координате X можно определить:

- 1) общее количество морфем в слове (по длине векторов);
- 2) количество морфем, предшествующих корневой (по точке приложения данного вектора);
- 3) количество морфем, следующих за корневой (исчисляется по координате конца вектора минус 1).

На оси ординат откладывается вектор, длина которого равна порядковому номеру слова в данной СП, а координаты вектора указывают местоположение слова в СП, причем левая (префиксальная) СП — откладывается по оси Y вниз (координаты точки приложения данного вектора), а правая (суффиксальная) СП — вверх (координаты точки конца данного вектора). Так, вершина словообразовательного гнезда *оним* не является членом СП, поэтому на оси Y вектор имеет нулевую длину, нулевые координаты $|\vec{y}| = l(0;0)$.

На оси Z откладывается вектор, длина которого равна порядковому номеру слова в данной СЦ, а координаты вектора указывают местоположение слова в СЦ, причем левые (префиксальные) производные откладываются по отрицательной оси, а правые (суффиксальные) — по положительной. Вершине СГ *оним*, являющейся первым членом СЦ, соответствует единичный вектор с координатами $(0;1)$.

Представим СГ терминов на *-оним*, соответствующих морфной модели *n(pr)-онум*.

Последовательно рассмотрим случаи при $n=0$, когда изображаются термины на *-оним* без препонента, при $n=1$, когда изображаются термины на *-оним* с одним препонентом, при $n=2$, когда изображаются термины на *-оним* с двумя препонентами. Вектор, соответствующий группе терминов без препонентов, обозначим \vec{a} ; вектор, соответствующий группе терминов с одним

препонентом, обозначим \vec{b} ; вектор, соответствующий группе терминов с двумя препонентами, обозначим \vec{c} . Индекс при векторе соотносится с порядковым номером слова в морфной модели СГ. Заметим, что все суффиксальные дериваты признаются производными от основы *n(pr)-онум* как при $n=0$, так и при $n=1$, и при $n=2$. Считываются вероятными при $n \neq 0$ те же суффиксальные производные, что и при $n=0$; если же $n=1$, то длина вектора увеличивается на 1, если $n=2$, то длина вектора увеличивается на 2.

Координаты векторов, изображающих термины, удовлетворяющих модели *n(pr)-онум* при $n=0$, записываются в виде:

\vec{a}_1	$\vec{x}(0;1)$	$\vec{y}(0;0)$	$\vec{z}(0;1)$	\vec{a}_{16}	$\vec{x}(0;2)$	$\vec{y}(0;5)$	$\vec{z}(0;3)$
\vec{a}_2	$\vec{x}(0;2)$	$\vec{y}(0;1)$	$\vec{z}(0;2)$	\vec{a}_{17}	$\vec{x}(0;3)$	$\vec{y}(0;5)$	$\vec{z}(0;4)$
\vec{a}_3	$\vec{x}(0;3)$	$\vec{y}(0;1)$	$\vec{z}(0;3)$	\vec{a}_{18}	$\vec{x}(0;4)$	$\vec{y}(0;4)$	$\vec{z}(0;5)$
\vec{a}_4	$\vec{x}(0;4)$	$\vec{y}(0;1)$	$\vec{z}(0;4)$	\vec{a}_{19}	$\vec{x}(0;3)$	$\vec{y}(0;6)$	$\vec{z}(0;3)$
\vec{a}_5	$\vec{x}(0;5)$	$\vec{y}(0;1)$	$\vec{z}(0;5)$	\vec{a}_{20}	$\vec{x}(0;4)$	$\vec{y}(0;6)$	$\vec{z}(0;4)$
\vec{a}_6	$\vec{x}(0;2)$	$\vec{y}(0;2)$	$\vec{z}(0;3)$	\vec{a}_{21}	$\vec{x}(0;2)$	$\vec{y}(0;4)$	$\vec{z}(0;2)$
\vec{a}_7	$\vec{x}(0;3)$	$\vec{y}(0;2)$	$\vec{z}(0;4)$	\vec{a}_{22}	$\vec{x}(0;3)$	$\vec{y}(0;7)$	$\vec{z}(0;3)$
\vec{a}_8	$\vec{x}(0;4)$	$\vec{y}(0;2)$	$\vec{z}(0;5)$	\vec{a}_{23}	$\vec{x}(0;4)$	$\vec{y}(0;7)$	$\vec{z}(0;4)$
\vec{a}_9	$\vec{x}(0;4)$	$\vec{y}(0;3)$	$\vec{z}(0;5)$	\vec{a}_{24}	$\vec{x}(0;2)$	$\vec{y}(0;5)$	$\vec{z}(0;2)$
\vec{a}_{10}	$\vec{x}(0;3)$	$\vec{y}(0;3)$	$\vec{z}(0;3)$	\vec{a}_{25}	$\vec{x}(0;3)$	$\vec{y}(0;8)$	$\vec{z}(0;3)$
\vec{a}_{11}	$\vec{x}(0;2)$	$\vec{y}(0;2)$	$\vec{z}(0;2)$	\vec{a}_{26}	$\vec{x}(0;3)$	$\vec{y}(0;9)$	$\vec{z}(0;4)$
\vec{a}_{12}	$\vec{x}(0;2)$	$\vec{y}(0;4)$	$\vec{z}(0;3)$	\vec{a}_{27}	$\vec{x}(0;2)$	$\vec{y}(0;6)$	$\vec{z}(0;2)$
\vec{a}_{13}	$\vec{x}(0;3)$	$\vec{y}(0;3)$	$\vec{z}(0;4)$	\vec{a}_{28}	$\vec{x}(0;3)$	$\vec{y}(0;10)$	$\vec{z}(0;3)$
\vec{a}_{14}	$\vec{x}(0;3)$	$\vec{y}(0;4)$	$\vec{z}(0;4)$	\vec{a}_{29}	$\vec{x}(0;4)$	$\vec{y}(0;8)$	$\vec{z}(0;4)$
\vec{a}_{15}	$\vec{x}(0;2)$	$\vec{y}(0;3)$	$\vec{z}(0;2)$	\vec{a}_{30}	$\vec{x}(0;4)$	$\vec{y}(0;9)$	$\vec{z}(0;4)$

Длина векторов, изображающих составляющие данную группу термины, равна:

$ \vec{a}_1 $	$(1;0;1)$	$ \vec{a}_7 $	$(3;2;4)$	$ \vec{a}_{13} $	$(3;3;4)$	$ \vec{a}_{19} $	$(3;6;3)$	$ \vec{a}_{25} $	$(3;8;3)$
$ \vec{a}_2 $	$(2;1;2)$	$ \vec{a}_8 $	$(4;2;5)$	$ \vec{a}_{14} $	$(3;4;4)$	$ \vec{a}_{20} $	$(4;6;4)$	$ \vec{a}_{26} $	$(3;9;4)$
$ \vec{a}_3 $	$(3;1;3)$	$ \vec{a}_9 $	$(4;3;5)$	$ \vec{a}_{15} $	$(2;3;2)$	$ \vec{a}_{21} $	$(2;4;2)$	$ \vec{a}_{27} $	$(2;6;2)$
$ \vec{a}_4 $	$(4;1;4)$	$ \vec{a}_{10} $	$(3;3;3)$	$ \vec{a}_{16} $	$(2;5;3)$	$ \vec{a}_{22} $	$(3;7;3)$	$ \vec{a}_{28} $	$(3;10;3)$
$ \vec{a}_5 $	$(5;1;5)$	$ \vec{a}_{11} $	$(2;2;2)$	$ \vec{a}_{17} $	$(3;5;4)$	$ \vec{a}_{23} $	$(4;7;4)$	$ \vec{a}_{29} $	$(4;8;2)$
$ \vec{a}_6 $	$(2;2;3)$	$ \vec{a}_{12} $	$(2;4;3)$	$ \vec{a}_{18} $	$(4;4;5)$	$ \vec{a}_{24} $	$(2;5;2)$	$ \vec{a}_{30} $	$(4;9;4)$

Например, если вектор \vec{a}_{10} имеет координаты $\vec{x}(0;3)$; $\vec{y}(0;3)$; $\vec{z}(0;3)$; и длину $l|\vec{a}_{10}|(3;3;3)$, это значит что:

1. Данное слово состоит из трех морфем, причем все размещаются после корня.

2. В составе правой СП данное слово занимает третье место. Данное слово не входит в состав левой СП.

3. Данное слово, являясь третьим членом СЦ, образовано тремя деривационными шагами, причем все они были сделаны вправо.

Обратившись к морфной модели словаобразовательного гнезда, определяем, что подобными характеристиками обладает слово **опут-изироватьсь** (напр., онимизироваться).

Координаты векторов, изображающих термины, удовлетворяющих модели **n(pr)- опут** при $n=1$, записываются в виде:

\vec{a}_1	$\vec{x}(0;1)$	$\vec{y}(0;0)$	$\vec{z}(0;1)$	\vec{a}_{16}	$\vec{x}(-1;2)$	$\vec{y}(-1;5)$	$\vec{z}(-1;3)$
\vec{b}_1	$\vec{x}(-1;1)$	$\vec{y}(-1;0)$	$\vec{z}(-1;1)$	\vec{b}_{16}	$\vec{x}(-1;2)$	$\vec{y}(-1;5)$	$\vec{z}(-1;3)$
\vec{b}_2	$\vec{x}(-1;2)$	$\vec{y}(-1;1)$	$\vec{z}(-1;2)$	\vec{b}_{17}	$\vec{x}(-1;3)$	$\vec{y}(-1;5)$	$\vec{z}(-1;4)$
\vec{b}_3	$\vec{x}(-1;3)$	$\vec{y}(-1;1)$	$\vec{z}(-1;3)$	\vec{b}_{18}	$\vec{x}(-1;4)$	$\vec{y}(-1;4)$	$\vec{z}(-1;5)$
\vec{b}_4	$\vec{x}(-1;4)$	$\vec{y}(-1;1)$	$\vec{z}(-1;4)$	\vec{b}_{19}	$\vec{x}(-1;3)$	$\vec{y}(-1;6)$	$\vec{z}(-1;3)$
\vec{b}_5	$\vec{x}(-1;5)$	$\vec{y}(-1;1)$	$\vec{z}(-1;5)$	\vec{b}_{20}	$\vec{x}(-1;4)$	$\vec{y}(-1;6)$	$\vec{z}(-1;4)$
\vec{b}_6	$\vec{x}(-1;2)$	$\vec{y}(-1;2)$	$\vec{z}(-1;3)$	\vec{b}_{21}	$\vec{x}(-1;2)$	$\vec{y}(-1;4)$	$\vec{z}(-1;2)$
\vec{b}_7	$\vec{x}(-1;3)$	$\vec{y}(-1;2)$	$\vec{z}(-1;4)$	\vec{b}_{22}	$\vec{x}(-1;3)$	$\vec{y}(-1;7)$	$\vec{z}(-1;3)$
\vec{b}_8	$\vec{x}(-1;4)$	$\vec{y}(-1;2)$	$\vec{z}(-1;5)$	\vec{b}_{23}	$\vec{x}(-1;4)$	$\vec{y}(-1;7)$	$\vec{z}(-1;4)$
\vec{b}_9	$\vec{x}(-1;4)$	$\vec{y}(-1;3)$	$\vec{z}(-1;5)$	\vec{b}_{24}	$\vec{x}(-1;2)$	$\vec{y}(-1;5)$	$\vec{z}(-1;2)$
\vec{b}_{10}	$\vec{x}(-1;3)$	$\vec{y}(-1;3)$	$\vec{z}(-1;3)$	\vec{b}_{25}	$\vec{x}(-1;3)$	$\vec{y}(-1;8)$	$\vec{z}(-1;3)$
\vec{b}_{11}	$\vec{x}(-1;2)$	$\vec{y}(-1;2)$	$\vec{z}(-1;2)$	\vec{b}_{26}	$\vec{x}(-1;3)$	$\vec{y}(-1;9)$	$\vec{z}(-1;4)$
\vec{b}_{12}	$\vec{x}(-1;2)$	$\vec{y}(-1;4)$	$\vec{z}(-1;3)$	\vec{b}_{27}	$\vec{x}(-1;2)$	$\vec{y}(-1;6)$	$\vec{z}(-1;2)$
\vec{b}_{13}	$\vec{x}(-1;3)$	$\vec{y}(-1;3)$	$\vec{z}(-1;4)$	\vec{b}_{28}	$\vec{x}(-1;3)$	$\vec{y}(-1;10)$	$\vec{z}(-1;3)$
\vec{b}_{14}	$\vec{x}(-1;3)$	$\vec{y}(-1;4)$	$\vec{z}(-1;4)$	\vec{b}_{29}	$\vec{x}(-1;4)$	$\vec{y}(-1;8)$	$\vec{z}(-1;4)$
\vec{b}_{15}	$\vec{x}(-1;2)$	$\vec{y}(-1;3)$	$\vec{z}(-1;2)$	\vec{b}_{30}	$\vec{x}(-1;4)$	$\vec{y}(-1;9)$	$\vec{z}(-1;4)$

Длина векторов, изображающих составляющие данную группу термины, равна:

$$|\vec{a}_1|(1;0;1)$$

$ \vec{b}_1 (2;1;2)$	$ \vec{b}_7 (4;3;5)$	$ \vec{b}_{13} (4;4;5)$	$ \vec{b}_{19} (4;7;4)$	$ \vec{b}_{25} (4;9;4)$
$ \vec{b}_1 (3;2;3)$	$ \vec{b}_8 (5;3;6)$	$ \vec{b}_{14} (4;5;5)$	$ \vec{b}_{20} (5;7;5)$	$ \vec{b}_{26} (4;10;5)$
$ \vec{b}_3 (4;2;4)$	$ \vec{b}_9 (5;4;6)$	$ \vec{b}_{15} (3;4;3)$	$ \vec{b}_{21} (3;5;3)$	$ \vec{b}_{27} (3;7;3)$
$ \vec{b}_4 (5;2;5)$	$ \vec{b}_{10} (4;4;4)$	$ \vec{b}_{16} (3;6;4)$	$ \vec{b}_{22} (4;8;4)$	$ \vec{b}_{28} (4;11;4)$
$ \vec{b}_5 (6;2;6)$	$ \vec{b}_{11} (3;3;3)$	$ \vec{b}_{17} (4;6;5)$	$ \vec{b}_{23} (5;8;5)$	$ \vec{b}_{29} (5;9;5)$
$ \vec{b}_6 (3;3;4)$	$ \vec{b}_{12} (3;5;4)$	$ \vec{b}_{18} (5;5;6)$	$ \vec{b}_{24} (3;6;3)$	$ \vec{b}_{30} (5;10;5)$

Например, если вектор \vec{b}_{19} имеет координаты $\vec{x}(-1;3)$; $\vec{y}(-1;6)$; $\vec{z}(-1;3)$; и длину $l|\vec{b}_{19}|(4;7;4)$, это значит что:

1. Данное слово состоит из четырех морфем, одна из которых расположена в позиции перед корнем, а две — после корня.

2. В составе левой СП данное слово занимает первое место, а в составе правой СП — шестое.

3. Данное слово, являясь четвертым членом СЦ, образовано тремя деривационными шагами, причем один из них был сделан влево, а два — вправо.

Обратившись к морфной модели словаобразовательного гнезда, определяем, что подобные параметры свойственны слову **n(pr)- опут-ич-ЕСК-ий** (напр., топонимический).

Координаты векторов, изображающих термины, удовлетворяющих модели **n(pr)- опут** при $n=2$, записываются в виде:

\vec{a}_1	$\vec{x}(0;1)$	$\vec{y}(0;0)$	$\vec{z}(0;1)$	\vec{a}_{16}	$\vec{x}(-2;2)$	$\vec{y}(-2;5)$	$\vec{z}(-2;3)$
\vec{b}_1	$\vec{x}(-1;1)$	$\vec{y}(-1;0)$	$\vec{z}(-1;1)$	\vec{b}_{16}	$\vec{x}(-2;2)$	$\vec{y}(-2;5)$	$\vec{z}(-2;3)$
\vec{b}_2	$\vec{x}(-2;2)$	$\vec{y}(-2;1)$	$\vec{z}(-2;2)$	\vec{b}_{17}	$\vec{x}(-2;3)$	$\vec{y}(-2;5)$	$\vec{z}(-2;4)$
\vec{b}_3	$\vec{x}(-2;3)$	$\vec{y}(-2;1)$	$\vec{z}(-2;3)$	\vec{b}_{18}	$\vec{x}(-2;4)$	$\vec{y}(-2;4)$	$\vec{z}(-2;5)$
\vec{b}_4	$\vec{x}(-2;4)$	$\vec{y}(-2;1)$	$\vec{z}(-2;4)$	\vec{b}_{19}	$\vec{x}(-2;3)$	$\vec{y}(-2;6)$	$\vec{z}(-2;3)$
\vec{b}_5	$\vec{x}(-2;5)$	$\vec{y}(-2;1)$	$\vec{z}(-2;5)$	\vec{b}_{20}	$\vec{x}(-2;4)$	$\vec{y}(-2;6)$	$\vec{z}(-2;4)$
\vec{b}_6	$\vec{x}(-2;2)$	$\vec{y}(-2;2)$	$\vec{z}(-2;3)$	\vec{b}_{21}	$\vec{x}(-2;2)$	$\vec{y}(-2;4)$	$\vec{z}(-2;2)$
\vec{b}_7	$\vec{x}(-2;3)$	$\vec{y}(-2;2)$	$\vec{z}(-2;4)$	\vec{b}_{22}	$\vec{x}(-2;3)$	$\vec{y}(-2;7)$	$\vec{z}(-2;3)$
\vec{b}_8	$\vec{x}(-2;4)$	$\vec{y}(-2;2)$	$\vec{z}(-2;5)$	\vec{b}_{23}	$\vec{x}(-2;4)$	$\vec{y}(-2;7)$	$\vec{z}(-2;4)$
\vec{b}_9	$\vec{x}(-2;4)$	$\vec{y}(-2;3)$	$\vec{z}(-2;5)$	\vec{b}_{24}	$\vec{x}(-2;2)$	$\vec{y}(-2;5)$	$\vec{z}(-2;2)$
\vec{b}_{10}	$\vec{x}(-2;3)$	$\vec{y}(-2;3)$	$\vec{z}(-2;3)$	\vec{b}_{25}	$\vec{x}(-2;3)$	$\vec{y}(-2;8)$	$\vec{z}(-2;3)$
\vec{b}_{11}	$\vec{x}(-2;2)$	$\vec{y}(-2;2)$	$\vec{z}(-2;2)$	\vec{b}_{26}	$\vec{x}(-2;3)$	$\vec{y}(-2;9)$	$\vec{z}(-2;4)$
\vec{b}_{12}	$\vec{x}(-2;2)$	$\vec{y}(-2;4)$	$\vec{z}(-2;3)$	\vec{b}_{27}	$\vec{x}(-2;2)$	$\vec{y}(-2;6)$	$\vec{z}(-2;2)$
\vec{b}_{13}	$\vec{x}(-2;3)$	$\vec{y}(-2;3)$	$\vec{z}(-2;4)$	\vec{b}_{28}	$\vec{x}(-2;3)$	$\vec{y}(-2;10)$	$\vec{z}(-2;3)$
\vec{b}_{14}	$\vec{x}(-2;3)$	$\vec{y}(-2;4)$	$\vec{z}(-2;4)$	\vec{b}_{29}	$\vec{x}(-2;4)$	$\vec{y}(-2;8)$	$\vec{z}(-2;4)$
\vec{b}_{15}	$\vec{x}(-2;2)$	$\vec{y}(-2;3)$	$\vec{z}(-2;2)$	\vec{b}_{30}	$\vec{x}(-2;4)$	$\vec{y}(-2;9)$	$\vec{z}(-2;4)$

Длина векторов, изображающих составляющие данную группу термины, равна:

$ \vec{a}_1 (1;0;1)$
$ \vec{b}_1 (2;1;2)$
$ \vec{c}_1 (3;1;3)$
$ \vec{c}_2 (3;2;4)$
$ \vec{c}_3 (5;2;5)$
$ \vec{c}_4 (6;2;6)$
$ \vec{c}_5 (7;2;7)$
$ \vec{c}_6 (4;3;5)$
$ \vec{c}_7 (5;3;6)$
$ \vec{c}_8 (6;3;7)$
$ \vec{c}_9 (6;4;7)$
$ \vec{c}_{10} (5;4;5)$
$ \vec{c}_{11} (4;3;4)$
$ \vec{c}_{12} (4;5;5)$
$ \vec{c}_{13} (5;4;6)$
$ \vec{c}_{14} (5;5;6)$
$ \vec{c}_{15} (4;4;4)$
$ \vec{c}_{16} (4;6;5)$
$ \vec{c}_{17} (5;6;6)$
$ \vec{c}_{18} (6;5;7)$
$ \vec{c}_{19} (5;7;5)$
$ \vec{c}_{20} (6;7;6)$
$ \vec{c}_{21} (4;5;4)$
$ \vec{c}_{22} (5;8;5)$
$ \vec{c}_{23} (6;8;6)$
$ \vec{c}_{24} (4;6;4)$
$ \vec{c}_{25} (5;9;5)$
$ \vec{c}_{26} (5;10;6)$
$ \vec{c}_{27} (4;7;4)$
$ \vec{c}_{28} (5;11;5)$
$ \vec{c}_{29} (6;9;6)$
$ \vec{c}_{30} (6;10;6)$

Например, если вектор \vec{c}_{11} имеет координаты $\vec{x} (-2;2)$; $\vec{y} (-2;2)$; $\vec{z} (-2;2)$; и длину $l |\vec{c}_{11}| (4;3;4)$, это значит что:

1. Данное слово состоит из четырех морфем, две из которых находятся в позиции перед корнем, а одна — после корня.
2. В составе как левой, так и правой СП данное слово занимает второе место.
3. Данное слово, являясь четвертым членом СЦ, образовано тремя деривационными шагами, причем два из них были сделаны влево, а один — вправо.

Обратившись к морфной модели словаобразовательного гнезда, определяем, что подобными характеристиками обладает слово 2n(pr)- опум-ИЈ (а) (напр., этнотопонимия).

Таким образом, геометрическая модель СГ, построенная нами, демонстрирует весь спектр отношений, наблюдаемых в СГ: собственно синтагматические (т.е. отношения сочетаемости морфем), условно-синтагматические, или линейно-парадигматические отношения (т.е. отношения, возникающие в СЦ) и собственно парадигматические отношения (т.е. отношения, существующие между членами СП), а также раскрывает потенциал вершины гнезда, поскольку показывает весь комплекс словаобразовательных формантов, участвующих в деривации. Мы определяем этот вид модели словаобразовательного гнезда как СГ -модель -XYZ, делая акцент на изображение СГ в трехмерном пространстве по трем координатам с помощью векторов.

Каждое слово соответствует одному и только одному вектору в заданном трехмерном пространстве; нет и не может быть слова, могущего быть представленным дважды. Верно и обратное: каждому слову соответствует один и только один вектор в заданном пространстве; нет и не может быть двух слов, имеющих одинаковые координаты и длину векторов, т.е. одинаковое общее количество морфем (в т.ч. одинаковое число морфем, предшествующих корневой и следующих за корневой), одинаковый порядковый номер в СП и в СЦ, равное положение в префиксальной СП и в суффиксальной СП, равное количество деривационных шагов, сделанных для их производства влево и вправо. Координаты точки приложения вектора указывают количество левых наращений основы (координата X), порядковый номер слова в составе левой (префиксальной) СП (координата Y), порядковый номер слова в составе левой (префиксальной) СЦ (координата Z). Координаты точки конца вектора указывают количество морфем без учета пропонентов (координата X), порядковый номер слова в составе правой (суффиксальной) СП (координата Y), порядковый номер слова в составе правой (суффиксальной) СЦ (координата Z). По длине векторов определяется количество морфем в слове ($|\vec{x}|$), место слова в составе СП ($|\vec{y}|$), место слова в составе СЦ ($|\vec{z}|$), количество деривационных шагов, сделанных для создания данного слова ($|\vec{z}| - 1$).

Следовательно, данная модель позволяет определить:

- количество морфем в слове (по длине вектора $|\vec{x}|$);
- число морфем, предшествующих корневой (по точке приложения вектора \vec{x}) и следующих за корневой (по координате конца вектора \vec{x} минус 1);
- порядковый номер слова в СП (по длине вектора \vec{y}) и в СЦ (по длине вектора \vec{z});
- положение слова в левой (префиксальной) СП (по координате точки приложения вектора \vec{y}) и в правой (суффиксальной) СП (по координате точки конца вектора \vec{y});
- количество деривационных шагов, сделанных для производства данного слова ($|\vec{z}| - 1$);
- использовавшиеся в данной СЦ способы словообразования определением количества префиксальных (левых) шагов (по координате точки при-

направления вектора \vec{z}) и количества суффиксальных (правых) шагов (по координате точки конца вектора \vec{z} минус 1).

Таким образом, в настоящей статье словообразовательное гнездо рассматривается как трехмерное образование, которое представлено по трем координатам с помощью векторов; причем и координаты вектора, и его длина обладают глубоким лингвистическим смыслом.

Перечень условных сокращений

ММСГ — морфная модель словообразовательного гнезда

ПТЭ — препозитивный терминозлемент

СГ — словообразовательное гнездо

СП — словообразовательная парадигма

СЦ — словообразовательная цепь

Литература

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. (Краткий очерк). - М.: Просвещение, 1966. - 302 с.
2. Безбородъко Н.И. О медицинских полилексемах // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. - Владивосток. - 1980. - Вып. 8. - С.113-118.
3. Гейгер Р.М. А.Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка. М., Русский язык, 1985. // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. - 1987. - №5. - С. 92-94.
4. Даниленко В.П., Скворцов Л.И. Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии // Вопросы языкоznания.- 1981.- № 1. - С. 7-16.
5. Земская Е.А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Современный русский язык: Учебник для филол. спец.ун-тов. - 2 изд., испр.и доп. - М.: Вышш. шк., 1989. - С. 237-379.
6. Клименко Н.Ф., Карпиловская Е.А. Зона словообразовательного гнезда и принципы ее автоматизированного построения // Продуктивность, частотность и валентность деривационных моделей / АН СССР; Редкол.: Б.И.Бартков (отв.ред.) и др. - Владивосток. - 1988. - С. 42-51.
7. Кубрякова Е.С., Соболева П.А. О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании // Лингвистика и поэтика. - М. - 1979. - С. 5-23.
8. Лыков А.Г. Разграничение словообразовательного гнезда и словообразовательной парадигмы // Актуальные проблемы русского словообразования. (Отв. ред. проф. А.Н. Тихонов). - Ташкент: Укитувчи. - 1982. - С. 34-38.
9. Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке. Учебное пособие. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. - 208 с.
10. Мурясов Р.З. К теории парадигматики в лингвистике // Вопросы языкоznания. - 1980. - № 6. - С. 109-121.
11. Осиенко З.М., Онуфриенко Г.С. Организация системного ввода простых и сложных терминов с русскими и иноязычными компонентами // Русский язык за рубежом. - 1985. - № 2. - С. 73-78.

12. Реформатский А.А. Введение в языкознание.(Учеб. для филол. фак. пед. ин-тов). Изд-е 4-е, испр. и доп. - М.: Просвещение, 1967. - 542 с.
13. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т.1. - М.: Рус. яз., 1985.
14. Тихонов А.Н., Санаева П.Я. Структура глагольных словообразовательных гнезд в русской терминологии // Продуктивность, частотность и валентность деривационных моделей. - Владивосток. - 1988. - С. 86-105.
15. Шмелев Д.Н. О третьем измерении лексики // Русский язык в школе. — 1971. - № 2. - С. 6-11.

М.Д.Кириллова, Л.А. Мойсеенок

ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА СЛОВ-РЕАЛИЙ

Настоящая статья посвящена проблеме адекватного перевода слов-реалий с учетом национально-культурной специфики сопоставляемых языков. Проблема адекватности перевода стоит в центре внимания целого ряда современных лингвистов, работы которых внесли значительный вклад в теорию и практику перевода. Такие ученые, как Комиссаров В.Н., Швейцер А.Д., Федоров А.В., Рецкер Я.И. уделяли особое внимание достижению адекватности перевода, «не допуская нарушения норм и узуза переводящего языка (ПЯ), соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствия конвенциональной норме перевода» [7, 246]. По словам Федорова А.В., без тщательного анализа языковых средств оригинала не может быть «полноценного» воссоздания единства формы и содержания в переводе, т.е. адекватного перевода [10]. Перевод должен отражать особенности эпохи, в которой возник оригинал, и вместе с тем должен быть приближен к той эпохе, в которой он сделан; иными словами «текст далекий от нас и во многом чуждой нам культуры нужно сделать доступным нашему восприятию» [12, 50].

Исследование вопроса, связанного с передачей своеобразия оригинала в переводе, сводится, во многом, к раскрытию способов передачи слов, обозначающих реалии национальной жизни. «В коммуникации с переводом источник и адресат являются носителями различных языков, различных культур. Одни и те же языковые знаки могут вызывать у них противоположные ассоциации, у истоков которых лежат национальные традиции, образование, интересы, социальные ограничения и др.» [8, 47].

В данной статье предпринята попытка описать способы передачи реалий современного английского языка на основе материалов лингвострановедческого словаря Великобритании. Общеизвестно, что расхождение значений зависит от степени расхождения культур. Вопросу о необходимости учета расхождения культур исходного и переводного языков в художественном переводе уделяли значительное внимание многие теоретики перевода.

Определим статус реалий как переводческого термина. Для А.В. Федорова реалии всегда – только предметы материального мира, явления внелингвистические. По мнению известных болгарских переводов С.Влахова и С.Флорина, реалии – это «слова (словосочетания), которые называют объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чужды для другого» [4, 41]. Казакова Т.А. считает, что реалии – это «именования национально-культурных объектов, характерных для исходных культур и сравнительно мало или вовсе не известных переводящей культуре, ...которые в условиях масштабной межкультурной коммуникации составляют весьма значительную группу» [6, 72].

С точки зрения теории перевода при определении статуса реалии целесообразно исходить из лингвострановедческой теории слова Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, а также взглядов В.С. Виноградова на природу слова, «основной единицы языка, которая содержит традиционно закрепленный комплекс информации и служит для формирования мысли и передачи сообщений в составе предложения» [3, 25].

Р.П. Зоривчак приводит свое определение термина «реалия»: «Монолексемні і полілексемні одиниці, що вміщують як основне лексичне значення традиційно закріплений комплекс краєзнавчої інформації, чужої для об'єктивної дійсності мови-сприймача» [5, 26]. Автор цитируемой статьи отдает предпочтение понятию «информация» перед понятием «значение» потому, что слова в коммуникативном акте не только реализуют свои узуальные значения, но и приобретают новые смысловые и экспрессивные оттенки и характеризуются константной и окказиональной информативностью.

Согласно предложенной Р.П. Зоривчак концепции реалии, этим термином называют не только слова и словосочетания, которые соотносятся

с определенными предметами, понятиями или явлениями, но и фразеологизмы, которые по своей семантике являются историческими, бытовыми или этнографическими объектами.

Термином «реалии» обозначают имена нарицательные монолексемной и полилексемной структуры, которые отображают историю, быт, культуру, цивилизацию, литературу и даже климат и способ питания. Иногда исследователи отождествляют реалии с безэквивалентной лексикой. Но понятие «безэквивалентная лексика» значительно шире, чем семантическое поле понятия «реалия». Очевидно, что все реалии входят в объем безэквивалентной лексики определенного бинарного сопоставления. Но в ее объем входит также часть пословиц и поговорок, отдельные лексемы чрезвычайно емкого семантического наполнения.

В самой сущности слов-реалий – названий предметов и явлений, отсутствующих в языке-реципиенте, — заложена потребность выдвижения на передний план именно предметно-логического содержания слова: подобные элементы используются, в первую очередь, для того, чтобы представить адресату что-то совершенно новое, незнакомое, то есть предметы и явления, которых нет в непосредственно окружающей его действительности.

Введение иноязычных слов-реалий позволяет писателю не только отобразить незнакомую для читателя жизнь, чувственно осязаемые картины этой жизни, но и в значительной степени расширяет кругозор читателя. Для достижения этой цели используются разнообразные приемы декодирования реалий: введение слов-сигналов, дословных переводов, контекстуальное осмысление и др., но в любом случае автор стремится так оформить появление слов-реалий в художественном тексте, чтобы они были понятны читателю.

В лингвистической литературе по переводу реалий предлагаются различные способы передачи новых понятий, а именно: заимствование, калька, описательный перевод. Г.В. Шатков выдвигает следующие две группы способов: 1. Способы заимствования; 2. Способы описания. К способам заимствования относятся: бесподстановочное заимствование (транслитерация); частично подстановочные заимствования; подстановочное заимствование (калька). К способам описания относятся: создание

на своем языке смыслов эквивалента в виде сложного слова или слово-сочетания; раскрытие значения переводного слова посредством аналогов, эквивалентных частным значениям переводимой лексики» [11, 5].

При переводе текста любой сложности и на любую тему переводчику обязательно встретятся «экзотизмы-слова, обозначающие специфические понятия данного этнического ареала, которые практически всегда передаются на язык перевода с помощью межязыковой транскрипции, и лишь для некоторых существует возможность лексической замены» [1, 77].

К переводу безэквивалентной лексики имеют прямое отношение некоторые способы перевода, предлагаемые Я.М. Рецкером: 1) «нахождение эквивалента; 2) передача слов путем использования аналога; 3) адекватные замены. К последнему относятся: конкретизация недифференцированных и абстрактных понятий; прием логического развития понятий; антонимический перевод; компенсация» [9, 81].

А.В. Федоров выделяет четыре основных случая перевода реалий: 1) транслитерация (транскрипция); 2) создание нового слова или сложного слова на основе элементов, уже реально существующих в языке; 3) использование слова, обозначающего нечто близкое по функции к иноязычной реалии, иначе – уподобляющий перевод; 4) так называемый, гипонимический способ или обобщенно-приблизительный перевод, при котором видовое понятие передается родовым [10, 96].

Разрабатывая приемы передачи реалий, С. Влахов и С. Флорин сводят их в основном к двум: транскрипции и переводу в широком смысле слова). Транскрипция предполагает введение в текст перевода при помощи графических средств ПЯ соответственных реалий с максимальным допускаемым фонетическим приближением к ее оригинальной фонетической форме. Если же транскрипция по тем или иным причинам невозможна, то авторы приводят наиболее употребляемые приемы передачи реалий: «1) введение неологизма; 2) замена реалии реалией; 3) приблизительный перевод; 4) контекстный перевод. Термин «контекстный перевод», по мнению авторов, обычно противопоставляют «словарному переводу», при котором слово в контексте может иметь значение, отличное от приведенного в словаре» [4, 32].

Таким образом, сложились четыре основных способа передачи реалий:

1. Транслитерация (передача на уровне графем) – *Lincoln* (рус. Линкольн);
2. Транскрипция (передача на уровне фонем) – *break-dance* – (рус. брейк-данс);
3. Калькирование – *skyscraper* (рус. небоскреб);
4. Описание – приблизительный перевод – *drug-store* (рус. аптека)

Нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, с целью более расширенной трактовки реалий исходного языка. Важно помнить о разумном использовании всех четырех способов перевода.

Так, например, транслитерация необходима именно тогда, когда важно соблюсти лексическую краткость обозначения, соответствующую его привычности в языке подлинника, и, вместе с тем, подчеркнуть специфичность называемой вещи или понятия, если нет точного соответствия в языке перевода. Оценивая целесообразность применения транслитерации, необходимо точно учитывать, насколько важна передача этой специфичности. Если же последнее не требуется, то использование транслитерации превращается в злоупотребление иностранными заимствованиями и приводит к затушевыванию смысла.

Если необходим высокий уровень эксплицитности, то в процессе перевода часто используют описательный оборот, который не только указывает на предмет, но и дает ему частичную интенциональную характеристику. В тех случаях, когда переводимая реалия имеет один смысловой срез, целесообразно применять способ калькирования. Калька – это слово (словосочетание), созданное из языкового материала данного языка под влиянием морфологической структуры иностранного слова. При создании кальки необходимо учитывать культурный компонент исходного слова, он не должен утрачиваться или подменяться компонентом другой культуры.

Следует заметить, что в практике перевода нецелесообразно ограничиваться каким-либо одним способом передачи реалий, а следует максимально использовать возможности их комбинаторики.

В нашей работе сделана попытка подтвердить принципиальную возможность адекватного перевода слов-реалий. Но, вместе с тем, необходимо учитывать, что полная эквивалентность при переводе слов национальной культуры невозможна, так как за ними стоят века взаимовлияния объективной действительности и традиционных образов данной культуры друг на друга.

Наряду с языковой непереводимостью существует в качестве особой категории, по определению Дж.Кэтфорда, «культурная непереводимость», связанная с неоднозначностью языкового выражения слов с ярко выраженной национальной спецификой [12].

Хотя, казалось бы, речь здесь идет о понятиях и вещах, допускающих точное описание и определение, получающих почти терминологическое выражение на данном языке, при передаче их средствами другого языка возможны значительные колебания, варианты. Это связано с тем, что по частоте употребления, по роли в языке, по общей значимости содержания или по своему бытовому характеру слова, служащие названиями таких реалий, не имеют терминологической окраски; они не контрастируют даже с самым «обыденным» контекстом в подлиннике, не выделяются в нем стилистически, являясь привычными для языка подлинника и именно поэтому составляют особую трудность при переводе.

Само собой разумеется, что возможность правильно передать обозначение вещей, о которых идет речь в подлиннике, и образов, связанных с ними, предполагает определенные знания о той действительности, которая изображена в переводимом произведении (независимо от того, приобретены эти знания путем прямого знакомства с ней или почерпнуты из книг либо других источников).

За этими знаниями в лингвистике закрепилось определение «фоновых знаний» [2]. Как явствует из самого значения термина, имеется в виду совокупность представлений о том, что составляет реальный фон, на котором развертывается картина жизни другой страны, другого народа.

Для теории и практики перевода фактически имеет значение лишь часть фоновых знаний – та, которая относится к явлениям специфиче-

ским для иной культуры, иной страны и необходима читателям переводного произведения, чтобы без потерь усвоить в деталях его содержание.

В связи с этим В.С.Виноградов считает, что более целесообразно пользоваться термином «фоновая информация», который соотносится с понятием фоновых знаний, но по сравнению с ним является более узким и соответствующим изучаемой теме [3].

Ни фоновые знания как категория более общая, ни фоновая информация не являются чем-то раз и навсегда установленным. Некоторая часть их с течением времени может утрачиваться как ставшая неактуальной. Но в целом фоновая информация имеет тенденции к постоянному расширению в связи со все растущими контактами между странами, народами и их культурами, что ведет к тому, что в процессе перевода реалии проходят путь от максимальной «иностраннысти» до полной ассимиляции, признаком чего служит включение такой единицы в базовый словарь языка.

Литература

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика. - Санкт-Петербург: Союз, 2001.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. - М.: Наука, 1980.
3. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. - М.: Наука, 1978.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. - М.: Высшая школа, 1986.
5. Зорівчак Р.П. Статус реалії як перекладознавчого терміна // Теорія і практика перевода. - 1985. - №12. - С. 22-31.
6. Казакова Т.А. Практические основы перевода. - Санкт-Петербург: Союз, 2001.
7. Комисаров В.Н. Лингвистика перевода. - М.: Международные отношения, 1980.

8. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. - М.: Московский лицей, 1996.
9. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. - М.: Международные отношения, 1974.
10. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. - М.: Высшая школа, 1983.
11. Шатков Г.В. Перевод русской безэквивалентной лексики на норвежский язык: Автoref. дис. канд. филол. наук. - М., 1952.
12. Catford J.C. Linguistic Theory of Translation. - Oxford, 1965.

O.B. Kovalenko

ОСОБЕННОСТИ ВВЕДЕНИЯ АРХАИЗМОВ И ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В ТЕКСТ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

(на материале исторических романов В.Скотта)

Исторический роман – это литературный жанр и тип текста с исторически сложившейся формой выражения определенного содержания – описания исторических событий прошлого. Исторические реалии* и архаизмы выступают в качестве обязательного элемента словарного состава исторического романа, составляют жанровый лексический узус [6, 6] и рассматриваются как жанрово-маркированные лексемы исторического романа. Ролевая значимость жанрово-маркированных лексем исторического романа – в реализации ими pragmatischen направленности исследуемого жанра, создания исторического и национального колорита, присущего данному жанру.

Традиционно, в лингвистике считается, что историзмы и архаизмы – это два смежных, но принципиально различных типа слов, соприкасающихся друг с другом по одним признакам и противопоставленных по ряду других. К числу общих признаков историзмов и архаизмов относятся:

- специальная стилистическая установка временного фона повествования;
- низкая частота употребления;
- периферийная позиция в словаре;
- ограничение функционирования в определенных стилях языка [2, 4; 5, 5].

* Историзм в художественном тексте рассматривается как историческая реалия, поскольку вносит национально-исторический колорит, формирует временной фон повествования.

Для разграничения архаизмов и историзмов, как правило, предлагается использовать денотативный и временной признаки [1, 209; 5, 6].

Нетрадиционной точки зрения придерживается З.В.Тимошенко [9, 97], противопоставляя историзмы архаизмам на основании наличия или отсутствия у слова лексико-стилистической парадигмы*. Рассмотрим подробнее предложенную З.В.Тимошенко стилистическую классификацию, поскольку последняя имеет непосредственное теоретическое значение для предмета исследования данной статьи – особенностей введения архаизмов и исторических реалий в текст исторических романов В.Скотта.

Согласно З.В.Тимошенко архаизмы относятся к подмножеству слов, имеющих лексико-стилистическую парадигму, для которых характерны:

- опосредованная связь с денотатом;
- наличие субъективно-оценочных коннотаций;
- нечеткость границ референции – данные слова имеют, как правило, квалифицирующий, оценочный характер и поэтому могут быть применены к различным референтам;
- обязательное наличие синонимии;
- возможность образовывать антонимические ряды.

Архаизмы (*benison, buss, clout*) относятся к этому подмножеству слов, так как они связаны с денотатом через нейтральный синоним и часто имеют субъективно-оценочные коннотации. Их референционные границы не являются четкими, они обязательно входят в синонимические ряды и могут образовывать антонимические ряды.

Читатель знает значение этих слов, так как знает код**, в который они входят, поскольку обозначаемый ими денотат может быть ему известен под другим названием.

Историзмы, в противоположность архаизмам, согласно точке зрения З.В.Тимошенко, относятся к подмножеству слов, не имеющих лексико-стилистической парадигмы, для которых характерны:

- непосредственная связь с денотатом;
- отсутствие субъективно-оценочных коннотаций*;
- четкость границ референции;
- отсутствие синонимии или «денотативный» характер синонимии**;
- отсутствие антонимии.

Историзмы (*a squire, an alderman, witangemot*) относятся к этому подмножству слов, поскольку они прямо связаны с денотатом, им присуща однозначность, и, как следствие этого, историзмы обладают четкими границами референции. Существует жесткая связь между историзмом и соотносимой с ним реалией. Наименование оказывается «прикрепленным» к обозначаемому предмету и разделяет его судьбу, то есть с наступлением неактуальности последнего слово становится неактуальным [5, 16]. Большинство историзмов не имеет субъективно-оценочных коннотаций, синонимичных и антонимичных рядов.

Исследование 26 исторических романов В.Скотта показало, что именно факт наличия или отсутствия у слова лексико-стилистической парадигмы определяет особенности введения данного слова в художественный текст исторического романа. Различие в приемах введения архаизмов и историзмов в текст исторического романа объясняется тем, что архаизмы входят в лексико-стилистическую парадигму (имеют синонимы, антонимы), а историзмы, напротив, не входят.

Рассмотрим приемы введения архаизмов в тексты исторических романов В. Скотта.

* Субъективно-оценочные коннотации прослеживаются на уровне экзоцентрических исторических реалий (номинативных единиц, образованных путем метонимической или метафорической транспозиции основного значения, которые выступают в качестве вторичного наименования национально-культурного референта, отражающего признак, объективно присущий референту), поскольку в основе номинации референта экзоцентрической исторической реалии в большинстве случаев лежит отрицательная оценка, которая усиливается в контексте, к примеру, *red-coat, Round-head*.

** Исключением в этом случае является «коннотативная» синонимия на уровне экзоцентрических исторических реалий, к примеру, *Puritan: Round-head, prick-eared, crop-eared*.

Текст исторического романа, в рамках которого функционируют современный и архаичный варианты языка, выступает как статичная, постоянная величина, способная в одном и том же виде включиться в языковый опыт большого количества носителей данного языка.

Феномен включения архаизмов в текст исторического романа можно оценивать с собственно лингвистической точки зрения. В общем виде это сводится к вопросу о том, как архаизмы влияют на языковую картину исторического романа. Владея архаичной и современной системами, автор стоит перед проблемой «переключения кода» [4, 59], т.е. приведением в эквивалентные отношения тех компонентов названных систем, которые отличаются друг от друга [3, 48]. Включение в текст исторического романа архаического компонента может происходить на фоне решения таких входящих в понятие языковой картины произведения конкретных вопросов, как:

- включать ли архаизмы только в речь персонажей или также и в авторскую речь (рассказчика) – обратное соотношение вообще невозможно, а включение только в речь персонажей свидетельствует о четком разграничении в сознании автора (рассказчика) архаизмов и современного языка;
- насколько последовательно (часто) надо включать в текст исторического романа выбранный архаизм;
- как не преступить тот предел, когда текст из-за своей временной окраски может стать не вполне понятным для читателя, незнакомого с используемыми автором архаизмами.

Автор, включающий в канву художественного текста исторического романа архаизмы, с психологической точки зрения проявляет себя как билингв – в его сознании одному значению соответствуют два словесных представления. И в конкуренции архаизм оценивается автором как семантически более адекватное.

Предпочтение, отдаваемое в некоторых случаях архаизмам в историческом романе, ставит перед автором задачу сделать это так, чтобы не возникло проблем с пониманием смысла текста для тех, кто не владеет знанием архаизмов. Большую роль в этом играют особенности введения архаизмов, т. е. объяснение автором значения отдельных архаизмов.

Поскольку архаизмы относятся к подмножеству слов, имеющих лексико-стилистическую парадигму, косвенный способ толкования архаизмов яв-

ляется наиболее распространенным. Исследование фактического материала позволило выделить следующие разновидности косвенного толкования архаизмов:

- Включение в текст на достаточно близком расстоянии современного синонима:

«*This was the figure of a bird, decked with party-coloured feathers, so as to resemble a popinjay or parrot.*» [17, 16]

- Включение архаизма в синонимический ряд:

«*Has this learned leech entered, thinkst thou not there had been such a coil betwixt him and Tressilian's mediciner; that not the sleeper only, but the very dead might have awakened? I know what «larum belongs to the discord of doctors»*» [14, 7].

В данном примере *leech* выступает как прагмоним по отношению к синонимам *mediciner*, *doctor*, при этом прагмоним определяется как коферентное обозначение с общим когнитивным и различным pragmatischen значением [8]. Синонимизация не только не нейтрализует эти различия, но и акцентирует установку на коннотацию архаичности.

- Введение в повествование архаичного синонима:

«... purporting to be an earl's patent by no less a person than Games the Third King of England and Eight King of Scotland, to his *feal, trusty, and well-beloved Fergus Mac-Ivor of Glennaquoich, in the county of Perth, and kingdom of Scotland.*» [19, 166].

- Включение современных прямых и косвенных антонимов:

«*Thou art a prying knave to watch thy master so closely, » said Elizabeth, blushing, but not with anger;...»* [14, 51].

В приведенном примере наблюдается смещение (расширение) семантического контраста и антонимии. Прямой противоположностью *master* является *servant*, а *knave – freeman*; *master – knave* являются косвенной признаковой противоположностью и антонимией. Импликационное смещение противоположности приводит в конечном счете к расширению и размытию (нечеткости) границ семантического контраста и антонимии, но способствует пониманию значения архаизма.

- Включение в текст современного эквонима:

«*I will have in this court, ay, in this realm, but one mistress, and no masters.*» [14, 40].

В приведенном примере архаичное *mistress* «хозяйка» и современное *master* «хозянин» являются эквонимами. Значения последних имеют общую семантическую связь, содержательно равную их ближайшему гиперониму и составляющие гиперсему «властелин, владелец, хозяин» их интенсионалов. Вместе с тем, значения данных эквонимов различаются за счет их гипосем «женщина» – «мужчина», указывающих дифференциальные признаки каждого вида.

Приблизительно в 2 % случаев зарегистрирован **прямой способ** толкования архаизмов в исторических романах В.Скотта, которой предполагает описание архаизма в тексте:

«The appriser therefore (as the holder of a mortgage was then called), entered upon possession, and, in the language of Hotspur, «came me cranking in, » and cut the family out of another monstrous cantle of their remaining property.» [12, 13].

Перечисленные выше типы раскрытия значения архаизмов в текстах исторических романов способствуют пониманию смысла произведений. Обе формы предпринятого автором раскрытия значения (прямая, косвенная) указывают на то, что при написании исторических романов автор контролировал переход от современного языка к архаичному и наоборот как переключение кода. Преимущественное использование косвенного раскрытия значения архаизмов в исторических романах связано с тем, что архаизмы имеют лексико-стилистическую парадигму (могут образовывать синонимические и антонимические ряды).

Иначе обстоит дело с историзмами. Феномен включения историзмов в художественный текст исторического романа можно оценивать с точки зрения смысла, при этом лингвистический аспект имеет меньшее значение. Являясь, зачастую, единственными наименованиями определенных явлений или понятий, историзмы не влияют на языковую картину произведения.

Включение в текст исторического романа историзмов преследует цель достоверно и реалистически изобразить определенную историческую эпоху, вызвать у читателя ассоциации с изображенным в историческом романе временем, придать тексту исторический колорит. Замена историзмов нейтральными лексическими единицами нарушила бы как авторский замысел, так и саму специфику исторического романа.

Введение историзмов в канву исторического романа ставит перед автором задачу – сделать это так, чтобы не нарушить понимаемость текста, поскольку большинство историзмов незнакомо современному читателю.

Наше исследование подтвердило тот факт, что историзмы относятся к подмножеству слов, не имеющих лексико-стилистической парадигмы, – в 94 % случаев автор предпринимает **прямой способ** толкования историзмов для раскрытия значений последних, который может быть описан следующими случаями:

- Раскрытие значения слова в сноске:

«...Besides», he added, in a lower voice, «to speak truth, I love not the Castle when the covin-tree bears such acorns as I see yonder». (*The large tree in front of a Scottish castle was sometimes called so. It is difficult to trace the derivation but at that distance from the castle, the laird received guests of rank, and thither he conveyed them on their departure.) [15, 73].*

- Толкование при помощи уточнительных и пояснительных слов:

«No sound of domestic industry, or domestic festivity, was heard, and no ray of candle or firelight glanced from the windows of the houses; the ancient ordinance, called the curfew, which the Conqueror had introduced into England, was at this time in full force in such parts of Scotland as were thought doubtful, and likely to rebel; under which description it need not be said the ancient possessions of the Douglas were most especially regarded.» [10, 175].

В следующем примере автор объясняет значение исторической реалии *machicolles* «навесная башня» при помощи уточнительных слов, одновременно подбирая слово, обозначающее современный референт, значение которого максимально приближено к значению исторической реалии – *embrasure* «бойница» и графически выделяя историческую реалию в тексте. Указанные приемы введения исторической реалии придают экспрессивность повествованию, указывают на временной разрыв между объективной реальностью и квазиреальностью, изображенной в романе:

«I will trust thee», said Rebecca, «thus far»; and she descended from the verge of the battlement, but remained standing close by one of the embrasures, or machicolles, as they were then called.» [13, 188].

- Толкование эксплицитное, развернутое, независимое от общего контекста:

«The back of this form was turned to me, and I could observe, from the shoulders and neck, it was that of an old woman, whose dress was an old-

fashioned gown, which, I think, ladies call a sacque; that is, a sort of robe completely loose in the body, but gathered into broad plaits upon the neck and shoulders, which fall down to the ground, and terminate in a species of train.» [I 8, 376].

• Толкование имплицитное:

«... the dying man was, within a quarter of an hour, walking upon the ramparts, and assisting the witness in managing a mangonel, or machine for hurling stones. [I 3, 315].

В 5 % случаев функционирования историзмов нами зарегистрирован косвенный способ толкования последних. К косвенному способу толкования историзмов может быть отнесено:

• Включение в высказывание (текст) синонимичного историзма:

«That of the serf, or bondsman, was sad and sullen; his aspect was bend on the ground with an appearance of deep dejection, which might be almost construed into apathy, had not the fire which occasionally sparkled in his red eye...»[I 3, 5].

• Включение в текст как синонимичного историзма (*target, buckler*), так и слова, обозначающего современный референт, но схожего по денотативному значению с приведенным историзмом (*shield*):

«...his long sword on one side, and his poniard on the other, behind him a body of stout serving-men, proportioned to his estate and quality, all of whom walked with the air of military retainers, and were armed with sword and buckler, the latter being a small round shield, not unlike the Highland target, having a steel spike in the center.» [I 6, 278].

Особенностью косвенного толкования историзмов в исторических романах В. Скотта является то, что при косвенном толковании историзмов, как правило, присутствует элемент объяснения, т. е. автор сочетает прямой способ толкования историзмов с косвенным в рамках одного высказывания:

«Their foot-ranks carry a missail weapon unknown to us, termed an arblast, or cross-bow.» [I 1, 29].

Таким образом, преимущественное использование прямого способа толкования историзмов связано с тем, что последние не образуют лексико-стилистические парадигмы, и, как следствие этого, не имеют антонимов, наличие же синонимов не носит системный характер.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Наличие или отсутствие у слова лексико-стилистической парадигмы определяет особенности введения данного слова в художественный текст. Различие в приемах введения архаизмов и историзмов в текст исторического романа объясняется тем, что архаизмы имеют лексико-стилистическую парадигму, а историзмы не имеют.

2. Косвенный способ является наиболее распространенным способом (98%) толкования архаизмов. Последний может быть описан следующими случаями: включением в текст синонимов (как современных, так и архаичных), антонимов, эквонимов. Лишь в 2 % случаев автор предпринимает прямой способ толкования архаизмов, который предполагает описание архаизма в тексте.

3. Прямой способ является наиболее распространенным способом (95%) толкования историзмов. Последний предполагает: раскрытие значения историзма в сноске, толкование при помощи уточнительных и пояснительных слов, толкование эксплицитное, независимое от общего контекста, толкование имплицитное. Лишь в 5 % случаев автор предпринимает косвенный способ толкования историзмов, но и в этих случаях всегда присутствует элемент прямого способа толкования.

4. Несмотря на разницу в приемах введении историзмов и архаизмов в художественный текст исторического романа, в обоих случаях оно подчинено общему знаменателю – сохранению смысла и жанровой специфики произведений.

Литература

1. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. - М.: Высшая школа, 1990. - 320 с.
2. Волченко И.М. Архаизмы и историзмы в составе фразеологических единиц современного немецкого языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - К., 1995. - 19 с.
3. Гайдученко Г.М., Дубіковська Л.В. За старіла лексика як джерело стилістичного зображення художньої мови // Актуальні проблеми розбудови національної освіти. - Київ - Херсон, 1997. - С. 47 - 50.

4. Калнынь Л.Э. Включение диалектизмов в художественный текст как разновидность контакта между диалектной и литературными нормами русского языка // Вопросы языкознания. - 1998. - № 6. - С. 58 - 67.
5. Колесник Г.С. Историзмы в составе современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Калининград, 1979. - 16 с.
6. Лебедь О.Н. Жанровые проблемы перевода фразеологии (на материале русских, украинских, англоязычных переводов различных по жанровой принадлежности текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Одесса, 1989. - 15 с.
7. Мороховский А.Н. Некоторые общетеоретические проблемы стилистики // Стилистика английского языка. - Киев: Вища школа, 1991. - С. 7 - 26.
8. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. - Санкт-Петербург: Научный центр проблем диалога, 1997. - 756 с.
9. Тимошенко З.В. Стилистическая лексикология // Стилистика английского языка. - Киев: Вища школа, 1991. - С. 93 - 128.
10. Scott W. Castle Dangerous // Historical Romances. - Paris: Galignani, 1832. - P. 142 - 215.
11. Scott W. Count Robert of Paris // Historical Romances. - Paris: Galignani, 1832. - P. 5 - 141.
12. Scott W. Guy Mannering; or, the Astrologer. - Paris: Galignani, 1830. - 757 p.
13. Scott W. Ivanhoe. - Ware: Wordsworth Edition Ltd, 1995. - 390 p.
14. Scott W. Kenilworth // Historical Romances. - Edinburgh: Constable, 1819. - V. 6. - 524 p.
15. Scott W. Quentin Durward. - Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1962. - 567 p.
16. Scott W. The Abbot // Historical Romances. - Edinburgh: Constable, 1819. - V. 4. - 523 p.
17. Scott W. The Tale of Old Mortality. - Edinburgh: Penguin books, 1998. - 347 p.
18. Scott W. The Tapestried Chamber // Tales and Romances. - Edinburgh: Cadell, 1833. - V. 8. - P. 371 - 399.
19. Scott W. Waverly. - Reading: Cox & Wyman Ltd, 1994. - 491 p.

В.П. Коляда, Ю.Б. Фомина

СИСТЕМА И СТРУКТУРА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Полево-ориентированная грамматика, или грамматика функционально-семантических полей, является одним из современных направлений в общей парадигме функционализма, изучающего язык «в действии». Она предусматривает изучение функциональной природы языка, опираясь на семантические категории и грамматические структуры, рассматривая их взаимодействие в речевой цепи. Е.А. Селиванова подчеркивает в связи с актуальностью данного направления: «Окончательно функционально-семантическая категоризация не завершена, нет даже полного списка функционально-семантических категорий конкретных языков, что свидетельствует о необходимости новых исследований этой сферы функционализма» [8, 95].

Предлагаемая статья посвящена одному из аспектов описания функционально-семантического поля (ФСП) персональности, не бывшему еще предметом детального изучения на материале английского языка.

Под системой в лингвистике понимается единое целое, доминирующее над своими частями, состоящими из элементов и связывающих их отношений. Совокупность отношений между элементами системы образует ее структуру. Правомерно говорить поэтому о структуре системы. Совокупности структуры и ее элементов составляют систему [11, 15-16]. В настоящей статье будет предпринята попытка представить структуру системы ФСП персональности.

Функционально-семантическое поле персональности – часть большого языкового пространства, служащего для обозначения и характеристики человека. Любой естественный язык антропоцентричен по самой своей природе, так как создавался он человеком и для человека. И естественно поэтому, что различные аспекты характеристики человека как на лексическом, так и на грамматическом уровне занимают в нем большое место. ФСП персональности, вероятнее всего, является центром указанного языкового пространства.

Персональность – это семантическая категория, которая характеризует участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи – прежде всего к говорящему [12, 5]. Такое истолкование семантической категории персональности базируется на определении категории лица, предложенном Р.О. Якобсоном: «Лицо характеризует участников сообщаемого факта по отношению к участникам факта сообщения. 1-е лицо свидетельствует о тождестве участника сообщаемого факта с активным участником факта сообщения, 2-е лицо — о его тождестве с реальным или потенциальным пассивным участником факта сообщения, т.е. с адресатом.» [13, 100].

ФСП персональности – это группировка разноуровневых (морфологических, синтаксических, лексических и лексико-грамматических) средств языка, служащих для выражения различных вариантов отношения к лицу [12, 7]. ФСП персональности формируется триадой: говорящий – слушающий (адресат речи) – предмет речи.

С позиций функциональной грамматики центром ФСП персональности является говорящий. «Антропоцентрический принцип организации текста, пишет Н.А. Слюсарева, исследуя «категорию персональности» с позиций актуального синтаксиса, — проявляется в возможности говорящего определить себя в категориях грамматики – синтаксиса и морфологии, однако в аналитическом английском языке не все оказывается столь «простым», как в русском, где, например, форма «иду» дает четкое указание на говорящего» [9, 93].

Семантика поля персональности устанавливается с точки зрения говорящего (*I*) и ориентируется на говорящего как центральную фигуру речевого акта как «точку отсчета». По отношению к нему определяется ад-

ресат речи (текста) (*you*), а также и лица, участвующие или не участвующие в акте речи и составляющие ее объект (*he*, *she*). Системный характер поля персональности предполагает включение в него не только указания на собственно лиц (*I*, *you*, *he*, *she*, *we*), но и на класс предметов (*it*). «Отношение к лицу необходимо понимать широко, имея в виду не только пересечение участников обозначаемой ситуации с участниками ситуации речи, но и непересечение, т.е. отношение ситуации и ее участников к внешней среде. Эта среда включает как собственно лица, по отношению к которым существует потенциальная возможность участия в речевом акте (когда лицо «он» или «она» оказывается в позиции «я» или «ты»), так и предметы, принадлежащие внешнему «миру вещей» (в данном случае переход в позицию «я» или «ты» возможен лишь в случае олицетворения)» [12, 6].

Если попытаться распределить компоненты ФСП персональности с позиции их семантики на ядерные и периферийные, то обнаружится определенная иерархия. Центральное место в ядре займет местоимение *I* как указывающее на говорящего.

С ним соотносится 2-е лицо (стилистически окрашенное как архаическое или высокое местоимение *thou* [10, 151]; нейтральное *you*). Прономинативы *we*, *you* («вы») занимают подчиненное положение, поскольку каждый из них обозначает группу лиц, куда входят соответственно *I* и *thou*. «Ближайшую периферию семантики персональности (или, может быть, промежуточную область между центром и периферией – резкие грани здесь отсутствуют) представляет та сфера семантики 3-го лица, которая связана с указанием именно на лицо (лица)» [12, 6]. Применительно к английским местоимениям речь может идти о прономинативах *he*, *she* как указывающих соответственно на лица мужского и женского пола. В этом случае мы предпочитаем считать *he*, *she* входящими в ядро поля персональности. Далее от центральной части ядра отстоит местоимение *they*, выступающее в роли субститута как по отношению к личным существительным и, следовательно, кореферентного им, так и по отношению к неличным существительным. Таким образом, лишь в одной из своих функций — замещать личные существительные множественного числа — местоимение *they* взаимодействует с ядром поля персональности.

Таким образом, в ядре данного поля находятся личные местоимения, как основные средства английского языка, указывающие на лицо в акте речи, вследствие чего это поле является моноцентрическим. При этом «характерным признаком ФСП персональности в языках разных типов является объединение и взаимодействие в центре поля грамматической категории лица глагола и местоимения» [12, 7].

Как известно, большинство форм лица английского глагола оказываются омонимичными; они различаются своими грамматическими значениями при тождестве материальной формы: *I (speak) – we (speak)*, *(you) speak – (they) speak*. В Present Indefinite Active четкое противопоставление данной форме имеет лишь форма 3-го лица ед.ч.: *(he, she, it) speaks*.

Богаче грамматическими формами парадигма глагола *to be*: *(I) am, (he, she, it) is, (we, you, they) are*, но и он, подобно другим глаголам, не различает лица во множественном числе и во всех разновидностях прошедших времен. В силу указанной грамматической специфики английского глагола смыслоразличительная функция его личных форм оказывается сниженной, а нагрузженность личных местоимений, наоборот, повышенной. И хотя, благодаря высокой частотности своего употребления, глагольные формы лица входят в ядро поля персональности, они в английском языке лишь частично, на ограниченном грамматическом пространстве выполняют структурную функцию координации подлежащего и сказуемого.

По степени удаленности от ядра в сфере периферии исследуемого поля далее расположатся средства выражения обобщенности и неопределенности. Обобщенность связана с обобщенностью семантики субъекта и предиката, которые могут называть действие, принадлежащее «всем людям вообще», а неопределенность выражает неопределенность класса «третьих лиц», когда говорящий не называет лицо, не зная его, или считая это не важным, или хочет сохранить его в тайне [14, 2].

Крайнюю периферию составят, очевидно, те языковые средства, которые находятся в системных отношениях оппозиции к элементам, входящим в центральную часть поля. Так, в оппозиции «лицо /не-лицо» крайнюю точку периферии занимает местоимение *it* как указывающее на «не-

лицо» (животное, растение, предмет, явление, факт), в оппозиции «личность» (способность указывать на субъект действия) / «безличность» (неспособность указывать на субъект действия, бессубъектность) второй противочлен также является элементом крайней периферии ФСП персональности.

Наш анализ структуры поля коснулся в значительной степени лишь семантической стороны. Различные конституенты семантической категории персональности могут выражаться разнообразными средствами: местоимение *I* заменяется описательными выражениями типа: *The author of these lines, writing (saying) these words* и др.; неопределенность может передаваться как неопределенно-личными предложениями (типа *They say... You can never tell...*), так и местоимениями: *one, someone, anyone, no one, somebody, anybody, nobody, everybody, everyone*.

А.В. Бондарко определяет ФСП персональности как поле дейктического типа, опираясь на основные функции его центра:

1) собственно семантическую дейктическую функцию соотнесения участников обозначаемой ситуации с участниками речевого акта (*I, we, you*);

2) семантико-прагматические функции, связанные с передачей точки зрения говорящего на соотношение обозначаемой ситуации и ситуации речи (*you* вежливости и др.);

3) структурные функции согласования (координации) сказуемого и подлежащего;

4) особую семантико-структурную анафорическую функцию, свойственную местоимениям 3-го лица *he, she, they* [12, 7]. Проиллюстрируем последнюю:

Gudrun looked at Gerald with strange, darkened eyes, strained with underworld knowledge, almost supplicating, like those of a creature which is at his mercy, yet which is his ultimate victor. He did not know what to say to her. He felt the mutual hellish recognition. <...> They came to the little court, which was shut in by old red walls in whose crevices wallflowers were growing [18, 378-379].

Именно взаимодействие английских личных местоимений *he, she* с личными существительными позволяет нам предпринять попытку расши-

«Ряду языковых единиц, таких как имена собственные, можно прорыть границы ФСП персональности, включив в него, наряду с прономинативами, существительные со значением лица, отнеся их к периферии поля. Это тем более логично, что в английской грамматике выделяются Personal nouns [17, 188] и Personal pronouns [17, 208], уже терминологически (и функционально) связанные друг с другом. Такой подход не исключается и дефиницией данного поля: система языковых средств, «служащих для выражения различных вариантов отношения к лицу». А личные существительные (Personal nouns) как раз и демонстрируют один из таких вариантов, называя косвенного участника или участников ситуации речи: того, о ком говорится.

В лингвистической литературе представлена точка зрения, выдвинутая Дж. Россом и развитая Дж. Лакоффом, Дж. МакКолином, А. Вежбицкой о том, что любое повествовательное предложение может быть интерпретировано как «иллоктивный акт», что семантическое представление любого предложения можно префразировать как «Я говорю тебе..., что», «Я сообщаю тебе..., что» и т.п. Например, предложение Линдон Джонсон — импералист будет иметь семантическое представление, перефразируемое как «Я заявляю тебе, что Линдон Джонсон — импералист» [3, 251-252].

Обращаясь к этой теории, мы хотим подчеркнуть, что на уровне глубинной семантики предложения, обозначен ли говорящий в нем местоимением Я или не обозначен, оно (предложение) всегда является речевым произведением какого-то субъекта речи, а значит, в ситуацию речи вовлекаются и «третьи лица», обозначенные прономинативом или именем существительным.

И еще одно соображение. Коррелирующиеся по признаку «личность» — «не-личность», лишенные семы «лицо» местоимения он, она, оно, они, по мнению А. В. Бондарко, (и соответственно англ. it, they) занимают свое, пусть крайнепериферийное, место в ФСП персональности. Представляется непоследовательным, что номинативы, содержащие сему «лицо» (Personal nouns), этим полем не охвачены.

Итак, к структуре поля персональности, его периферийной зоне, отнесем существительные со значением лица: John, Mary, mother, man, doctor, lady, friend, teacher, artist, chairman, fool, host, hostess, widow и мн. др.

К центру поля персональности, как уже было сказано, относятся личные местоимения 1 и 2-го лица (с разными оттенками pragmatики, включая обобщенность: *We shall overcome*), а также местоимения 3-го лица *he*, *she*, функционально обособленные от указания на непосредственных участников речевого акта. Следует подчеркнуть, что это относится к формам субъектного падежа (Subjective case) (в «Грамматике современного английского языка» Квирка и др. выделяется у личных местоимений две падежные формы: субъектная и объектная, [17, 208]; в новой грамматике Longman 2000 г. — номинатив и аккузатив [16, 335]).

Центральное положение лишь форм субъектного падежа обусловлено тем, что они находятся в позиции соотношения субъекта — подлежащего и предиката (чаще его глагольной связки), т.е. в позиции синтаксического центра предложения:

*So young? — ah! No — not now —
Thou hast not seen my brow,
But they tell thee I am proud —
They lie — they lie aloud.* [19, 98].

Формы объектного падежа (Objective case) располагаются в зоне «ближайшей периферии» или переходной от центра к периферии (жестких границ здесь нет). К сфере ближайшей периферии отнесем также местоимение *they*, лишь в одной из своих функций указывающее на лицо, возвратные местоимения (reflexive pronouns): *myself, ourselves, yourself, yourselves, himself, herself, themselves*, а также притяжательные местоимения *my, mine, our, ours, your, yours, his, her, hers* (входящие также и в поле посессивности). Возвратные и притяжательные прономинативы с неличной семантикой, а также местоимение *it* относятся к сфере крайней периферии: *it, its, itself, themselves, their, theirs*. Сюда же следует отнести средства выражения безличности.

Между переходной зоной и крайней периферией разместим существительные со значением лица, как взаимодействующие с личными местоимениями *he*, *she*, а иногда и с *I*, *thou*, вопросительное местоимение *who*, неопределенные и отрицательные *one, everybody, everyone, someone, anyone, no one, somebody* и неопределенно — личные предложения, например: *Everybody is having a good time.*

Выражение, относящееся к лицу, возможно в высказываниях, не содержащих местоименных и глагольных форм лица: *Fire! Water! Light! Happy New Year!* Здесь императивная модальность, созданная интонационно-синтаксическими средствами, передает отнесенность побуждения ко 2-му лицу.

Итак, ФСП пресональности по своей природе носит преимущественно дейктический характер. Согласно определению Лайонза, «дейктическим называется такой элемент, у которого в состав значения входит идентификация объекта – предмета, места, момента времени, свойства, ситуации и т.д. – через его отношение к речевому акту, его участникам или контекст» [Цит. по: 1, 16]. Конституирующими признаком дейксиса служит то, что дейктические слова идентифицируют семантику через обращение к контексту речевого акта. Дейктические элементы Ч.Филлмор разделил на следующие группы: 1) личные местоимения 1-го, 2-го лица (и 1-е, 2-е лицо глагола); 2) указательные местоимения и наречия, а также дейктический определенный артикль; 3) глагольное время; 4) дейктические компоненты в семантике наречий и глаголов; ср., например, *cote «прийти»* [15, 369-379].

Среди дейктических средств английского языка мы отберем лишь те, которые являются средством указания на лицо, т.е. единицы персонального дейксиса. А.В.Бондарко выделяет два основных типа персонального дейксиса, которые соответствуют традиции изучения категории лица [12, 8-9]:

- 1) конкретный дейксис (в английском языке противопоставляется как личный и неличный);
- 2) неконкретный дейксис (обобщенно-личный и неопределенноподличный).

Конкретно-личный персональный дейксис заключается в указании на конкретное (определенное) лицо или лица: *I, he, she, we, you, they* (в этой функции). Неличный конкретный дейксис заключается в указании на другие объекты реальной действительности: предметы, животных, растения, явления, понятия: *it*, одна из возможных функций *they*.

Кроме того, дейктические средства могут быть классифицированы на оси неанафорический / анафорический дейксис:

- 1) Неанафорический дейксис – указание на говорящего, слушающего, а также на лицо или лица, не участвующие в речевом акте (обязатель-

ная функция *I, you, we* и автосемантическое употребление других местоимений).

2) Анафорический дейксис – указание на ранее названные или указанные лица или предметы (*he, she, it, they*).

Например:

1. *Perhaps when we stop talking about the «homeless» as if theirs was a separate world, and start seeing them as integral pieces of society, maybe then we can do more than just get them through the night* [20, 113].

2. *Tim Jeffries, 32, and a friend were headed for the beach last July when Jeffries slipped on a gravel path. Seeing the odd angle of his foot, the pair went to the Peace Arch hospital's emergency room. There, they learned that Jeffries would need an operation to repair his broken ankle* [20, 91].

В контексте 1 прономинатив *we* имеет обобщенное значение «благополучные члены данного общества», не имеет и не требует антецедента. Его референт определяется фоновыми знаниями писателя (журналиста) и его читателей.

В контексте 2 прономинатив *they* имеет антецедент *Tim Jeffries and a friend*, значение местоимения определяется соотношением, семантическим и формальным, с данным элементом контекста.

Анафорический дейксис – это отсылка к предтексту, т.е. «собственно анафора», «ретроспективная регressive анафора», в отличие от более редкого случая отсылки к посттексту – «катафоры», «проспективной прогрессивной анафоры» [5, 9]. Впрочем, ряд ученых используют термин «анафора» безотносительно к линейному расположению элементов [4, 7]. В этом случае выделяются два типа анафорических отношений: собственно анафора и антиципация, или предварение [6].

Основные особенности анафоры (в широком смысле) определяются в лингвистической литературе следующим образом [7, 13-15]:

1. Анафорическое выражение и антецедент (или антиципация) кореферентны («принцип кореферентности»)*.
2. Эти языковые выражения непосредственно синтаксически не связаны («принцип синтаксической независимости»).

*Кореферентность – тождество референции двух речевых отрезков [2, 410].

3. За наличие кореферентности «отвечает» одно из языковых выражений или его часть (т.н. анафорическая единица), для которой сведения о ее кореферентности некоторому другому языковому выражению являются словарной информацией («словарный принцип»).

Days after his election as chief of Davis Inlet, an Innu community, plagued by alcohol and substance abuse, David Nui admitted that he gave out free liquor to encourage votes [20, 92].

В данном высказывании катафорическое *his* и анафорическое *he* взаимооднозначны антропониму *David Nui*; они входят в состав различных предикативных частей предложения и синтаксически самостоятельны; прономинативы наполняются номинативной значимостью благодаря взаимодействию с антропонимом.

4. Таким образом, ФСП персональности в английском языке имеет сложную структуру: оно представляет собой моноцентрическое поле, в котором выделяется ядро с дейктической функцией указания на участников иллокутивного акта: говорящего – слушающего – того, о ком говорится, и широкий спектр периферии, вмещающий существительные, и неопределенные, отрицательные, вопросительные прономинативы, так или иначе обозначающие человека, вплоть до местоимения *it*, не указывающего на лицо, и безличных предложений. Эти разнообразные средства взаимодействуют друг с другом в контекстах, применительно к ФСП персональности именуемых персональной ситуацией (как разновидность категориальной ситуации).

Литература

1. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы, категорий прагматики. // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. - М.: Прогресс, 1985. - С. 3-42.
2. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Референт // Русский язык: Энциклопедия. / Гл. ред. Ю.Н. Каравулов. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. - С. 410-411.
3. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XVI. - М.: Прогресс, 1985. - С. 251-275.
4. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. - М.: Наука, 1974. - 224 с.
5. Крылов С.А. О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика. - Владимир: ВГПИ, 1989. - С. 5 - 12.
6. Падучева Е.В. Анафорические связи и глубинная структура текста // Проблема грамматического моделирования. - М., 1973.
7. Подлесская В.И. К уточнению понятия «анафора». // Русские местоимения: семантика и грамматика. - Владимир: ВГПИ, 1989. - С. 13-18.
8. Селіванова О.О. Актуальні проблеми сучасної лінгвістики (аналітичний огляд). - Київ: Фітосоціцентр, 1999. - 148 с.
9. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. - М.: Наука, 1986. - 213 с.
10. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. - М.: Илия, 1959. - 440 с.
11. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца 20 века. - М.: Институт языкоznания РАН, 1995. - С. 7-34.
12. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. - СПб: Наука, 1991. - 370 с.
13. Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. - М.: Наука, 1972. - С. 95-113.

14. Collins C. English Grammar. - The University of Birmingham. - Harper Collins Publishers. - 1994. - 486 p.
15. Fillmore Ch.T. How to Know Whether You're Coming or Going. // Linguistik. - Athendum, 1971. - P. 369-379.
16. Longman Grammar of Spoken and Written English. / Douglas Biber [et al.]. - London, 2000. - 1204 p.
17. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Grammar of Contemporary English. - London: Longman group Ltd., 1978. - 1120 p.

Источники:

18. Lawrence D.H. Women in Love. - Penguin Books, 1996.
19. Poe, Edgar Allan. Poems. - M.: Raduga, 1988.
20. Readers' Digest: Canada's magazine. - January, 2001.

Н.А.Кравченко

РОЛЬ ПАУЗ В УСИЛЕНИИ ВОЗДЕЙСТВУЮЩЕГО ЭФФЕКТА УСТНОГО ДИСКУРСА

(на материале публичных политических выступлений)

Прагмалингвистический подход в изучении просодических характеристик устного дискурса, наблюдаемый в последние десятилетия, привел к более глубокому исследованию коммуникативной функции интонации и, в частности, исследованию ее воздействующей функции.

Исходя из определения дискурса как прагматизированной формы текста, то есть как способа актуализации текста в определенных ментальных и прагматических условиях [3; 4; 7], необходимо оговорить, что в данной статье под устным дискурсом понимается «высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определенным образом воздействовать на второго» [2, 276].

Коммуникативно-прагматическая функция текстов публичных политических выступлений самым тесным образом связана с их воздействующей функцией, так как в такого рода текстах функция воздействия преобладает над функцией сообщения [5, 120].

В задачи настоящего исследования входило изучение функции пауз в создании или усилении воздействия на аудиторию. Материалом исследования послужили инаугурационные речи двух президентов США — Джона Ф. Кеннеди (1961) и Билла Клинтона (1992).

Само собой разумеется, что было бы преувеличением говорить о ведущей роли пауз в создании воздействующего эффекта, но и ограничиваться

лишь ее разделительной или даже связующей функциями было бы несколько поверхностно.

Как известно, паузация входит в темпоральный компонент интонации и определяется как полная остановка фонации на определенный период времени [6, 144]. По своим функциям паузы разделяются на синтаксические, эмфатические и паузы хезитации.

В нашем исследовании, учитывая особенности текстов публицистического ораторского стиля (подготовленная и даже отрепетированная речь), паузы хезитации не рассматриваются, так как, если они и встречаются в речи оратора, то не только не усиливают воздействия на аудиторию, но и препятствуют адекватному восприятию текста.

Синтаксические паузы, выполняющие разделительную функцию, также не являются объектом нашего исследования в силу их нормативности и предсказуемости. Поэтому в поле нашего внимания входят эмфатические паузы. Не воспринимаемые на слух паузы также представляют определенный интерес, так как выдвигают на первый план другие просодические средства членения устной речи, заменяющие паузацию.

Инаугурационные речи президентов США были выбраны в качестве экспериментального материала по двум причинам: во-первых, торжественные речи любых вступающих в должность лидеров структурно подобны; во-вторых, pragматическая задача этих речей практически тождественна: убедить избирателей в правильности их выбора, нацелить и вдохновить народ на трудовые или ратные подвиги и, наконец, по возможности мягко, подспудно провести мысль о том, что все предыдущие сложности в жизни страны явились следствием недальновидной политики предшествующего руководства (естественно, в тех случаях, когда инаугурационная речь произносится при избрании на первый срок). И если удачный текст речи — заслуга спичмейкеров, то способ презентации и сила убеждения целиком и полностью зависят от самого оратора.

В связи с этим в нашей статье намеренно опускаем анализ лексико-грамматической структуры текстов и лишь косвенно рассмотрим синтаксико-стилистические приемы, коими изобилуют исследуемые речи. Ограничимся кратким анализом интонационных особенностей текстов, заострив внимание на характере паузации.

Как уже отмечалось выше, любая грамотно репрезентированная речь оратора не содержит в себе хезитационных моментов, а прежде всего, перерывов в фонации хезитационного характера (за исключением тех случаев, когда оратор, создавая эффект спонтанности в определенных частях выступления, использует незаполненные паузы «квазихезитации»). Тем актуальнее становятся намеренные внутрисинтагменные паузы, а также межсинтагменные и межфразовые эмфатические паузы.

На первый взгляд определенную сложность представляет собой различие межсинтагменных/межфразовых синтаксических и эмфатических пауз. И если при определении внутрисинтагменных эмфатических пауз не возникает никаких сомнений в связи с их отсутствием в эмоционально нейтральной подготовленной речи, то эмфатические межсинтагменные паузы отличаются от синтаксических прежде всего пролонгированностью, часто влекущей за собой нарушение общего ритма фразы. Некорректное с точки зрения синтаксиса (но обусловленное pragматической задачей) деление фразы на синтагмы также влечет за собой появление эмфатических пауз.

*And so today we pledge an end / to the era of deadlock and drift /,
and a new season // of American renewal // has begun //.*

(B. Clinton)

(здесь и далее: / — межсинтагменные синтаксические паузы;
// — внутри- и межсинтагменные эмфатические паузы;
полужирным шрифтом отмечены те части высказывания, которые выделяются при помощи эмфатических пауз)

Наибольшее число случаев «ненормированного» дробного синтагматического деления и, как следствие, наиболее активное использование пауз наблюдаются в начальной и заключительной частях выступлений. Объяснение этому можно найти в большей pragматической загруженности означенных частей. Оба оратора используют в начале своих речей один интонационный прием — равноударные слова в синтагмах (включая местоимения и предлоги) и внутрисинтагменная пауза после каждого значимого слова. Такой прием настраивает аудиторию на осознание важности каждого произносимого лидером слова и усиливает внимание слушателей. Пролонгированность ударных слогов еще более усиливает воздействующий эффект инициирующей фразы:

Today // we celebrate // the mystery // of American // renewal //.

(B. Clinton)

Not // a victory // of party // but the celebration // of freedom // ...

(J. Kennedy)

Наиболее действенным синтаксико-стилистическим приемом в ораторской речи испокон веков считалось частое употребление параллельных синтаксических конструкций. Они усиливают воздействие на слушателей не только за счет упорядоченно нанизываемой информации, но и за счет четкого синтаксического [1, 74] и интонационного ритма. Не обходят своим вниманием этот прием и ораторы в исследуемых речах. Но в некоторых наиболее важных частях высказывания они используют неожиданную остановку фонации в пределах одной синтагмы. Немотивированная с точки зрения синтаксиса и интонации, эта пауза способствует смещению акцента на выделяемый с ее помощью смысловой центр:

*... the celebration of freedom / symbolising an end /
as well as a beginning /, signifying renewal / as well as // change.*

(J. Kennedy)

*... the world for whom we hold our ideals /,
from whom we have borrowed our planet /,
and to whom we bear sacred / responsibilities.*

(B. Clinton)

Немаловажную роль в усилении воздействующего эффекта играет так называемое «риторическое молчание» (rhetorical silence) [6, 225], предваряющее ключевое слово или словосочетание:

*And yet the same // revolutionary beliefs // for which our forebearers
fought / are still at issue around the globe.*

(J. Kennedy)

*Each generation of Americans must define what it means
to be // an American.*

(B. Clinton)

Переход от *отрывистой синтаксической ритмической структуры*, обусловленной большим количеством однородных членов предложения (напр. групп сказуемых) к *некомпактному ритму*, за которыми следуют ри-

торическая пауза и ключевое слово, также обладает определенным воздействующим эффектом и настраивает аудиторию на восприятие основной мысли высказывания:

*... we shall pay any price /, bear any burden /, meet any hardship /,
support any friend /, oppose any foe / to assure the survival and the
success //of liberty.*

(J. Kennedy)

Наибольшую воздействующую силу, на наш взгляд, приобретает «двойное обрамление» ключевого слова/словосочетания «риторическим молчанием», то есть длительная остановка фонации как до, так и после смыслового центра высказывания. Такой прием дает возможность аудитории не только настроиться на восприятие ключевой информации, но и самим попытаться определить для себя ее значение:

*Our founders saw themselves in the light of // posterity. ... Posterity //
is the world to come...*

(B. Clinton)

Не только использование неожиданных остановок фонации, но и отсутствие синтаксически предсказуемых пауз может оказаться мощным средством воздействия на аудиторию. Динамичность такого высказывания придает ему особую эмоциональную насыщенность, а, следственно, и воздейственность. Здесь на первый план выступают другие просодические средства членения речи — явное снижение тона к концу первой смысловой группы и резкое повышение тона в начале второй или убыстрение темпа в конце предыдущей синтагмы и замедление его в начале следующей. Изменение громкости на стыке синтагм также может служить определенным средством членения речи:

*We must invest more in our own people, in their jobs,
and in their future.*

(B. Clinton)

Однако отнюдь не всегда отсутствие структурно необходимой паузы свидетельствует о членении речи: иногда ораторы намеренно объединяют в одну синтагму синтаксически раздельные конструкции, выдвигая тем самым на первый план идеи, заключенные в предшествующих или последующий синтагмах:

*Americans have ever been a restless /, questing /,
hopeful people /, and we must bring to our task today //
the vision and will of those who came before us.*

(B. Clinton)

(здесь подчеркнута часть высказывания, в которой окончание главного предложения и придаточное объединены в одну синтагму)

Проведенное исследование не ставило своей целью умалить значимость других лингвистических средств, активно выполняющих прагматическую задачу публичных политических выступлений. Однако, отдавая должное лексико-грамматическим и синтаксико-стилистическим приемам, а также мелодическим и динамическим характеристикам ораторской речи, мы хотели подчеркнуть важность темпорального компонента интонации в создании воздействующего эффекта устного политического дискурса. В частности, важность паузации, которая часто не заслуженно отодвигается на задний план в исследовании текстов воздействия.

Литература

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. - М.: Высш.шк., 1984. - 211с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М., 1974. - 446 с.
3. Дейк ван Т.А. и Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XXIII. - М.: Прогресс, 1988. - С.153-211.
4. Дейк ван Т.А. Язык, познание, коммуникация. - М.: Прогресс, 1989. - 312 с.
5. Седина И.В. Единство просодии и синтаксического построения текста в передаче его экспрессивно-эмоционального содержания (на мат-ле публичных выступлений англ. и amer. ораторов): Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1997. - 130 с.
6. Соколова М.А., Гинтвот К.П., Тихонова И.С., Тихонова Р.М. Теоретическая фонетика английского языка: Учеб. для студ. ин-тов и фак. иностр. языков. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. - 286 с.
7. Штерн И.Б. Вибрані топки та лексикон сучасної лінгвістики / Енциклопедичний словник. - Київ: «Артек», 1998. - С. 86-92

В.А.Кухаренко, Л.Н. Голубенко

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ЭКСПАНСИЯ В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ РЕЧИ КОНЦА ХХ – НАЧАЛА ХХІ ВЕКОВ : ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Все национальные языки мира в разные периоды своего развития испытывали более или менее сильное влияние иноязычных факторов, что наиболее непосредственно проявлялось и продолжает проявляться в форме лексико-фразеологических заимствований. Самые активные периоды внедрения иноязычных слов обычно приходятся на времена социальных и/или политических потрясений в жизни страны, а также крупных научно-технических сдвигов в обществе. Иными словами, активность процесса лексических заимствований в определенной степени коррелирует с активностью общественно-политической жизни носителей основного (заимствующего) языка. В переломные периоды расшатываются не только государственные, но и языковые структуры. Расшатывание литературной нормы происходит как изнутри, в связи со снижением общей языковой культуры и внедрением субкультуры жаргонов [15], так и извне – за счет агрессии иноязычных элементов [11, 93].

На протяжении всех веков своего вхождения в чужой язык и функционирования в нем заимствования выполняли две основные функции – ономасиологическую и стилистическую. В первом случае они заполняли лакуну либо собственно языковую, именуя уже существующий референт новым именем, либо предметно-языковую, именуя новые референты по мере их включения в предметно-понятийный мир, «в наивную картину мира» [1, 299].

В отличие от первого, стилистическое означивание всегда предполагает синонимию, в связи с чем основной стилистической функцией заимство-

ваний обычно считают эвфемистическую [6]. Действительно, *путана*, *фа-зенда*, *бойфренд* и *офис* «звучат лучше», чем *проститутка*, *садово-огород-ный участок*, *сожитель* и *контора*. Еще Н.В. Гоголь отмечал, что непристойность и вульгарность выражаются удобнее при помощи иностранных слов, чем собственных [19, 386].

Однако, эвфемизация речи не является единственной стилистической функцией заимствований. Особенно отчетливо функциональные изменения проявляются при анализе языковой ситуации конца XX в., когда процесс вхождения иностранных слов в систему национального языка приобретает ряд специфических ранее не наблюдавшихся характеристик. Это: 1) источник заимствований, 2) их типология и 3) их функции.

Обратимся к первому. Бурное развитие электронной техники, чье изобретение, усовершенствование и продвижение на рынки мира шло, в основном, из-за океана; появление гигантов-производителей электронного оборудования и его программного обеспечения (типа знаменитого «Майкрософта»); появление ранее не известных объектов и технологий – все это привело к безостановочному потоку заимствований из английского языка, которые буквально ворвались во все европейские языки, включая славянские. Английцы (или, скорее, американцы) этого типа пришли вместе со своими референтами и остались в языках-приемниках как термины для обозначения новых понятий (ср. *диск*, *дискета*, *чип*, *сайт*, *чат*, *ноутбук* и т.п.).

Почти одновременно с технологической волной хлынула волна музыкально-кинематографическая. Битлы и Элвис Пресли устанавливали новый тип молодежной музыкальной культуры, а средства массовой информации делали ее доступной в цвете, движении и стереофонии. *Поп*, *рок*, *хит*, *шоумен*, *пабликстити* и др. – тому примеры.

Одним из результатов борьбы афро-американцев за свои права, бушевавшей в США в начале 60-х, явился ренессанс черной музыки с ее динамичными, агрессивными ритмами, которые легко захватили молодежную аудиторию всех континентов, и к нам пришли *рэп*, *рэппэр*, *бэк-вокалист*, *фронтмен* и пр.

В обоих названных случаях песня, естественно, распространялась и воспринималась в единстве музыки с текстом. Примитивность песенной поэзии в данном случае тоже сыграла роль мощного рычага, способствующего ее

восприятию, (хотя бы частичному) пониманию и воспроизведению: *беби*, *лав*, *хеллоу*, *гуд бай*, *кори (sorry)* и пр. вошли в словарь широкого круга не-англоговорящих, прежде всего молодежи.

К музыкальному источнику, обусловившему стремительное продвижение англоязычной лексики и фразеологии в молодежную среду стран Европы и Азии, присоединился источник кинематографический. Голливуд поставил на поток производство фильмов с минимумом диалога и максимумом действия, с захватывающими трюками и спецэффектами. Смотреть их можно и без знания языка, ибо драки, погони и сверхъестественные превращения понятны без слов, а те немногие, которыми обмениваются персонажи, выясняются из контекста*. Именно отсюда пришли *киллер*, *хэппи энд*, *киднэ-*(э)п(н)инг**, *триллер* и само название жанра *экин*, с неудобоваримым сочетанием согласных в косвенных падежах. Ср.: «... хороший пример *экина*», «Этому *экину* я бы...».

К названным факторам (научно-техническому и развлекательному) следует добавить фактор «американской мечты», который у нас формировался во второй половине XX века и особенно активизировался в 80-е и последующие годы в качестве антипода советской действительности. У всех на памяти триумфальное шествие сначала по СССР, а далее – по независимым державам СНГ *гамбургеров*, *хот-догов*, *джуса* (в Украине в 2000 г. появился собственный продукт под названием *джусик*), *пиццы*, *гриля*, *кофе*-и *пепси-колы*, именем которой, вслед за американцами, начала называть свое молодое поколение и наша реклама. «У вас в Украине все поголовно стали говорить *о'кей* и *в-вау*, хотя украинским лицам *в-вау* не очень идет», – отмечает Мих. Задорнов в своем интервью газете «Факты» [2, 11].

* Подобное контекстуальное усвоение чужих слов может привести к более или менее существенной деформации их истинного смысла. Например, дети, много раз прослушавшие по телевизору команду бравого армейского сержанта *Go, go, go* используют *гоугоугоу* как одно слово, означающее «быстрее» в любой ситуации. Нам довелось услышать, как два мальчика, в разное время, раздраженно сказали своим младшим сестрам: *читай гоугоугоу и бросай (мяч) гоугоугоу*.

То же произошло и с *хот-догом*, который в широком узусе рассматривается как слово, отражающее одно понятие – «сосиска», в связи с чем многие киоски и лотки рекламируют свой товар как *горячие хот-доги*.

Подобные «социальные» заимствования, представляющие «те зоны в картине мира, которые наиболее живо реагируют на социальные события» [9, 408], особенно наглядно подтверждают тезис об отражении языком «когнитивной модели» мира [10, 1.3], свойственной носителям конкретного языка. Упрощая ситуацию, можно сказать, что при замене банальной котлеты экзотическим гамбургером или обыкновенной горячей сосиски хот-догом, мы неосознанно пытаемся приобщиться к «тому» миру, к миру, который заманчиво и притягательно маячит «за бугром».

Еще в 60-е годы Е.Д. Поливанов заметил, что не все общество и не все уровни языковой структуры в равной степени проницаемы для социального воздействия [8]. Наиболее проницаем и лабилен в этом отношении молодежный социум. На него легче влиять, и закрепившиеся «с младых ногтей» языковые привычки и пристрастия, по мере роста и возмужания носителей языка становятся языковой приметой общества в целом, характеристикой языковой ситуации на рубеже XX и XXI веков.

Таким образом, можно ответить на вопрос об источниках новых поступлений и констатировать, что главным (если не единственным) источником заимствований в русском и украинском языках в последние десятилетия XX вв. стал английский язык, лексика и фразеология которого использовались как традиционно – в ономасиологической функции означивания новых референтов, и стилистической, для создания коннотативных синонимов существующих лексических единиц, так и нетрадиционно, в новой «подражательной» функции, не обусловленной немедленными потребностями заимствующего языка и часто враждебной ему.

Основными сферами использования новейших заимствований стали СМИ, реклама и литература постмодернизма.

Разберемся в типологической картине новейших англоязычных включений в русский и украинский языки. Здесь приходится констатировать, что создание полной картины невозможно без рассмотрения единиц, графически представленных как кириллицей, так и латиницей. Иными словами, с точки зрения графической формы, в рассматриваемых лексемах следует различать две основные группы:

1. Подвергшиеся транслитерации и использующие в своем написании кириллицу. Именно они пополняют словарники специальных словарей иностранных (иноязычных) слов [14; 17].

2. Сохранившие свою исходную графическую форму и в кирилличном тексте представленные латиницей. Этот лексический пласт, отвоевывающий все более сильные позиции в прессе, рекламе, на радио и телевидении, словарями не регистрируется.

Выделенные группы в определенной степени отражают и степень асимиляции новейших заимствований в русском и украинском языках. Естественно, наибольшей адаптации к системе языка следует ожидать от транслитерированных заимствований, которые графически не выделяются в кирилличном тексте. Количество они наиболее презентативны. Они легко входят в родовую, падежную, словообразовательную парадигмы языков-приемников и, аналогично заимствованиям предыдущих периодов [13; 14], представлены преимущественно существительными. Например, канал 1+1 сообщает, что Конкурс *Бренд року* приває, а известный своими телевизионными проектами Л. Парфенов не без язвительности говорит о некоторых своих знакомых: *Им, где милл-клас, там и родина*. С телевидением связано и замечание О. Забужко о программах, что транслюються по тутешніх паблік ченнелз [20, 11].

Заимствованным существительным в подавляющем большинстве случаев приписывается мужской род, проявляющийся в падежных окончаниях и/или атрибутивных сочетаниях. Примерами первого могут служить высказывания звезд нашей эстрады и кино: «Мы в состоянии *стэндбая*»* (О. Скрипка); «не нравится запах парфюма» (В. Добринин); «участвовал в *кастинге*» (В. Машков); «занимаюсь *фитнесом*» (И. Розанова); «толстый слой *мейк-апа*» (И. Шевченко), а также пост-модерна: За одним из мониторов сидел паренек с *пони-тейлом* [21, 242]; увеличенная во много раз банка *софт-дринка* [21, 221]; вони ідуть куди-небудь на *дрінка* [20, 52]*.

Второй повсеместно используется в СМИ. Так, новый проект Украинетнета обещает наповнити його цікавим контентом (Новини Radio Eра, 3.П.2001), а журнал «Домовой» сообщает о том, что состоялся грандиозный московский сейшн (Дом. 2000, 10). Теленеделя интересуется, на что распространяется ваши драйв в характере (2001, 9) и там же уве-

* Здесь и далее в скобках указан индекс иллюстративного источника. Для периодических изданий указан год и номер. Список индексов см. на с. 104.

ряет, что диск «Сплин» будет несомненным хедлайнером; герояня Вик. Ерофеева хвалит возлюбленного: «всегда хорошим афтершейвом от него неслож» [18, 30].

Приписывание мужского рода заимствованному существительному никак не связано с родом соответствующего отечественного аналога: почему «торговая марка» и «этикетка» – это знаменитый брэнд и известный лэйбл, почему интервьюируемый хвалится, что у него «приличный однокомнатный флэт возле метро» (МК, 2001, 2)? Мы уже привыкли к этому, как и к «нашему замечательному секонд-хэнду» (Тел., 2001, 10) и к уже почти классическому «фейсом об тейбл». Иногда «омаскулинивание» заимствования проходит буквально на глазах читателя. Так, например в обзоре хит-парада 2001 А. Гаспарян пишет о «кавер-версиях знаменитых хитов К. Айзека и Б. Айдола, отыгранных со сцены» (МК, 2001, 28). Кавера – множество число с выраженным грамматическим мужским родом (ср. юнкера, мастера) используется как синоним к только что введенной кавер-версии. То же можно сказать о вереницеекс-топов, фаст-фудов, дешевых отелей (МК, 2001, 10) или о засилии смиллов (МК, 2001, 24).

Значительно реже грамматический род заимствованного существительного определяется полом референта: знов цим голівудським гаям вдалося... [20, 11] или у нас есть свои скінхеды и футбольные фанаты (МК, 2001, 10).

Заимствования, внедрившиеся в общественный (даже ограниченный возрастным и/или профессиональным социумом) узус, начинают процесс весьма активного словоизготовства. Вокруг таких основ как – мэн (мен), -мейкер, – шоу возникли развитые гнезда: шоумен, фронтмен (в эстрадной группе), пищемен (так определил свою первую должность в Америке популярный ныне в России драматург Дм. Липскеров); ток-шоу, джентельмен-шоу, шоу-бизнес, байк-шоу, даже лайт-найт шоу, как обозначил свое действие известный Л. Ярмольник. Написание многих сложных слов еще не устоялось. Так, наряду с лав-стори, имеет место и лавстори и лав стори, наряду гей-культурой есть написание без дефиса гей культура, с андерграунд – андерграунд, с кид-неппингом – киднеппинг.

При всей распространенности словосложения, наиболее активным способом словоизготовства от иностранных основ остается деривация с отечественными аффиксами. Первое место в деривации занимает производство

прилагательных от простых или сложных основ: топовый, хитовый, офисный, профитный, трибьютный, сексапильный, хит-парадный, роббиуильямсовский (диск); сабербіальні будиночки и существительных: диджейство, криэйтвищик, пирсингист. Сравнительно редки глаголы: ср. уже ставшие привычными ланчевать, лоббировать (лобювати), моніторити (щодня моніторять хід жнів) (канал 1+1, УТН, 10.VIII.2001).

Широта и стремительность потока англоязычных лексем не оставляет времени на их осмысление и приводит к включению в речь множества слов, заимствованных на имитационной фонетической основе, в отрыве от paradigmaticих и семантических характеристик. Такое слово часто искажено транслитерируется, его синтаксическая и семантическая чужеродность подчеркивается кавычками: Они показали российский вариант «гангста-рэп» (МК, 2000, 48); Они попробовали так называемые «пати дринкс» (Тел., 2001, 24); Фонд «Дорога к дому», получив «гранд», создал приют (О, 2001, 10); Это сладкое слово «фандрайзинг» (ОдВ, 2000, 42). Примеры можно умножать до бесконечности. Всех их объединяет нарушение произносительной и/или орфографической нормы английского языка. Иными словами, они не ассимилированы не только обществом в целом, но и употребляющим их индивидуумом. Не усвоив нововведений, говорящий, тем не менее, продвигает их в массы в своем «домашнем» варианте. Иначе, чем лингвистической неграмотностью, нельзя объяснить широко шагающее по страницам СМИ «продавалось у Сотбиса» рекламу сети магазинов «Бэст офф рэст» и «Вандиван» (І – D – I); «Пальто від Ліз Кларбон» [20, 59]; телевизионную рекламу потрясающего средства для похудения «Бади шейпинг», перлы Вик. Ерофеева «Щи из ин Нью-Йорк» [18, 192] и целая разухабистая частушка «Кам, Маруся, уис дак/ уи шэл ийт энд уи шэл фак» [18, 36], где спутаны «dark» и «duck», в связи с чем следует пояснение: «Ну, он просит, чтоб она пришла к нему с гусем» [18, 37].

Можно привести и любимую фразу кино-обозревателей из популярных телевизионных журналов «Вери гут», – как говорят американцы. Бедные американцы! Как тут не вспомнить популярную историю о нашем туристе на Багамах, который многократно звонил портье с требованием «Ту ти ТУ ТУ ТУ ТУ», что было воспринято озадаченным администратором как непонадки с телефоном и оставлено без ответа, пока с лестницы не скатился воз-

мущенный гость с претензией: «Ты что, английского не понимаешь?! Я же ясно сказал: два чая в номер 222».

С легкой руки подобных заимствователей мы получили (и уже зафиксировали в словарях – [15, 17]) формы так называемого двойного множественного числа, такие, как баксы, слаксы (*slacks*), леггинсы (*leggings*) и еще не отмеченные лексикографами гэгсы (*gags*), флийеры (*fliers*), название популярной группы лепреконсы, с вариантом леприконсы (*leprechauns*). О. Забужко, пишет: *ти не опускаєши блайндерсів* [20, 11], а музыкальный обозреватель «Московского комсомольца» отмечает, что *Филипп Киркоров прорубил окно к лати – носам**, т.е. в Мексику.

Искажением формы заимствования последних лет не ограничиваются. В конце концов, все языки всегда адаптировали иностранные слова под свои нормы, как произносительные, так и грамматические и словообразовательные, о чем речь шла выше. В семантическом плане, опять же традиционно, смысловая структура слова в исконном и чужом языках практически никогда не совпадает, чего, в общем, следует ожидать: «Когда иноязычное слово заимствуется каким-либо языком, оно подвергается фонетическому и морфологическому усвоению». Однако в заимствованном слове зафиксирован «кусочек» чужой (для заимствующего языка) картины мира. Преобразуется ли

семантика заимствованного, чужого слова в соответствии со способом концептуализации, свойственным данному языку? Или же язык воспринимает чужой способ концептуализации, заимствует фрагмент иной модели мира? Можно предположить, что возможны оба типа лексических заимствований [12, 79] и что масса новейших «модных» заимствований пошла по первому пути, когда между «корреспондирующими лексемами»* [4, 97] в нашем случае «своей» и «чужой» нет однозначных семантических соответствий**. Действительное, *action*, заимствованное в одном из своих множественных значений, а именно, как синонимичное название жанра «боевик», на входе в русский язык сузило свою семантическую структуру до одного ЛСВ. Однако, в новых условиях оно стало «обрастать связями и ассоциациями» [17, 67], и в данный момент означает также «динамичность». Таким образом, помимо фраз типа чистый «экшин» с использованием экзотически-фантастических мест и … напоминающий поклонникам фантастического экшина о том… (МК, 2001, 28), появляется: *Ну, вообще-то жанр детектива предполагает экшин* (А. Домогаров. Тел., 2001, 4) или праздничная вечеринка – *экшин «Вечорниці»* (Тел., 2001, 2). В последнем случае рассматриваемое слово появляется без кавычек, как ассилированное и по форме и по содержанию, т.е. со своей новой семантической структурой. Уже упоминавшаяся лексема *файс* в русском языке приобрела не свойственную ей в английском коннотацию сниженности, презрительной снисходительности: *Валютчицы с фи-*

* Ознакомление с языком «внахват», «с налету», отрицательно сказывается не только на не слишком грамотной транслитерации заимствований в СМИ, но и на такой отрасли кинопромышленности как дублирование англоязычных фильмов, где, например, дочь скромного деревенского священника (*minister's daughter*) становится дочерью министра, (Фильм *The Haunting of Helen Walker*); а оставшийся единственный патрон в обойме (*there's only one in the chamber*) превращается в сообщение, что «он один в камере»; или «*They are terrific*» – переводится как «Они ужасны» (*The Runaway Bride*). Особенно огорчительны подобные ляписы в переводе тиражируемых названий фильмов, которые искажают основную идею произведения, заложенную в заголовке. Всем памятны Оскаровские фильмы «*The American Beauty*», который из «Красоты по-американски» превратился в «Американскую красавицу» или «*Full Monty*», который пошел как «Полный Монти» (и все заинтрированно спрашивали – «Это толстый или окончательный?») вместо «Мужского стриптиза». То же случилось с картинами «*A Straight Story*» («Правдивая история», представленная как «История Стрейта»), «*Cast Away*» («Потерпевший кораблекрушение», который стал «Изгоем»), «*The Pelican File*» (Дело «Пеликан», а не «Дело о пеликанах») и т.д. и т.п.

* Подобное несовпадение семантических структур корреспондирующих слов замечают не только лингвисты. Ср. в «Чапаеве» В. Пелевина: – *Конечно, у всех нас, русских интеллигентов, даже в сумашедшем доме остается тайная свобода <...> <...> англичане стали допытываться, что же такое secret freedom. И никто толком не мог объяснить, пока как-то румын, который почему-то был с англичанами, не сказал <...>, что в румынском языке есть похожая идиома – «хаз барагэ», <...> буквально «подземный смех»* [22, 312]

** И еще одна цитата из В. Пелевина: *сюда скоро пойдут товары с Запада. А одновременно хлынет волна рекламы. Но эту рекламу нельзя будет просто перевести с английского на русский, потому что здесь другие ... как это ... cultural references...* Короче, рекламу надо будет срочно адаптировать для русского потребителя [21, 34]

алетово-бордовым румянцем во весь фейс ... (ОдВ., 2001, 92), Вот они и страхуют руки-ноги, бюсты-фэйсы (Тел., 2001, 11); Наконец-то удалось разглядеть фейс нового дружка Николь Кидман (Тел., 2001, 31) и даже в стилистическом ряду со своим русским эквивалентом «лицо»: фэйсы томных красавиц и толстых спонсоров не вытесняли из крохотного зеркального театра сада «Эрмитаж» лица, более обремененные интеллектом (НГ, 2000, 2).

Безобидная шоколадка с начинкой Snickers в украинской рекламе получает значение головокружительной автогонки: *Не тормози – snickers!*

Из всех значений лексемы *image* при заимствовании мы выбрали (*кем-то*) созданный образ, и уже функционируя в политической сфере русского и украинского языков, имидж приобрел сему искусственности, даже фальшивости, чему в немалой степени поспособствовала его закрепившееся и довольно частотное производное имиджмейкер. Профи, заимствованное в значении профессиональный спортсмен [17], теперь нарастило свой семантический потенциал и означает любого специалиста высокого класса. Например, в серьезной аналитической статье Е. Деевой (МК, 2001, 25) речь идет о «военных профи, которые не смогли предусмотреть...».

Рассматривая семантику новейших заимствований не с точки зрения изменения их внутренней структуры, а с точки зрения их предметной соответственности, можно выделить среди них четыре основные тематические группы, обслуживающие соответственные сферы общения. Это – лексика научно-техническая, политico-экономическая, бытовая и лексика развлекательной индустрии.

Первая, как уже говорилось выше, выполняет исконную для заимствований ономасиологическую функцию, не образует, как правило, синонимических рядов и приближена к стагусу терминологии.

Вторая группа интересна своей неоднородностью. Наряду с терминологическими заимствованиями типа *рейтинг*, *мониторинг*, *тендер*, *спонсор СМИ* забыли встречу глав держав в пользу *саммита* (который, к тому же, используется, как «масло масляное» в *саммите глав держав*), объединение партий в пользу *пула партий*, прибыль в пользу *профита*, каталог цен в пользу *прайс-листа*, управляющего в пользу менеджера (мэнэджер). Ср. рассказ МК об актере, подавшемся в частную фирму: *Он у них уже не мэнэд-*

жер. Он – топ-мэнэджер. Женский вопрос ушел в прошлое, оставил *жендерні проблеми*, *штудії*, *питання*. В отчетах о положении подростков подростков нет. Зато есть *тины* (Ср. Один из любимейших фильмов *тинов* – Тел. 2001, 26) и *тинейджеры* (Затем врачи взяли со спины пострадавшего *тинейджера* кожно-мышечный лоскут... – МК, 2001, 29 или: Они открыли «Паркком» – популярный *тинейджер-клуб* (МК, 2001, 12)).

В предметно-тематической группе бытовой лексики чаще отражаются интересы женщин, связанные с приобретательством (*шопинг*, *сейл*, уже цитированные *лейблы*, *брэнды* и *леггинсы*) и уходом за собой (*фитнес*, *шейпинг*, *боди-билдинг*, *парфюм*, *мейк-ап*).

Основными пользователями четвертой группы являются представители молодежи, так называемой «светской тусовки», отражающей «языковой вкус эпохи» [3] и рекламно-развлекательной индустрии. Ряд лексем этой группы вошли в широкий узус и зарегистрирован последними словарями [15; 16; 17]. Это, помимо некоторых ранее названных – *хиппи*, *таблоид*, *промоушн* со своим словообразовательным гнездом – *промоутер* и *промоутерский*, *клип*, *тиксинг*, *таттту* и мн. др. Среди них, однако, есть и такие, которые широкому читателю недоступны, ибо «общение и понимание невозможно, если коммуниканты не владеют общими когнитивными структурами (общим фондом знаний)» [5, 63]. *Копирайтер*, (автор рекламы), *криэйтэр* или *криэйтоворщик* – (автор диалогов в клипах), *слоган* (брюская рекламная фраза), *кавер* (новая версия уже известной песни), *трибьют* (произведение, посвященное какому-либо лицу, часто умершему, как, например, В. Цою, Линде Мак Карти) – эти и подобные слова наводят устные и письменные формы СМИ, часто ставя в тупик даже образованного читателя/слушателя. «Совершенно очевидно, что не зная [подобных] слов, невозможно полностью понимать все то, что сейчас пишется и говорится по-русски» [15, IV]. Отмечая засилье иностранных слов, О. Забужко, в другом контексте, очень красочно говорит: «...набиваются, на-*тируються*, як пух у ніздрі, ці напохваті чужинецькі слова яз звороти, заліплюють пори в мозкові, нахабно тиснуться попідруч, – і незчуваєшся, як починаєш балакати *«хеф-напів»*» [20, 28].

Понимая возможные затруднения потребителей, авторы нередко объясняют свои нововведения сами, пользуясь при этом тремя основными методами. Наиболее распространенным среди них является синонимизация: ря-

дом с новым иностранным словом употребляется более знакомое. Например: Читатель предлагает сделать чендж и заменить нас другими* (Тел., 2001, 48); За этим конкурсом последует другой. Правда, условия конкурса – сиквела... (Тел., 2001, 11). Еще: у молодежи началось модное течение «милитари» хотя сегодня военным стилем никого не удивишь (Тел., 2001, 21) и почти аналогично: одетых в стиле милитари (камуфляж) (ОдВ, 2001, 82). Одесская железная дорога объявляет о предоставлении следующих рекламных услуг: борды (стенды); лайт-боксы (светящиеся щиты) и т.д. (ПК, 2001, 25). Еще одна реклама: Дайверы, на Мальту! Подводное плавание (дайвинг) очень популярно на Мальте. Для обеспечения безопасности дайверов (аквалангистов) ... (Тел., 2001, 30). Приведенные и множество аналогичных примеров свидетельствуют, по меньшей мере, о том, что, во-первых, языковой необходимости в данных заимствованиях нет, ибо они имеют однозначные соответствия в родном языке и, во-вторых, их пользователи изо всех сил стремятся попасть в модную речевую струю.

Сказанное справедливо и для второго – контекстуального типа объяснительного введения иностранного слова, в котором контекст способствует расшифровке чужого знака: все ясновидящие и другие сенситивы Болгарии (МК, 2001, 26); помимо своих обычных требований к автомашине Филипп Киркоров заказал для себя еще некоторые дополнительные опции – цветомузыку, дымовую установку и пр. (МК, 2001, 22); всі телефонні «бути» були переповнені, потім автомат з її монету [20, 88]. Из интервью: «Ваше шоу закрывается? – Нет – нет, шоу mast goy» (Тел., 2001, 16).

И, наконец, третий – дефиниционный – тип введения выглядит наиболее милосердным, ибо он снисходительно вразумляет невежественных, что и как нужно говорить: В «Детских мирах» появились мягкие игрушки, сумочки, тапочки с изображениями телевизионных героев. Западная индустрия шоу-бизнеса начала захват неосвоенного рынка по своим классическим законам. Все это называется мерчендайзингом. (МК, 2000, 47). «В контракте Джека Николсона оговаривается не только марка лимузина и количество

комнат в номере, но и возраст коньяка, который должен быть в номере <...> Такие требования звездных гастролеров называются «райдер» и бывают иногда весьма странными» (МК, 2001, 30).

Рассмотрев структурно-морфологические и семантико-тематические особенности группы новейших англоязычных заимствований, представленной транслитерированными лексемами, можно предварительно констатировать, что они характеризуются разной степенью ассимиляции, что в свою очередь, проявляется в вариативности их графического представления кириллицей, в спорадической окавыченности их введения в текст и необходимости пояснительного комментария; а также разной степенью развертывания структурно-семантических и словообразовательных потенций слова.

Во второй группе иноязычных слов, названной ранее, кириллица сначала частично, а потом полностью уступает место латинице. Экспансия последней имеет место на всех трех ярусах письменной формы слова и продвигается от графемы, через морфему, к полной словоформе.

О второй группе, а также о функциях и языковом статусе всех новейших англоязычных заимствований в русской и украинской речи мы поговорим подробно в следующем номере нашего сборника статей.

* Небезынтересна реакция на эту реплику второго обозревателя: ‘Ну, ты совсем крейзи’, где крейзи, повидимому, считается общепонятным и не требующим пояснений.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Избранные труды. - Т. I. - М. : РАН, 1995. - 382 с.
2. Архангельский М. Разговор с Мих. Задорновым. - Факты. - 2001, 13.VII. - С. 11 - 12.
3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. - М.: ИВЯ, 1994. - 202 с.
4. Которова Е.Г. Межъязыковая эквивалентность в лексической семантике. Сопоставительное исследование русского и немецкого языков. «Peter Lang». Frankfurt-am-Main et al., 1998. - 297 с.
5. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. - Сер. 9: Филология. - М.: МГУ, 1997. - № 3. - С. 62 - 75.
6. Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц // ВЯ. 2000. - № 4. - С. 26 - 42.
7. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкоznания. - 2001. - № 3. - С. 58 - 71.
8. Поливанов Е.Д. Избранные работы. Труды по восточному и общему языкоznанию. - М.: Наука, 1991. - 622 с.
9. Русский язык конца XX столетия (1985 - 1995). Коллективная монография /Отв. ред. Е.А. Земская. - М.: «Языки русской культуры», 1996. - 479 с.
10. Селиванова Е.А. Когнитивная ономасиология. Монография. - Киев: Фитоцентр, 2000. - 247 с.
11. Сергеева А.Б. Об одной из тенденций развития французского словаря конца XX века: формы-зменители. - Вестник Московского Университета. - Сер. 9. Филология – 2001. - № 1. - С. 93 - 100.
12. Урысон Е.В. Языковая картина мира и лексические заимствования (леммы округа и район) // Вопросы языкоznания. - 1999. - № 6. - С. 79 - 83.

Словари

13. Большой толковый словарь иностранных слов в 3 тт / Сост. М.А. Надель-Червинская, И.П. Червинский. - Ростов на Дону: «Феникс», 1995. - 1507 с.
14. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов /Под ред. Н.З. Котеловой. - М. : Русский язык, 1984. - 806 с.
15. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона /Авт. О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Е.А. Розина/ Под общ. ред. Р.И. Розиной. - М.: Азбуковник, 1999. - 320 с.
16. Словник іншомовних слів /Укл. С.М. Морозов, Л.І. Шкарупа. - Київ: Накова думка, 2000. - 662 с.
17. Толковый словарь иноязычных слов /Авт. Крысин Л.П. - М.: Русский язык, 1998. - 848 с.

Список иллюстративных источников

18. Ерофеев Вик. Russkaya красавица. - М.: «Вся Москва», 1990. - 208 с.
19. Ерофеев Вик. «Французский элемент» в творчестве Гоголя/ В лабиринте проклятых вопросов. - М.: Сов. писатель, 1990. - С. 373 - 402.
20. Забужко О. Польсьі дослідження з українського сексу. - Вид. 3.: Київ: Факт, 2000. - 115 с.
21. Пелевин В. Generation «П». - М. : Вагриус, 1999. - 308 с.
22. Пелевин В. Чапаев и Пустота. - М.: Вагриус, 1999. - 360 с.

Список цитированных периодических изданий и индексов, приписанных им

- Домовой – Дом.
Думська площа – ДП.
Зеркало недели – ЗН.
Караван историй – КИ.
Московский комсомолец – МК.
Независимая газета – НГ.
Одесский вестник – ОдВ.
Окна – О.
Пресс-курьер – ПК.
Теленеделя – Тел.
Факты и комментарии – ФК.

Н.В.Литвинова

СМЫСЛОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕМЕЦКОГО СЛОВА *MANN* И РОДСТВЕННЫХ С НИМ СЛОВ

(на материале древних текстов)

При рассмотрении системы языка как совокупности взаимосвязанных и взаимоусловленных лексико-семантических групп (ЛСГ) появляется возможность, во-первых, полно и последовательно описать все ЛСГ одной языковой системы, а во-вторых, выявить существенные закономерности ее организации, связь с другими уровнями языка. В этом отношении очень интересна ЛСГ, которая выражает понятие «человек» в немецком языке. Кроме этого, данная группа слов не подвергалась полному и системному изучению.

Слово «человек» — одно из центральных слов в языке. Оно встречается практически в любых контекстах и функционирует главным образом как субъект. «Нет необходимости доказывать, что концепт «человек» ключевой концепт любой культуры. Без анализа его содержания невозможно адекватное описание культуры: место любой реалии в системе культурных ценностей — независимо от того, принадлежит эта реальность рукотворному миру, — может быть определено лишь через ту роль, которую играет по отношению к этой реалии человек» [5, 52].

В современной культуре так же, как и в традиционной, концепт «человек» связывается с представлением о мужчине и женщине. Предметом рассмотрения в настоящей работе является лексическая единица немецкого языка *der Mann* в первоначальном значении «человек».

Для решения поставленной задачи потребовались данные различных индоевропейских языков. Основные методы анализа в данной работе — сравнительно-исторический и этимологический. Исследование основывается на анализе древне-, средне- и ранневерхненемецких текстов, а также на материале этимологических, толковых, синонимических, мифологических и двуязычных словарей.

Анализируя тот или иной языковой концепт, необходимо решить одну общую проблему: соотношение между собой внутренней формы слова, которое обозначает концепт и содержания обозначаемого понятия. В процессе развития языка происходит некоторое разрушение внутренней формы и связь ее с первоначальным смыслом постепенно утрачивается. Задача исследования заключается в том, чтобы вскрыть эту связь, которая существовала изначально.

Слово «человек» является одним из наиболее древних слов языка, что подтверждают мифы и легенды различных народов. Так, Манн в германской мифологии — «первый человек», сын Туисто, отец трех племенных групп германцев: ингевонов, истевонов и герминонов (упоминаемых Тацитом) [3, 342]. В древнеиндийской мифологии Ману (др.инд. *Mani* или *Mann* «человек», от санскритского корня *man* «мыслить, осознавать», ср. готск. *mann*, нем. *Mann*, англ. *man*) — первопредок, прародитель людей и основоположник закона. В ведах Ману — сын Вивасвата (солярного божества) и брат Ямы; в то время как Яма — первый человек, который умер, и царь умерших предков, Ману — первый человек, живший на земле, и царь людей. Пураны и эпос насчитывают уже 14 Ману: семь бывших и семь будущих. От каждого из них ведет свое начало человечество в соответствующий мировой период — манvantару («период Ману»), охватывающий 71 махаонту, или 306 720 000 человеческих лет. Первый из 14 Ману — Ману Свамбхува, сын Свамбхи — «самосущего» (Брахмы) и его жены Шатарупы (по другой версии мифа, Свамбху разделился на мужскую и женскую половины, от них родился Вирадж, а от Вираджа — Ману Свамбхува). Седьмым Ману, Вайвасватой, связана древнеиндийская легенда о потопе, сходная с соответствующими шумерскими, семитскими и греческими мифами: однажды во время ритуального омовения в руки Ману попала маленькая рыба. Рыба попросила Ману вырастить ее, обещая, что спасет его от грядущего потопа. Когда она превратилась в боль-

шую рыбку, Ману отпустил ее в море и снарядил по ее совету корабль. Вскоре начался потоп. Ману привязал корабль к рогу приплывшей рыбы и она провела его к одиночко возвышавшейся над водами северной горе. Через некоторое время потоп схлынул, унеся с собой все живое, и Ману остался на земле один. Он принес богам жертву и из этой жертвы поднялась девушка Ила (Ида). Ила стала женой Ману и от нее он имел потомство — создал человеческий род, который зовется «родом Ману» [2, 343].

Анализ древне- и средневерхненемецких словарей показал, что в соответствующие периоды в языке, наряду с лексической единицей *der Mann* в первоначальном значении «человек», существовало еще несколько слов с таким же значением: *tennisgo*, *tennisco*, *tennisch* — «человек», *gomo* — «мужчина, человек», *gottan*, *cottan* — «мужчина; человек; супруг», *fers* — «человек», *wer*, *wēr* — «мужчина, человек», *wiht* — «существо (особенно домовой, демон); человек (пренебр.); вещь, нечто».

Такое количество синонимичных слов со значением «человек» объясняется следующим образом: во-первых, на начальном этапе развития языка существовало несколько лексических единиц, которые заключали в себе значения «мужчина, супруг; воин; слуга», т.к. изначально слова получали свои значения от каких-то свойств, которыми обладал тот или иной предмет или от определенных действий, которые совершались людьми в быту, на охоте. Во-вторых, древневерхненемецкий период является начальным этапом развития и становления современного немецкого языка. В это время происходят заимствования из других языков, которые употребляются наравне со словами данного языка с тем же значением. Напр., *gomo* от лат. *homo*, крымско-готское *fers*. Заимствования из латыни в немецкий язык проникли через самые древние письменные памятники древневерхненемецкого — гlossen, т.е. отдельные немецкие слова или словосочетания, объяснявшие трудные для понимания латинские слова и обороты из латинских текстов, в основном церковных или богословских. Можно предположить, что таким образом в древневерхненемецкий было заимствовано слово *homo*, которое трансформировалось и приняло вид *gomo*.

Постепенно, при наличии в языке самостоятельных слов со значениями «мужчина; муж, супруг; воин; слуга; существо; вещь, нечто», некоторые из выше перечисленных лексических единиц, которые имели такие же значения, утратили их. Так, в настоящее время, слово *der Mann* не употребляется

в значении «воин, слуга» самостоятельно, а только в составе сложных слов, напр., *Kriegsmann* «воин», *Dienstmann* «посыльный, носильщик».

Определенная группа слов вышла из употребления и если эти слова еще встречаются в средневерхненемецкий период, то в современном языке в своем первоначальном виде и с теми же значениями они отсутствуют. Но это не значит, что слова, утратившие свое первоначальное значение и вышедшие из употребления на последующих этапах развития языка, бесследно исчезли. Зачастую они употребляются как компонент в составе другого слова, сохранив при этом или незначительно изменив звуковую оболочку и значение. Например: *der Bräutigam* «жених», *das Wergeld* «денежный штраф за убийство человека», *der Werwolf* «оборотень», *das Bösewicht* «1) устар. злодей; 2) шутл. сорванец, проказник, баловник, шалун»; *das Wicht* «1) разг. малыш; малый, парень; 2) пренебр. тип, негодяй».

В данной статье предлагается рассмотрению смысловая значимость слова *der Mann* и родственных с этим корнем слов в древних немецких текстах.

В древневерхненемецкий период слово *man* являлось общегерманским словом, существительным мужского рода и имело основные значения «человек, мужчина». В древневерхненемецком языке, а также в англосаксонском (здесь в форме *mon/nn*), *man* могло употребляться как по отношению к женщине, так и по отношению к мужчине (ср. дсканд. *kvenntmar*, дшвед. *kvinmaper*, англакс. *wifmann* или *wifmon*, англ. *woman* «женщина», англакс. *mon* «человек, личность, мужчина, женщина» [12, 247; 13, 459]. Ср. еще: дvn. *hiwo* «мужчина и женщина, супруги», которое в дальнейшем приняло форму *hia*, *hiwa* и за ним закрепились значения «супруга, жена».

В древневерхненемецких письменных памятниках парадигма склонения существительного *man* представлена всеми падежами как в единственном, так и во множественном числе. Следует отметить, что прослеживается определенная закономерность между падежом, в котором стоит существительное и его функцией в предложении. Остановимся на этом подробнее.

Именительный падеж.

Существительные, стоящие в именительном падеже, выполняют в предложении роль подлежащего и предикатива.

Der man ist salig, der in dero argon rat ne gegieng «Благословен человек, который не следует безбожному совету» (подлежащее).

Her uiwas heroro man «он был почтеннейшим человеком» (предикатив).

Родительный падеж.

1. Указывает на принадлежность чего-нибудь кому-нибудь и существительное в предложении является определением:

Mannes liihhamin «тело человека».

2. Очень распространено употребление *Genitivus partitivus*:

а) в соединении с существительными, которые обозначают большое количество, меру: *manno mihil managi* «большое количество (толпа) людей»;

б) в соединении с местоимением: *giwelin manno* «каждый из людей»;

в) в соединении с прилагательным, которое стоит в превосходной степени сравнения: *manno moltisto* «самый благородный среди людей».

Дательный падеж.

Чаще всего употребляется как «падеж дополнения»:

а) в соединении с глаголами:

Cot almachtico, du himil enti erda gauvorahtos, enti du mannum so manas coot forgapi «Господь всемогущий, Ты, сотворивший небо и землю, и ты людям так много хорошего дал».

б) в соединении с прилагательными:

chud was herchommen mannum «известен был он сильным людям».

в) *Genitivus partitivus* употребляется также с отрицанием:

ni scolta sid manno nohhein miatun infahan «не должен, потому что, ни один из людей принимать вознаграждение»;

so dar manno nohhein uihiht pimidam ni mak «ни один из людей не может избежать демона».

4. Многие прилагательные управляют родительным падежом:

denne scal manno gilih fona deru moltu arsten «тогда должен подобный людям встать из земли»;

Nu es filu manno inthihit, in suna zungan scribit «Сейчас многие люди начали писать на своем языке».

Винительный падеж.

Существительные, стоящие в винительном падеже, выполняют в предложении функцию прямого дополнения:

«ni findu ih, » guad er; «thesan man» «не нахожу я», сказал он, «того человека».

Многие глаголы, наряду с дополнением в винительном падеже, требуют второго дополнения:

Forta imo uui enti inan rehtan man inti heilagon. «Er fyrchtete ihn, da er ihn (als) einen gerechten und heiligen Menschen kannte». «Он боялся его, так как он знал его справедливым и святым человеком (как справедливого и святого человека» (двойной винительный падеж).

Что касается синтагматического аспекта, то согласно древневерхнеменцким словарям [14; 20], слово *man* имело значения «человек; мужчина, муж; слуга, посыльный, носильщик; воин», но на 96 проанализированных ситуациях *man* в значении «человек» встречается в 86-ти случаях, в значении «мужчина» – в 1-ом и в значении «воин» – тоже в 1-ом. В остальных 8-ми случаях употребляется существительное *mennisco, mannisco*. Например:

tho sprach er erlichō ubaral, so man zi frouuin scal «тогда он говорил повсюду честно, как должен мужчина по отношению к женщине».

Mit geru scal man geba infahan «копьем должен воин принять дар».

В этот же период в языке уже имеет место наличие деривационного ряда с *man*, который представлен:

1) глаголами:

manassamon — сделать человеком

manhoubiton — порабощать; подчинять себе (кого-либо), закабалять

2) местоимениями:

manniclin – каждый

mannilih, manno-, manna-, mannoliih, mannilich, man(ne)lih – каждый, каждый человек

mannogilih, mannegelih – каждый

ioman, eomam – кто-нибудь

niaman, neomam – никто

3) прилагательными:

manlih, manalih – 1) мужской; 2) мужественный; 3) достойный мужчины

manchunt, tankund – 1) мужской; 2) мужественный; 3) достойный мужчины

manaheitig – 1) человеческий; 2) человечный, гуманный

manaheitigo – 1) человеческий; 2) человечный, гуманный

manaheitilh – 1) человеческий; 2) человечный, гуманный

manaluomi – 1) человеческий; 2) человечный, гуманный

manaliubi – 1) человеческий; 2) человечный, гуманный

mannin – 1) человеческий; 2) человечный, гуманный

4) существительными:

a) *mankunni, -chunni, -chunne* – человеческий род

b) *mannischissa* – человеческая природа, человечность

manheit, mana(e)- – мужская часть, достоинство

manaheitigi – человечность, гуманность

b) *mansceit* – человеческая личность, отличие личности/человека

manalihha/o, manalicha/o, manlihha, manlicha – облик человека

г) *manwerdini* – очеловечение, антропогенез

д) *mannilih, mannil* – 1) человек; 2) самец (у животных)

mannin, manninna – мужеподобная женщина

manslago, mannesslekko, -sleggo, manslekko, -slecco – убийца

manohoubit, manahobit – раб; слуга, работник, батрак; ист. холоп; уст.

дворник

manezo, -ezzo, manabizzo, manbizzo – людоед, каннибал

manchuning – король

manslaht, -slacht, -szlat, manslahta, -slahda – убийство

friman – свободный, незакрепощенный

gotman – священник

landman – земляк

wartman – страж

wisman – мудрец

merimanni, -menni – сирена, русалка; морская нимфа

Всего существительных, в которых *man* выступает в качестве второго компонента, зафиксировано 30 [14; 20].

Все существительные с *man* можно разделить на следующие группы:

а) обобщение; б) наличие признака; в) с элементом уподобления человеку;

г) процесс; д) одушевленные и неодушевленные существительные.

Здесь следует отметить следующие особенности:

1. Как компонент, *man* присутствует почти во всех частях речи, за исключением наречий, но количество этих слов различно: существительных – 44, прилагательных – 8, местоимений – 5, глаголов – 2.

2. В сочетаниях, где *man* стоит на первом месте, наблюдаемое слово доминирует при переводе на русский язык и выполняет роль определения, так как в большинстве случаев при разложении сложного слова на составляющие его компоненты оно отвечает на вопрос чей? Например: *kunni des mannes* (чей род?), *slahta des mannes* (убийство чье?) и т. д.

3. У существительных, у которых *man* является вторым компонентом, при переводе на русский язык доминирует первый компонент, и они переводятся как «священник, мудрец, страж» и т.д., но если переводить эти слова по составляющим компонентам, то *man* тоже будет стоять на первом месте, имея при этом только одно значение «человек». Например: *gotman* «человек, который служит богу», *wisman* «человек, наделенный мудростью, мудрый человек», *wartman* «человек, который стоит на страже» и т.д.

Слово *man* встречается также в собственных именах – в мужском имени в одной ситуации и в названии народа – в 3-х. Причем в составе собственных имен *man* имеет ту же парадигму склонения, что и существительное, употребленное в предложении самостоятельно. Например:

mit Karlemanne, bruoder sineto «с Карлеманном, его братом» (дат. п., ед. ч.).

Heidun sa Northman Harto biduungan «норманны» (им. п., мн. ч.).

Fand her thia Northman: «нашел он норманнов» (вин. п., мн. ч.).

Reit her thara in Vrankon Ingagan Northmannon «Двинулся он туда, в Франкон, навстречу норманнам» (дат. п., мн. ч.).

В 88 проанализированных ситуациях отмечено 2 случая, когда *man* употребляется в составе сложного слова:

Doh iuanit des vilo gotmanno «священник».

Lietz her heidine man Obar seo lidan «Препятствовал он язычникам переплыть через озеро (море)».

Необходимо отметить, что слово *man*, употребленное в немецком языке во мн. числе, на русский переводится как «люди», но только в том случае, если в ед. числе *man* имело значение «человек», а не «мужчина».

Существительное *mennisco*, *mannisco* «человек» также встречается в языке в древневерхненемецкий период как самостоятельное существительное. Но здесь следует отметить некоторые особенности. Во-первых, это слово встречается в текстах, которые по времени написания находятся

ближе к средневерхненемецкому периоду (9 в., начало 11 в). Во-вторых, очень мала частотность употребления этого слова в древневерхненемецких текстах (в 8 ситуациях из 96). Отсюда можно сделать вывод, что именно в конце древневерхненемецкого периода произошло образование существительного *mennisco* путем субстантивации прилагательного *mennisc* «человеческий».

В этот период уже также существует деривационный ряд с существительным *mennisco*, который не такой обширный, как в случае с *man*, и представлен следующими частями речи:

1) местоимением:

menniglich – каждый

2) существительными:

menniski – 1) человечество, человечность; 2) зрелый возраст (мужчины); человеческая природа

menniskheit, mennischheit – человечество, очеловечение, антропогенез, человеческая природа

mennisknissa, menniscnissa — человечество

mennischeit, mennisg-, mennecke- — человечество, человеческая природа

mennisi – человечество, человеческая природа

3) прилагательными:

mennisc, mennisch – 1) человеческий; 2) человечный, гуманный

menniski, mennisklih – 1) человеческий; 2) человечный, гуманный

menisch, menisg, menesg, mannasc – 1) человеческий; 2) человечный, гуманный

menniscin, manaschin, manischin, manisgin – 1) человеческий; 2) человечный, гуманный

menislih – 1) человеческий; 2) человечный, гуманный

Все производные существительные имеют значения обобщения, наличия признака и процесса, причем одно существительное может иметь все три выше названных значения.

Во всех производных словах существительное *mennisco*, *mannisco* стоит на первом месте, является определением и имеет значение «человеческий».

Данное существительное, употребленное в немецком языке во множественном числе, при переводе на русский язык имеет значение «люди».

Зафиксирован один случай, когда одно и тоже слово является и прилагательным и существительным: *menniski*.

Так же, как и у существительного *man*, парадигма склонения *mennisco* представлена всеми падежами как в единственном, так и во множественном числах. Здесь прослеживается определенная закономерность между падежом, в котором стоит существительное и его функцией в предложении. Но малая частотность употребления *mennisco* в текстах не позволяет проиллюстрировать эту парадигму, как это было сделано на примере существительного *man*, так как в 4-х случаях из 8-ти *mennisco* стоит в дат. падеже.

В средневерхненемецкий период слово *Mann* имеет ту же форму, что и в древневерхненемецком. Парадигма склонения совпадает, в основном, с парадигмой склонения в древневерхненемецком. В данный период чаще употребляется Genitivus partitivus после существительных и глаголов, родительный падеж с отрицанием и очень употребителен родительный падеж как дополнение в соединении с глаголами: *er vorhte seiner manne* «он испытывал страх перед своими людьми».

В это время происходит упорядочивание падежных форм от *man* именно в единственном числе, в то время как в старых диалектах эти формы представляют большое разнообразие. Слово изменяется теперь по сильному склонению существительных мужского рода.

Свн. *die man* имеет форму ед. числа, а значение – множественного:

vreude u ere ist al werle unmaere:

die man sind wandelbaere: [8, 92]

«радость и слава презренны во всем мире:

мужчины – непостоянны»:

Наряду со старой формой мн. числа *die mann* в средневерхненемецком употреблялось также *die manne*:

der manne ist vil

die noch gerne dienent guoten wiben [8, 92]

«много мужчин, которые еще охотно служат прекрасным дамам»

С переходом в слабое склонение имела место также форма мн. числа *die mannen*: *wyszhait so vil grosser und treffenlicher mannen* «так велика мудрость великих и прекрасных мужей».

Форма дательного падежа *mannen* может принадлежать всем выше названным формам мн. числа: *daz sie hochgemuten mannen holdes herze tragen*

«чтобы они были благосклонны к благородным мужчинам». Постепенно эта форма начала восприниматься как дательный падеж формы *mannen* (см. выше) и употреблялась, вследствии этого, только в определенном значении.

В этот период наблюдается тенденция «расслаивания» значения существительного *man*, при которой значение «мужчина преобладает над значением «человек». Так, в 81 случае слово *man* в значении «человек» встречается в 26-ти ситуациях, в значении «мужчина» – в 33-х, в значении «люди» во мн. числе – в 4-х.

Чаще, чем в древневерхненемецкий период, здесь встречаются сложные существительные с *man*, в которых оно является вторым компонентом, но при переводе этих существительных по составляющим *man* имеет значение «человек»: *werchman* «творец, строитель» (т.е. человек, который что-то создает, строит), *Christis man* «христиане», *uiisman* «мудрец», *lantman* «земляк», *armtan* «бедняк», *kunege man* «король», *gote man* «священник».

Man встречается также в собственных именах:

Ein marcgrave der heiz Herman «маркграф, которого звали Герман».

Ich han zwen Allaman under eine krone bracht «Я принес двух Алламанов под одну корону».

Чаще, чем в предыдущий период, в средневерхненемецком встречается существительное *mensch* (6 раз на 81 ситуацию), причем парадигма склонения представлена в более полном объеме и данное существительное имеет значения «человек» в ед. числе и «люди» во мн. числе.

Именительный падеж: *von den zuein ein werch, daz der mennisch, der beide ist, corpus unte geist*.

«Из двух творений одно – это человек, а второе – тело и душа».

Родительный падеж: *Tu idris bezechenet unsirin trohtin, der an sih nam den mennischen lihhamin* «Обозначают нашего господа, который принял человеческий облик» (досл. который взял себе тело человека).

Дательный падеж: *Wan unser herre dinc mit wisheit geordnet hat, da von hat er auch dem menschen sin leben unde geschaffen, als er wil und niht als wir welle*. «Когда наш господь мудро упорядочил все вещи, он также человеку создал и упорядочил его жизнь как он хочет, а не как мы хотим».

Здесь уже видно, что существительное *mensch* склоняется по слабому склонению существительных, чего не было в древневерхненемецкий период.

В это же время происходит расширение первоначальной семантики слова *man*, и оно имеет следующие значения: 1) человек (отсюда производные *ie man* «какой-нибудь (человек); кто-нибудь»; *nie man* «никто»; 2) человек мужского пола в зрелом возрасте, мужчина/муж. (*waz mannes* – «Что за мужчина? Кто?»); 3) отважный, храбрый воин; 4) супруг; 5) возлюбленный, любовник; 6) жених; 7) сын; 8) послыльный, слуга; 9) ленник, вассал. В шахматной игре оно употребляется в названиях всех фигур, кроме короля и королевы. На этом же этапе развития языка *man* начинает употребляться не только как существительное, но и как неопределенno-личное местоимение (также с артиклем). Наряду с формой *man* существовали также формы *men*, *me*, которые употреблялись в безударных позициях и варианты *wan*, *wen* (особенно в алеманском). Заметным является также расширение деривационного ряда с *man*. Появляется значительное число глаголов, особенно образованных путем префиксации, прилагательных, существительных, а также сложных слов с основой *man*. Например:

mannen – «становиться мужчиной, проявлять себя как мужчина; собраться с силами; жениться» (сейчас глагол не употребляется);

ermannen – «собраться с духом, осмелиться, решиться», ср. ин. *ermannen*;

manlich – «достойный мужчины; храбрый; мужественный», ср. ин. *mannlich*;

manschaft – «ленники, вассалы; ленная обязанность», ср. ин. *die Mannschaft*;

mannes bilde – «образ мужчины», ср. ин. *das Mannsbild* [9, 439].

Существительное *Mensch* по прежнему имеет только одно значение «человек». В этот период также отмечено расширение деривационного ряда с *mensch*, который представлен в основном существительными и прилагательными.

В ранневерхненемецкий период существительные *Mann* и *Mensch* имели уже почти все черты, которые присущи этим существительным в современном немецком языке. И поскольку объем данной статьи не позволяет рассмотреть этот период в деталях, остановимся на тех особенностях, которые были замечены в результате анализа текстов соответствующего периода.

Всего было проанализировано 74 ситуации, в которых слово *man* встречается в 45-ти случаях. Из них в значении «человек» – в 22-х, в значении «мужчина» – в 9-ти, как компонент сложного существительного – в 14-ти.

Начальная форма *man*, которая соответствует им. п. ед. и мн. числа, дат. п. ед. числа и вин. п. ед. и мн. числа, пишется еще с одной буквой *-n*, и зафиксировано только 3 случая, когда с двумя: *60 mann* «60 человек», *ein frommer mann*, «набожный человек», *dem gmeinenn mann* «простому человеку».

Сложные слова, компонентом которых является *man* – это одушевленные существительные, которые обозначают род занятий человека: *ackerman* «земледелец», *hantwerckman* «ремесленник», *kaufman* «торговец»; чин: *atrmann* «ист. окружной начальник», *hauptman* «капитан»; сословие: *edelman* «дворянин»; семейное положение: *ehefrau* «супруг», а также *blodman* «туница, болван, дурак». Во всех этих сложных существительных *man* является вторым компонентом.

Существительное *Mensch* встречается в 37-ми ситуациях. Из них: как самостоятельное слово – в 31-й, как компонент сложного существительного – в 3-х, как прилагательное – в 3-х. Существительное склоняется уже по слабому типу склонения. В трех случаях имеет место ablut e > i: *ieder mensch* «каждый человек», что можно объяснить особенностями диалекта, на котором написан данный памятник.

Как часть сложного существительного, *mensch* может быть вторым компонентом и иметь значения «человек» или «люди» (во множественном числе): *ward ein Weltmensch* «был светским человеком», *den goilden christenmenschen* «хорошим христианом» (т.е. людям, которые веруют в Иисуса) или же быть первым компонентом и являться прилагательным: *alles menschengeschlecht* «весь человеческий род».

Прилагательные имеют следующую форму и значения: *daz man mencklich beswart haut* «что обременяют человеческое тело», *der menschlichen forcht* «человеческий страх», *mannlich* «мужское, достойное мужчины».

Как видно из приведенных примеров, слово *man* принимало новые значения с каждым периодом развития языка, о чем свидетельствует также современный немецкий язык. Словарный материал позволил определить семантику слова, которая представлена в немецком языке в следующем виде:

1. Лексическая единица *der Mann* обозначает взрослого человека мужского пола, мужчину: *er ist ein Mann in besten Jahren* «он (мужчина) в полном расцвете сил», а также в спортивной терминологии при обозначении видов спорта *im Eislauf der Männer* «по конькобежному спорту среди мужчин».

Употребляясь в этом же значении, *der Mann* может переводиться на русский язык не как «мужчина», а заменяется другими словами, но первоначальная семантика при этом сохраняется: *alter Mann* «старик», *junger Mann* «1) молодой человек; 2) разг. ученик (на производстве)», *ein starker/kräftiger Mann* «силач», *ein tapferer/beherzter Mann* «храбрец».

2. Данное слово служит для обозначения семейного положения — муж, супруг: *ein treusorgender Mann* «нежный/заботливый супруг».

3. Сохранилось употребление *der Mann* в значении человек (б.ч. о мужчине): *der gegebene Mann* «подходящий человек», *ein feiner Mann* «благовоспитанный человек». Если в предложении слово стоит в ударной позиции, то оно не переводится: *der Mann kann etwas* «он знаток своего дела». *Der Mann* употребляется также в собирательном значении *der gemeine Mann* «простой народ, простонародье». Точно также как и в первом значении, *der Mann* при переводе может быть заменено другим словом, и здесь уже на значение существительного влияет прилагательное, стоящее перед ним: *der erste Mann* «самая видная фигура, самый крупный деятель», *der starke Mann* «диктатор». Распространены словосочетания *Mann + существительное* в родительном падеже и *Mann + существительное с предлогами mit/von*, с помощью которых можно описать характер человека, род его занятий, общественное, служебное, социальное положения, уровень его развития: *ein Mann mit Humor* «человек с юмором», *ein Mann der Feder/von der Feder* «1) работник умственного труда; 2) литератор, журналист», *ein Mann von Welt* «светский человек», *ein Mann von Rang und Würden* «человек с высоким служебным положением», *ein Mann des Volkes* «1) человек из народа, выходец из народной среды; 2) человек, выражающий думы и чаяния народа, человек, пользующийся доверием народа», *ein Mann von Kopf* «человек с умом».

4. После числительных при указании на количество людей употребляется форма единственного числа в значении множественного: *hundert Mann* «сто человек», *alle Mann an Bord!* «мор. все наверх!».

5. В форме множественного числа, где вместо *Menschen* употребляется *Leute* в значении «солдат, рядовой, боец; матрос; рабочий».

6. В устаревшем и поэтическом стилях употребляется форма множественного числа *Mannen* «воин, дружинник; вассал».

7. *Der Mann* имеет также значение «партнер» (в игре): *uns fehlt der vierte Mann* «нам недостает четвертого партнера».

8. Выражение *alter /toter/ Mann* имеет значения а) горн.«заброшенная выработка; выработанное пространство», б) воен. «неразорвавшаяся торпеда».

9. В морской терминологии *blinder Mann* «помощник рулевого».

10. *Der Mann* употребляется также при обращении *lieber/guter Mann* «любезный/добрый человек», может выражать неодобрение *Mann Gottes!* разг. «ты что!» или возглас удивления *mein lieber Mann!* (разг. «боже мой!, батюшки мои!»).

Как основное слово *Mann* встречается также в многочисленных словах, например: *Bergmann, Dunkelmann, Edelmann, Kaufmann, Landsmann* и т.д. [9, 439].

Таким образом, словоформа *man* имела в немецком языке следующее смысловое развитие: «человек» > «мужчина»; человек (в сложных словах и сочетаниях). Значение «человек» постепенно было вытеснено адекватной формой от *man*, означающей «человеческий». Данная сема имеет место в современном *Mensch* «человек». Древнее же *man* «человек», как отмечается в словарях, восходило к мотивации «думающий», а также, согласно нашим наблюдениям, к понятию «один из многих, первый (человек)».

Литература

1. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Практикум по истории немецкого языка. - Л., 1977. - 302 с.
2. Мифология. Большой энциклопедический словарь. /Гл. ред. Е. М. Мелетинский/ - 4-е изд. - М., 1998. - 736 с.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2.- М., 1982. - 718 с.
4. Мосальская О.М. Большой немецко-русский словарь. Т. 2. - М., 1980. - 1200 с.
5. Розина Р.И. Человек и личность в языке//Логич. анализ языка: Культурные концепты. - М.: Наука, 1991. - с. 52 - 56.
6. Чемоданов Н.С. Хрестоматия по истории немецкого языка. - М., 1978. - 286 с.
7. Bublik W.N. Geschichte der deutschen Sprache. - Kyjiw, 1983. - 300 с.

8. Deutscher Minnesang (1150-1300). Einführung sowie Auswahl und Ausgabe der Mittelhochdeutschen Texte von Friedrich Neumann. Nachdichtung von Kurt Meuer. - Stuttgart, 1995. - 175 c.
9. Duden. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Band 7. - Mannheim -Wien -Zurich, 1985. - 840 c.
10. Graf A.E. 6000 Deutsche und russische Sprichwörter. - Halle, 1960. - 294 c.
11. Grimm J. und W. Deutsches Wörterbuch. Band 12. - München, 1999. - 2848 c.
12. Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. - Strassburg, 1894. - 491 c.
13. Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 22. Auflage - Berlin, 1989. - 822 c.
14. Köbler Gerhard. Taschenwörterbuch des althochdeutschen Sprachschatzes. - München-Wien-Zürich, 1994. - 399 c.
15. Langenscheidts Grosswörterbuch. Band 2. - Berlin, 1997. - 1177 c.
16. Lexer Matthias. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. 34.Aufl. - Leipzig, 1974. - 343 c.
17. Nork F. Etymologisch-symbolisch-mythologisches Realwörterbuch zum Handgebrauche für Bibelforscher, Archäologen und bildende Künstler. Band 3. – Strassburg, 1845. – 360 c.
18. Paul H. Deutsches Wörterbuch. 8. Aufl. – Halle (Saale), 1961. – 782 c.
19. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Lief. 1-10. – Bern, 1945-1951. – 960 c.
20. Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. 3.Aufl. – Tübingen, 1981. – 309 c.
21. Wahrig. Deutsches Wörterbuch. 7.Aufl. – München, 2000. – 1451 c.
22. Wasserzieher E. Kleines etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Leipzig, 1975. – 262 c.

Е. Ф. Лукьянова

ОБРАЗ ЧИТАТЕЛЯ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В МЕГАТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ

(На материале четырех вариантов издания романа Диккенса «Тяжелые времена»)

Реализация модуса адресованности художественного целого текста проходит с учетом всех обобщенных, прогнозируемых автором (возрастных, социальных, культурных) характеристик фигуры читателя.

Одним из основных вопросов в области декодирования текста является определение образа того гипотетического читателя, на которого ориентируется автор произведения [7, 42] и который всегда «встроен» в языковую (горизонтальную) и культурологическую (вертикальную) структуры текста. Этого своего рода «идеального» (с точки зрения автора) читателя всегда можно идентифицировать, поскольку он представляет собой величину, которая задана автором и которая имплицитно постулируется текстом.

Как известно, каждое художественное произведение функционирует в контексте определенной исторической эпохи, и его восприятие обусловлено культурным и социальным контекстами, в рамках которого это произведение воспринимается. Являясь представителем какой-то эпохи и носителем определенных социальных и культурных характеристик, конкретный реальный читатель изменчив и нестабилен, особенности его восприятия выявляются с каждым конкретным актом прочтения текста. В отличие от

него гипотетический читатель представляет собой более устойчивую структуру, хотя и его образ как часть целого текста будет каждый раз преломляться сквозь призму мироощущения реального адресата. Совпадение или несовпадение реального читателя с его гипотетической моделью приводит соответственно к успеху или неуспеху в декодировании текста.

Как известно, текстообразующая категория образа читателя всегда рассматривалась исключительно в рамках основного текста. Однако формирование образа читателя не ограничивается этими рамками. Вспомогательные компоненты (предисловие, эпиграф, посвящение, сноски, комментарии, послесловие, примечание, и т.д.), дополняющие основной текст, также участвуют в моделировании предполагаемого адресата, его общекультурного тезуруса, языковой компетенции и даже возрастных характеристик. Поэтому проблема влияния вспомогательных сообщений на формирование образа читателя заслуживает отдельного внимания.

Отправителем дополнительных сообщений может являться как сам автор (авторские вспомогательные сообщения), так и редактор, издатель, комментатор или авторитетный специалист-филолог, которые наделяются авторскими полномочиями (неавторские вспомогательные сообщения). Как результат варьирования количественных и качественных характеристик таких дополнительных видов информации, литературное произведение за долгие годы своего существования функционирует в качестве неидентичных друг другу коммуникативных вариантов, а именно в виде различных редакционных версий, в которые входят или из которых исключаются комментарии, сноски, предисловия, приложения и другие вспомогательные сообщения. Необходимо учитывать тот факт, что и само основное сообщение также может подвергаться сокращениям.

Объектом данного исследования является *мегатекст* англоязычного литературного произведения, представленный в ряде его коммуникативных вариантов.

Под *мегатекстом*, вслед за И.М.Колегаевой, подразумеваем основной текст, передающий сообщение как таковое, в совокупности со вспомогательным, части которого направлены на выполнение различных функций в художественной коммуникации [7].

Феномен *мегатекста* как целостного коммуникативно-речевого явления еще недостаточно изучен в современной филологии, нас интересует

конгломерат мегатекстовых компонентов и его модификации, встречающиеся в различных изданиях одного и того же произведения.

Материалом исследования послужили четыре различных коммуникативных варианта романа Ч. Диккенса «Тяжелые времена»: два издания этого произведения, выпущенные в Великобритании и США, и два издания, вышедшие на языке оригинала, но адресованные читателям, не являющимся носителями этого языка как основного (изданные в России и Италии). Проведем сопоставительное исследование этих четырех редакционно-издательских версий одного литературного произведения.

Обозначим анализируемые коммуникативные варианты романа следующими условными индексами: A Norton Anthology Edition – Norton, A Signet Modern Classic – Signet, Библиотека иностранной литературы – Moscow, Biblioteca Universale Rizzoli – Rizzoli.

Анализ четырех коммуникативных вариантов романа показывает, что *мегатекст* данного произведения, естественно, в обязательном порядке содержит основное сообщение и различные комбинации вспомогательных. В целом количество вспомогательных сообщений равно 10, однако, ни в одном из изданий они не зарегистрированы в полном наборе, их представленность в них варьируется от 5 до 3 сообщений (см. таблицу 1).

Таблица 1

Варианты мегатекстовой структуры в разных изданиях

Основной текст	Посвящение	Предисловие	Оглавление	Список персонажей	Комментарии	Сноски	Критическая оценка	Послесловие	Примечание	Всего
Norton	+	+	+	-	-	+	-	-	+	5
Signet	+	-	+	+	-	-	-	+	+	5
Moscow	-	+	+	-	+	-	-	-	-	3
Rizzoli	-	+	+	-	-	-	+	-	-	3

Количество и набор вспомогательных сообщений варьируется от издания к изданию, никогда не повторяясь полностью. Издания Norton и Signet имеют соответственно по пять таких сообщений, которые, однако, не идентичны по набору; издания Moscow и Rizzoli сопровождаются только тремя.

Вспомогательные сообщения занимают не одинаковую позицию с точки зрения архитектоники текста. А именно, они могут находиться относительно ос-

новного текста в препозиции (в данном материале исследования это, например, *Предисловие* в изданиях Norton, Rizzoli, Moscow; *Критические отзывы* известных писателей к изданию Rizzoli; *Примечание к тексту* в Norton, *Оглавление* в вариантах Signet, Norton и Moscow), в параллельной позиции (сноски внизу страницы — издание Norton) и постпозиции (примерами могут быть *Комментарий* в московском издании, а также *Послесловие* и *Примечание к тексту* в варианте Signet). В любом случае как параллельное, так и препозитивное или постпозитивное размещения вспомогательных сообщений свидетельствуют об их ограниченности от основного текста, их невключенности в него, а, следовательно, об их коммуникативной второстепенности. Но при этом позиция «невключенности» не является сама по себе показателем излишнего характера их употребления. Более того, наличие вспомогательных сообщений облегчает читателю восприятие текста, пополняет его фоновые знания. Полное декодирование *метатекста* происходит только при восприятии читателем всех коммуникативных компонентов сообщения, включенных автором и издателем в *мегатекст* [8, 27].

Рассмотрим более подробно вспомогательные сообщения в вариантах интересующего нас произведения.

В издании Norton на первом месте в порядке следования стоит *Оглавление* (*Contents*), в то время как в варианте Signet оно помещено после *Предисловия об авторе* (*Notes About The Author*), в котором кратко излагаются сведения о жизни и творчестве Диккенса и заглавия произведения, являющегося частью основного сообщения. Что же касается издания Moscow, то *Оглавление* приводится после заглавия и *Предисловия* издателя, представленного на русском языке.

Издания Norton и Rizzoli предлагают сведения об этапах жизненного пути, а также изменениях мировоззрения Диккенса в *Предисловии* от издателя. Оно следует сразу за *Оглавлением* в издании Norton и Rizzoli. Причем в Rizzoli *Оглавление* представлено в самом конце произведения. Интересен тот факт, что только в этом издании после неавторского *Предисловия* следуют *критические отзывы* известных писателей о романе Диккенса. Эти *отзывы* выступают в качестве «посредников и советчиков» между читателем и основным текстом сообщения, они стремятся сформировать представления читателей о смысле художественного сообщения на основе своего собственного идеологического подхода, передают специализированную ин-

формацию о недостатках и достоинствах языка, стиля и текстовой структуры произведения, акцентируют внимание на отдельных его элементах, выявляют различные точки зрения на него и тем самым помогают читателю конкретнее определиться в своем отношении к тексту.

Вспомогательные сообщения способны выполнять метатекстовую функцию: они рассуждают о собственно самом тексте (т. е. о тексте основного сообщения) и «обсуждают его судьбу»: историю его возникновения, особенности его различных изданий и т. п. (термин *метатекст* заимствован из работы А. Вежбицкой [4]). Например, в варианте Norton находим *A Note On The Text* (*Примечание к тексту*), которое сообщает, что текст романа претерпевал некоторые изменения, так как являлся перепечаткой второго издания, опубликованного в серии A Norton Anthology Edition в 1990 году, тоже в свою очередь основанном на версии романа Диккенса *Hard Times*, выпущенным в 1854 году и представленным с рядом исправлений из рукописи автора [11, XII].

Из *Послесловия* к изданию Signet становится известно, что издание также основано на первоначальной версии 1854 года. Редактор сообщает, что орфография и пунктуация текста 1854 года были приведены в соответствии с современными Британскими нормами шестидесятых годов (год публикации данного издания — 1961) и очевидные ошибки были исправлены [12, 301]. В остальных двух изданиях (итальянском и московском) такие сведения отсутствуют, причем тексты являются идентичными между собой, т. е. орфографическая и синтаксическая редактура авторского текста не эксплицируется.

Диккенс посвятил роман своему другу Томасу Карлейлю, публицисту и ученому, современному писателя. Своим *Посвящением*, которое игнорируется издателями московской и итальянской версий произведения, но существует в двух других изданиях, Диккенс выражает свою приверженность учению знаменитого английского историка. Карлейль выдвигал идеалистическую концепцию «культы героев», которые, по его мнению, являются единственными творцами истории. Эту точку зрения также поддерживал и Диккенс [9, 548].

Тот факт, что издатели Norton и Signet оставляют *Посвящение*, а в двух других вариантах оно опущено, выявляет различные оценочные позиции,

которые занимают издатели по отношению к адресатам произведения. Те издания (*Signet* и *Norton*), которые включают *Посвящение*, обеспечивают в дополнение к широкому еще и специализированный, научный, контекст читательского восприятия в ключе историко-литературоведческого учения, по всей видимости, достаточно популярного для эпохи Диккенса. Тем самым они предполагают толкование героев Диккенса не только с позиций текста основного сообщения, но и с отсылкой на концепцию Карлейля. Редакторы московского и итальянского изданий, опуская *Посвящение*, очевидно, сочли, что оно не несет сколько-нибудь важной дополнительной информации, полезной для читателей. В этих версиях произведения горизонт читателя искусственно сужается на основе только того предположения, что в их тезаурусе могут отсутствовать знания о Карлейле и его концепции. В результате этого важные культурологические концепты, которые даже будучи неизвестны читателям, но которые могут быть разъяснены им путем введения дополнительной информативной справки, остаются за кадром.

Безусловный интерес для данного исследования представляют *сноски и комментарии*, сопровождающие текст в издании *Norton* и *Moscow*. В американском издании *Signet* и итальянском *Rizzoli* *комментарии* вообще отсутствуют. В варианте *Moscow* *комментарии* представлены в конце произведения; они отличаются небольшим объемом и носят скорее всего автономный по отношению к тексту характер, в основном расширяя обще-культурный тезаурус читателя, т. е. являются пояснительно-описательными единицами мегатекста, употребляемыми без конкретизации описуемого явления и учета его значимости для данного произведения. В издании *Norton* *комментарии* как вид неавторских вспомогательных компонентов представлены в виде *сносок*.

Среди *Комментариев*, и в частности *сносок*, мы различаем: 1) лексические — разъясняющие общеязыковое значение отдельных слов, словосочетаний, устойчивых выражений и в целом расширяющих словарный запас читателя — 16 единиц; 2) контекстуальные — толкующие значение слова в контексте его употребления — 7 единиц; 3) культурологические — поясняющие реалии и культурные концепты, характерные для жизнеописания той или иной территории и эпохи, и воплощенные в структуре вертикального контекста целого произведения — 27 единиц.

Более всего в тексте издания *Norton* насчитывается культурологических комментариев к аллюзиям библейской тематики (18 единиц), что также влияют на формирование предполагаемого образа читателя. Следует отметить, что каждое из анализируемых в данной работе изданий ориентируется на различных читателей, особенности которых акцентируются в *мегатексте* четырех вариантов романа. И наиболее наглядно это можно продемонстрировать на примере Библейских аллюзий: названия первых глав первой и третьей книг «Единое на потребу» (*«One thing needful»*) и «Иное на потребу» (*«Another thing needful»*); название второй главы первой книги «Избиение младенцев» (*«Murdering the Innocents»*); в романе упоминаются заповеди, Вавилонская башня, Страшный Суд. Другими словами, текст Диккенса предполагает, что читатель должен быть знаком со Священным Писанием и что при отсутствии фоновых знаний в этой области, роман не будет восприниматься должным образом.

Кроме того, библейские аллюзии, которые представлены в тексте англо-американского издания романа Диккенса — *Norton*, отличается не только количеством сопровождающих их комментариев, но наиболее подробной предоставленной в них информацией; в качестве примера могут выступить символические названия трех книг «Сев», «Жатва», «Сбор в житнице» (*«Sowing», «Reaping», «Garnering»*). Эти названия восходят явно к Библейской метафоре: «See Galatians 6.7.: «for whatsoever a man soweth, that shall he also reap» — «что посеешь, то и пожнешь», что подтверждается и редакторским комментарием, поясняющим значение аллюзий [11, 67]. Упоминание этой параллели, проведенной редактором, может показаться избыточной для образованного читателя, понимающего очевидность трактовки аллюзии. Но необходимость комментария продиктовано в подобных случаях ориентацией издательства на широкого реципиента (например, молодого читателя или читателя, малознакомого с текстами Библии), предлагающего соответствующую лакуну в своем культурном тезаурусе.

Отсутствие ссылок, толкующих Библейские аллюзии в изданиях *Signet* и *Rizzoli*, можно объяснить только тем, что издатели ориентируются уже на осведомленных и высокообразованных читателей, которых может привлечь классическое произведение. А такие читатели, как правило, воспитаны в атмосфере высоких культурно-этических и нравственно-религиоз-

ных традиций, и с детства знакомы с Библией. Такова ситуация в Италии – колыбели католицизма. Этот факт наложил соответствующий отпечаток на общественное сознание людей и в Соединенных Штатах, изначально христианском государстве, в котором законы Священного Писания постигаются с детства. В связи с этим редакторы не считают нужным подробно останавливаться на толковании стоящих за аллюзиями концептов, которые и так без труда будут верно проинтерпретированы реципиентами в создаваемом автором контексте их употребления.

В издании *Moscow* объяснение Библейских аллюзий представлено комментатором в общей и поверхностной форме. Относительно названий трех книг романа «Сев», «Жатва», «Сбор в житницы» он просто отмечает, что «первая книга (заязка) обнажает источники и корни социального зла, давшего губительные всходы во второй книге; в третьей книге, где дается развязка, показаны последствия событий и их влияние на судьбы действующих лиц романа» [13, 321]. Издатель полагает, что читателю нет необходимости вдаваться в подробности метафорической иносказательности, которой автор наделил названия трех составных частей произведения. Издание *Moscow* вышло в свет в 1952 году, во времена воинствующего атеизма, когда многие потенциальные читатели произведений Диккенса, не знакомые с подобными культурологическими универсалиями, естественно, были не в состоянии воспринимать и оценивать их в контексте литературного произведения даже при наличии комментаторских справок. Данный пример, когда информация о культурно-этической подоплеке романных коллизий преднамеренно замалчивается редакторами издания, явно свидетельствует о возможной идеологической направленности *мегатекста*, возникающей иногда под влиянием потенциальной культурной неполноты реальных читателей произведения.

В *Послесловии* (Afterword) к изданию *Signet*, являющегося аналогом комментариев к другим изданиям, читатель узнает о литературно-эстетической и этической позициях писателя. Комментатор акцентирует внимание на авторской оценке персонажей и подчеркивает, что Диккенс небезразличен к их судьбе. Автор *Послесловия* подчеркивает, что в таком довольно коротком романе существует чрезвычайное большое количество персонажей; он перечисляет некоторых из них, говорит об их важной фун-

кции в произведении, и, судя по всему, сам выносит их в виде *Списка* в начало романа*, еще раз подчеркивая то значение, которое Диккенс уделял своим героям [12, 297]. Это может служить еще одним напоминанием о необходимости учитывать концепцию Карлейля, придававшего огромное значение культу героев.

Наличие вспомогательных сообщений свидетельствует о вмешательстве посредника, берущего на себя функцию толкователя. Толкования, представленные в четырех конкретных коммуникативно-речевых вариантах произведения, выявляют различные степени изменения образа читателя, предполагаемого автором. Например, образ читателя в мегатексте с комментарием, отличается от образа читателя в сообщении, которое не сопровождается комментарием. С одной стороны, чем значительнее комментарий и чем глубже информация, изложенная в нем, тем шире возможности, предоставляемые читателю для интерпретации текста, с другой стороны, наличие сопутствующего или отсылающего к примечанию сообщения предполагает, что читатель не в состоянии самостоятельно и осознанно проприетарий и уяснить предлагаемые автором концепты и реминисценции, направленные на создание художественного образа или конкретной идеи. Таким образом, заполняя потенциальные лакуны в кругозоре реципиента, создатель вспомогательного сообщения формирует свой образ читателя.

На основании описанных вариантов мегатекста мы выявили различные образы одного гипотетического читателя, и можем прийти к выводу, что каждому мегатексту соответствует свой образ, который нередко расходится с тем образом читателя, на которого ориентируется автор основного сообщения.

* Небезынтересен тот факт, что только в варианте *Signet* после *Оглавления* и *Посвящения* приводится *Список главных действующих лиц* произведения.

Литература

1. Алганаева Н. А. Сопутствующий текст и способы его связи с основным текстом (на материале сносок к научным и художественным произведениям) // Категории текста. - Сб. науч. тр. МГПИЯ. - Вып. 228. - С. 3-15.
2. Антипов Г. А. и др. Текст как явление культуры. - Новосибирск: Наука, 1989. - 197 с.
3. Большой Энциклопедический Словарь. - Москва: Советская энциклопедия, 1985. - 1600 с.
4. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. VIII. - М.: Прогресс, 1978. - С. 402-421.
5. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата. - Киев: Вища Школа, 1993. - 245 с.
6. Гнатюк И. Г. Предисловие как тип текста в сфере научной коммуникации // Текст и его категориальные признаки. - К.: КГПИЯ, 1989. - С. 47-51.
7. Колегаева И.М. Текст как единица научной и художественной коммуникации. - Одесса, 1991. - 115 с.
8. Колегаса I.M. Мегатекст як вияв комунікативної гетерогенності цілого завершеного тексту // Мовознавство. - № 1. - 1996. - С.25-30.
9. Цыбульская В.В. Жанровое своеобразие романа Ч.Диккенса «Тяжелые времена». // Иностранный литература. - №1. - 1992. - С.22-27.
10. Яусс Х.Р. Эстетическое понимание и литературная герменевтика. - Мюнхен: Theory, 1977. - 452 с.
11. Dickens Charles. Hard times. - New-York - London: A Norton Anthology Edition W.W. Norton & Company, 1993. - 184 p.
12. Dickens Charles. Hard times. - New York: A Signet Modern Classic, 1961. - 253 p.
13. Dickens Charles. Hard times.- Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1952. - 256 p.
14. Dickens Charles. Tempi difficili. - Milano: Biblioteca Universale Rizzoli (BUR). 1998. - 289 p.

Т. А. Нестерова

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ И ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА В ИНТЕРВЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В интеллектуальной человеческой деятельности практически нет сферы, где бы не использовалась аргументация.

Концептуальные, философско-логические основы теории аргументации были заложены еще в Древней Греции. Способы и приемы доказательного изложения мыслей, применявшиеся античными риторами, изучались затем на протяжении многих веков в риторике, логике, философии. Формальной логикой был подробно изучен и разработан процесс доказательства – «логической операции обоснования истинности какого-либо суждения с помощью других истинных и связанных с ним суждений» [7, 238]. Как следует из определения, цель доказательства – обоснование истинности утверждения. Формальная логика далее этого не идет: судьба доказанной истины ее уже не интересует.

Вот почему следует различать понятия доказательства и аргументации. Доказательство, как выведение из истинных посылок истинного следствия, не зависит от аудитории и может использовать формализованный язык. Цель аргументации – добиться, чтобы мнение автора стало мнением адресата, она использует естественный язык и обращена к адресату. Аргументация обосновывает не только знания, но и мнения. Средства аргументации гораздо богаче, чем средства доказательства.

ства: это не только логические приемы, но и приемы, отвергаемые формальной логикой, например, ссылка на авторитет или аргумент к личности.

Наиболее точное определение аргументации дано А. Д. Беловой, которая определяет аргументацию как «социальную, интеллектуальную, вербальную деятельность, служащую оправданию или опровержению точки зрения, представленную системой утверждений, направленных на достижение одобрения у определенной аудитории» [4, 6]. Аргументация в коммуникации в отличие от доказательства в логике включает множество факторов нелогического и неязыкового характера. Учесть невербальные аспекты коммуникации, а также «целый набор аргументативно-релевантных неязыковых компонентов, в том числе, антропологические и социальные факторы позволяет понятие аргументативного дискурса» [4, 104]. Понятие дискурса позволяет учитывать разнородные факторы, повышающие или снижающие эффективность аргументации как вида коммуникативной деятельности, связанной с речевым воздействием на адресата. Создание убедительности как психологического феномена становится отличительной чертой аргументативного дискурса, охватывающего различные виды речевой деятельности как в письменной, так и в устной формах.

Аргументация в коммуникации динамична, поскольку предполагает обмен информацией. По своей организации аргументация диалогична, межсубъектна; она всегда подразумевает фактор адресата, обратную связь. Данные характеристики аргументативного дискурса повлияли на выбор объекта данного исследования – интервью как жанра информационно-публицистической речи и разновидности аргументативного дискурса.

В качестве материала исследования были отобраны пять интервью объемом 179 предложений (718 синтагм). Время звучания данного материала составило 23 минуты 38 секунд. Интервью были записаны в студийных условиях в исполнении профессиональных дикторов, то есть они являются образцами идеальной, «отшлифованной», подготовленной аутентичной английской речи. На основании подобного материала можно представить наиболее полную картину структуры жанра интервью и функционирования в нем различных языковых средств. Для синтаксического анализа экспериментального материала был использован текст данных интервью, записанный филологами, носителями английского языка на основе магнитофонной записи.

Исходным положением в статье принята точка зрения, согласно которой любое значение в языке выражается сразу на нескольких языковых уровнях. Данное утверждение получило широкое освещение в работе А. В. Бондарко [5], посвященной теории функционально-семантического поля. В современной лингвистике данной проблеме посвящены работы А. А. Атабековой и Т. В. Шустиковой [2; 3], где на основании понятия интонационной семантики вводится понятие интонационно-семантического поля типовой интонационной модели.

В процессе исследования мы придерживались функционального описания, основанного на принципе «от значения к форме» [5, 11] в такой последовательности: семантика — синтаксис — просодия. Исследования подобного рода позволяют интегрировать в единой системе те разнообразные языковые средства, которые обычно рассматривались в описаниях различных аспектов языка.

Любой вид дискурса по своему составу неоднороден, поскольку в процессе мышления человеку свойственно отражать различные объективно существующие связи между явлениями действительности, между объектами, событиями, отдельными суждениями, что, в свою очередь, находит выражение в различных функционально-смысловых типах речи: описание, повествование, рассуждение. Функционально-смысловые типы нередко выступают в контаминированном виде, что приводит к образованию смешанных типов речи, но доминирование какого-либо одного типа речи может оказаться решающим при определении вида дискурса.

Рассуждение – это такой тип речи, в котором «исследуются предметы или явления, раскрываются их внутренние признаки, доказываются определенные положения» [8, 120]. Именно рассуждение характеризуется особыми логическими отношениями между входящими в его состав суждениями, которые образуют умозаключения или цепь умозаключений на какую-либо тему, изложенных в логически последовательной форме. Таким образом, рассуждение можно считать смысловой доминантой ар-

гументативного дискурса. Повествование, выражающее «сообщение о развивающихся во временной последовательности действиях или состояниях» [8, 114], и описание, дающее «представление о характере, составе, структуре, свойствах, качествах объекта путем перечисления как существенных, так и несущественных его признаков в данный момент» [8, 117], выступают как периферийные в аргументативном дискурсе. Описание и повествование функционируют как отступления от основного хода рассуждения и служат для придания речи образности и выразительности [9].

В логическом аспекте структура аргументации может быть уподоблена структуре доказательства. Она включает в себя три элемента: тезис, аргументы и демонстрацию связи тезиса и аргументов – доказательное рассуждение [1].

Интервью как вид диалогической речи, относится к такому виду речевой коммуникации, который построен на обмене репликами двух или более собеседников. В реплике-стимуле включающей вопрос, просьбу или обращение, всегда сформулирована тема, заявка на ту информацию, которую должен развить в своем ответе собеседник. Своеобразие интервью заключается в репликах-стимулах: «они всегда направлены на получение развернутой информации от собеседника» [6, 45]. Поэтому в интервью преобладают ответы, сближающиеся с монологической речью. Эти характеристики сказываются на аргументативной стороне текстов данного жанра.

Интервьюер запрашивает информацию и, таким образом, активно участвует в формулировании тезисов аргументации. Главное средство оформления тезиса в интервью, можно сказать, его движущая сила – это формулировка вопроса. Иногда тезисы в интервью могут формулироваться одним из собеседников без участия второй стороны, но специфика данного жанра заключается, прежде всего, во взаимодействии реплик при выработке окончательной формулировки тезиса. Журналист, готовясь взять интервью у специалиста, не может предусмотреть ход беседы настолько, чтобы определить, к какой главной мысли (то есть, главному тезису) сведется текст. В свою очередь и интервьюируемый не властен выдвинуть и защищать единственный главный тезис, поскольку

тематика его речепроизводства зависит от вопросов журналиста. Поэтому целостность интервью определяется, в первую очередь, тематическим единством, а главная мысль оказывается либо достаточно широкой, обобщающей, чтобы охватить весь разнообразный материал, либо многопризнаковой (то есть сложным тезисом, фиксирующим наличие нескольких качеств у предмета речи) [1]. Что касается существа информации, сообщаемой о предмете речи, то тезисы в интервью могут быть фактологическими, описывающими какое-либо явление с точки зрения его бытия, и оценочными, выражающими оценку явления, которая в дальнейшем изложении аргументируется [1]. Например,

Интервьюер: *Can you explain what holistic medicine is?*

Интервьюируемый: *OK. Holistic medicine takes into consideration the whole of the person* (фактологический тезис).

Интервьюер: *What changes and developments do you think we might see over the next thirty years?*

Интервьюируемый: *It is very hard to predict – it has to be said – and I do feel a strange mixture of pessimism and optimism* (оценочный тезис).

Поскольку в анализируемом жанре осуществляется запрос информации при разнице ее объемов у разных сторон, аргументы, которые приводят интервьюируемый, носят «поясняющий и объясняющий характер» [1, 34].

Пояснение — это упрощение суждения, сведение его к чему-то более конкретному [1]. Например, *I mean, the reason for keeping fit is to keep fit for your way of life, the life you choose*. Пояснение в процессе аргументации также может выглядеть как подбор примера или аналогии: *And many of the very good things, improvements, that were made, were made voluntarily in those times – for example – people built hospitals, voluntary hospitals – many of the church schools were built during that time*.

Объяснение – это раскрытие причин или целей сложившегося положения дел, поэтому и различают каузальное и телескопическое объяснение.

Каузальное объяснение обычно указывает на причину (причины) сложившейся ситуации [1]. Например, *I call myself a constructive pessimist, because you can't help but be pessimistic, looking at some of the issues we face*.

Телеологическое объяснение указывает на цель (цели) и/или последствия сложившейся ситуации [1]. Например, *One other great plus about developing stamina is that if you maintain your stamina over a period of years, it actually has an effect of protecting the heart against heart disease.*

При анализе синтаксической структуры фраз, составляющих материал исследования, выявилось, что для интервью характерно индуктивное рассуждение, то есть направление аргументации от общего к частному, что выражается преобладающим количеством сложноподчиненных предложений (40%) с многоступенчатым подчинением и сложных сочиненно-подчиненных предложений (35%). Например, *Secondly, there is an increasing political awareness that these things have to be given political expression, people need to involve themselves in organizations, in groups; they need to put pressure on politicians so that they don't get away with the absurd things they're doing at the moment.* Простые предложения (17%) характерны для оформления тезиса, например, *I really want to live every single minute to the full. Some of my songs are expressing that.* Сложносочиненные предложения, не включающие в свой состав сложноподчиненные, встречаются достаточно редко (8%).

Проанализировав распределение типов придаточных предложений в сложноподчиненных предложениях, можно сделать вывод о том, что поясняющие аргументы в интервью преобладают над объясняющими (Таблица 1).

Таблица 1

Распределение типов придаточных предложений в интервью

Типы придаточных предложений	Количество (%)
Дополнительные	31
Определительные	26
Условия	13
Времени	11
Причины	7
Цели	7
Образа действия	5

Как видно из Таблицы 1, в исследуемых интервью преобладают дополнительные и определительные придаточные предложения (31% и 26% соответственно), которые описывают, объясняют, уточняют и характеризуют обсуждаемые явления действительности. Эти придаточные характерны

для сложноподчиненных и сложных сочиненно-подчиненных предложений, составляющих поясняющие аргументы. Например, *But obviously, the crucial problems we face now are largely those of population, which is a problem ... which is unfolding remorselessly, and will really hit us in the middle of the next century; the misuse or abuse of the world's resources, both the renewable resources, such as the clean air, clean water, and the non-renewable resources, the speed with which we're using up oil, gas, whatever else it may be; the appalling problems of poverty and famine and hunger, which er ... what we saw last year in Ethiopia and the Sudan. I'm sorry to say, is merely a very small indication of the kind of things we're going to see before now and the turn of the century; the arms build-up, which has reached really staggeringly immoral levels er ... one thousand million million dollars now being spent on arms every year, instead of being spent on the kinds of things that it ought to go on. On the other side of the coin, it has to be said, that I would think there are three main things that are now beginning to ... allow us to be a little more optimistic.*

Придаточные предложения времени (11%) употребляются, в основном, в отступлениях от основной канвы рассуждения, когда говорящий подкрепляет свои аргументы примерами из собственного опыта или описывает гипотетические ситуации. Например, *Firstly, when the opposition party were in power, they allowed a Member of Parliament's salary to fall way behind the national average.* В этом же случае употребляются условные предложения различных типов (13%). Например, *If you don't carry on exercising, all the benefits that you get from exercising will all disappear within 6 to 8 weeks, или If we were in industry, we would without doubt be earning figures vastly in excess of what we are prepared to accept.*

Придаточные предложения причины и цели (по 7% соответственно) характерны для объяснительных аргументов. Например, *Things that nobody in England would open out and do because there is a fear, there is a protective barrier and a sense of inferiority for anybody who dares to disobey these social norms, или Well, strength is useful really so that we don't strain muscles or pull ligaments and tendons when we suddenly have to do something a bit energetic.*

Придаточные предложения образа действия (5%) в основном представлены сравнительными предложениями и характерны для телеологи-

Таблица 2

Распределение видов предъядерной части синтагм в интервью

Вид предъядерной части синтагм	Количество (%)
Безударная предъядерная часть синтагмы	25
Высокая ровная шкала	22
Средняя ровная шкала	15
Нисходящая ступенчатая шкала	14
Скользящая шкала	8
Нисходящая разорванная шкала	8
Восходящая шкала	6
Скандентная шкала	1
Низкая ровная шкала	1

Предъядерная часть синтагм обычно короткая, таким образом, как следует из Таблицы 2, 25% синтагм характеризуются отсутствием ударных слогов в предъядерной части. Шкала в остальных синтагмах обычно составляет 1-2 ударных слога. Характерно употребление ровных шкал: высокой ровной шкалы (22%) и средней ровной шкалы (15%). Высокая ровная шкала чаще всего комбинируется с высоким нисходящим ядерным тоном, а средняя ровная шкала – с низким нисходящим тоном, что дает эффект контраста при выделении семантического центра высказывания.

Ступенчатая шкала (14%) характерна для предложений, составляющих фактологический тезис рассуждения, и придает словам говорящего серьезный и весомый характер. Например, *It's something to do with the sense of rhythm*.

Скользящая шкала (8%) употребляется в оценочных предложениях и за счет акцентного выделения каждого знаменательного слова придает речи говорящего живость и убедительность. Например, *And that's wholly good*.

Нисходящая разорванная шкала (8%) звучит в длинных конечных синтагмах (6-10 ударных слогов), завершающих вопросно-ответные единства в интервью. Например, *That does demand a lot more energy and a lot more time*. Эта шкала в большинстве случаев комбинируется с низким нисходящим тоном, что придает больше значимости акустически выделенному слову.

Частных объяснительных аргументов. Например, *The more you know somebody, the more you relax and probably allow yourself to listen properly to them*.

Следующий этап исследования представляет собой изучение и определение просодических средств, участвующих в организации интервью.

Скорость произнесения в исследуемом материале равна 5-6 слогов в секунду, что соответствует нормальному темпу речи. В некоторых случаях наблюдается замедление темпа речи, что связано с выделением семантических центров высказываний и в наибольшей степени характерно для оформления тезиса. Паузы могут быть разной длительности. В исследуемом материале зарегистрированы не только синтаксические, но и свободные паузы. Употребление последних связано не с синтаксической структурацией текста, а со стратегией говорящего в условиях конкретной ситуации. Наиболее информативными являются эмфатические паузы, употребляемые с целью выделения семантического центра синтагмы. Например, *...then I think you've got a perfect portrait of ... an instant ... communication*. Паузы холостяции (заполненные и незаполненные) позволяют говорящему собраться с мыслями прежде чем подобрать нужное слово или выразить какую-либо идею, например, *There's a ... terrifically enjoyable discipline about fitting ... into ... er ... nutshell ... your own thoughts*.

Громкость произнесения нормальная; небольшие вариации в громкости соответствуют степени серьезности тематической информации: небольшие шутливые отступления от темы произносятся тише, чем основной текст: *Well I wrote it a few years ago after I'd been at a rather formal dinner party, sitting next to a crusty old stick, a lady I knew, and I thought «This is going to be a bit of an effort», and I plucked up courage and started chatting to her about herself ...* Диапазон звучания варьирует в целях контрастивного выделения семантических центров высказываний: ровные шкалы чередуются с нисходящими и восходящими шкалами в зависимости от степени значимости тематической информации (Таблица 2).

Скандентная шкала (1%) употребляется, когда говорящий говорит о невозможности существования или осуществления чего-либо, например, ... *that doesn't really exist at all.*

Восходящая шкала (6%) встречается в двух интонационных моделях: в сочетании с высоким нисходящим тоном, и между двумя высокими нисходящими тонами. В первом случае говорящий высказывает противоречие какой-либо идеи, например, *Well → that's unfortunately |not |true ...*; во втором случае говорящий выражает эмоциональную оценку какого-либо явления действительности, что характерно для оценочного тезиса, например, *I |hate the → thought of time rushing |past.* В целом, распределение видов ядерных тонов в исследуемом материале представлено в Таблице 3.

Таблица 3

Распределение видов ядерных тонов в интервью

Виды ядерных тонов	Количество (%)
Высокий нисходящий	27
Низкий нисходящий	25
Нисходяще-восходящий	16
Средний ровный	10
Нисходящий + восходящий	9
Высокий ровный	7
Нисходящий + нисходящий	6

Таблица 3 констатирует доминирующее использование высокого нисходящего (27%) и низкого нисходящего (25%) ядерных тонов. Как уже было сказано выше, варьирование данных тонов тесно связано с варьированием речевого диапазона (нормальный/узкий) в целях контрастного выделения семантического центра в высказывании. Нисходящевосходящий тон (16%) использовался говорящими на стыке главных предложений и придаточных дополнительных и определительных предложений, составляющих поясняющие аргументы. Средний ровный тон (10%) и высокий ровный тон (7%) звучали в синтагмах, синтаксически соответствующих однородным членам предложения, а также вводящих прямую или косвенную речь. Кроме того, ровные тона употреблялись на стыке главного предложения и придаточного предложения цели или причины, что характерно для объясняющих аргументов.

Итак, для интервью характерно доминирование функционально-смыслового типа речи «рассуждение». С точки зрения логики структура аргументации в интервью может быть уподоблена структуре доказательства. Тезис оформляется простыми предложениями. Фактологическому тезису характерна ступенчатая интонационная шкала в комбинации с низким или высоким нисходящим ядерным тоном; оценочному тезису — восходящая шкала в срединной позиции между двумя высокими нисходящими тонами. Аргументы в интервью носят поясняющий и объясняющий характер и синтаксически представлены сложноподчиненными и сложными сочиненно-подчиненными предложениями. Поясняющим аргументам характерно употребление придаточных дополнительных и определительных предложений, объясняющим — придаточных предложений причин, цели и образа действия. Варьирование интонационных шкал и ядерных тонов при оформлении аргументов, а также вариации в громкости и темпе произнесения, связаны с выделением семантических центров синтагм и высказываний, а также со степенью значимости и серьезности тематической информации.

Таким образом, подтверждается главный тезис статьи о том, что любое значение в языке выражается сразу на нескольких языковых уровнях. Выбор интонационной модели в соответствии с семантикой текста, а также его логической и грамматической структурой, обусловлен актуализацией в речи конкретного жанрового варианта речевого сообщения, в данном случае такой разновидностью аргументативного дискурса, как интервью.

Література

1. Аргументация в публицистическом тексте (жанрово-стилистический аспект): Учебное пособие по курсу «Журналистское мастерство» / Под ред. Л. М. Майданова. - Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1992. - 244 с.
2. Атабекова А. А. Когнитивный подход в рамках системного анализа интонации текста // Фонетика в системе языка / Сб. статей. - Вып. 2. - М.: Изд-во Российской ун-та дружбы народов, 1999. - С. 83 - 88.
3. Атабекова А. А., Шустикова Т. В. Системное обучение интонационной семантике в целях обеспечения целостности коммуникативного акта // Фонетика в системе языка / Сб. статей. - Вып. 2. - М.: Изд-во Российской ун-та дружбы народов, 1999. - С. 253 - 258.
4. Белова А. Д. Лингвистические аспекты аргументации (на материале современного английского языка): Дисс. ... докт. филологических наук. - Киев, 1998. - 443 с.
5. Бондарко А. В. Функциональная грамматика / АН СССР. Научный совет по теории советского языкознания. Институт языкознания. - Л.: Наука, 1984. - 136 с.
6. Брызгунова Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. - 116 с.
7. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. - М.:, 1987. - 532 с.
8. Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. - М.: Издательство НОРМА, 2001. - 560 с.
9. Messenger, W. E., Taylor, P. A. Elements of Writing. A Process Rhetoric for Canadian Students. - Prentice-Hall Canada Inc., Scarborough, Ontario, 1986. - 328 р.

А.М. Приходько

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧНА ОРГАНІЗАЦІЯ ДИЗ'ЮНКТИВНОГО ВИСЛОВЛЕННЯ

Поверненість лінгвістичних досліджень сьогодення до прагматичної сторони мовного знака, відбиваючи осмислення мови як продукту інструменту людської діяльності, не означає, що структурно-семантична парадигма лінгвістики поступається місцем прагматичній. Прагматика і семантика не можуть бути жорстко протиставлені одна одній як два типи взаємовиключних значень. Навпаки, вони являють собою таку «функціональну єдність» [15, 33], у якій перша виступає як «практична семантика» [23, 67], а друга «належить до тієї сторони мовленнєвої діяльності, яка, створюючи знакові аналоги світу, слугує здійсненню мовленнєвих актів» [5, 722]. Бути «вченням про детерміновані соціальним контекстом умови застосування людської мови» [22, 42], прагматика не може використовувати те, що не пропонується системою мови, у тому числі й семантичною. І навпаки – когнітивно-семантичні концепти мови будуть здійснюватися в мовленнєвій практиці.

Виходячи з цього принципового теоретичного положення, а також і з усвідомлення того, що «вживання висловлень у певних життєвих ситуаціях складає могутній фактор формування синтаксичних структур і їх диференціації» [2, 224], цілком логічним буде припущення про взаємообумовленість семантичних та прагматичних типів речень. З цієї точки зору велими актуальним видеться дослідження того, настільки той чи інший вид мовленнєвих актів (МА) може виражатись за допомогою засобів таксису, а також того, які компоненти таксисної семантики відповідають комунікатив-

ному завданню МА. Для з'ясування окресленої проблеми зупинимося на одному цікавому і в прагматичному, і в семантичному відношеннях типі діз'юнкції – опозитивно-розділовому парапаксисі (ОРП), явищі досить розповсюдженному не тільки в німецькій, але й багатьох природних мовах, як зазначає [20, 39 і passim].

Узагальненою семантико-сintаксичною формулою ОРП є символічний запис у вигляді $\text{проп}^1 \& \text{ПК}_{\text{орп}} \& \text{проп}^2$, де предикат-конектор $\text{ПК}_{\text{орп}}$ встановлює відношення обумовленості та невідповідності між двома пропозиціями (референтними ситуаціями): (1) *Entweder zahlen Sie, oder ich rufe die Polizei /U. Engel/*; (2) *Sie verlassen das Haus, oder ich lasse Sie durch den Hausmeister hinausbegleiten /J. Erben/*; (3) *Du mußt entweder neue Reifen kaufen, oder wir können nicht in den Urlaub fahren /J. Buscha/*; (4) *Entweder Sie geben Ihre Seminararbeit termingerecht ab, oder ich kann sie nicht mehr annehmen /H. Weinrich/*. Дискурсивними експлікаторами відношень обумовленості та невідповідності виступають недиференційні сполучники *oder* і *entweder-oder* та диференційні *sonst, ander(e)nfalls, widrigenfalls* (укр. *a то, а не то, інакше*).

Незалежно від засобів зв'язкового оформлення усі опозитивно-розділові відношення характеризуються досить сильним ступенем каузальної взаємозалежності, проявляючи певного роду семантичну тотожність з власне каузативними конструкціями: (1a) *Da Sie nicht zahlen, rufe ich die Polizei ↔ Sie zahlen nicht, deshalb rufe ich die Polizei*. Присутність каузальної імплікації тут цілком природно, тому що семантика ОРП складається із каузуючого компоненту та вказівки на стан, що каузується.

Власне кажучи, невідповідність міститься тільки в першому кон'юнкті і полягає в тому, що один із учасників комунікативного акту (не-мовець) робить деякий вчинок, що вступає у протиріччя з загально прийнятими нормами, а тому й не відповідає уявленням мовця про устрій навколошнього світу і/або соціальну поведінку в ньому. Референтна ситуація, що описується другим кон'юнктом (проп²), якраз і має свою метою приведення проп¹ у відповідність до діючих стереотипів, слугує засобом виправлення «ненормального» стану речей. Звідси – «мотивована превентивна семантика спонукання» [11, 51] та напрямок прагматичного пристосування «слово → світ» [24, 13], тобто приведення позамовної дійсності у відповідність до того, що декларується.

По відношенню до чинника «невідповідність» ОРП поводять себе подібно до протиставних парапаксисів, семантико-сintаксична організація яких спирається на чотири денотативні ситуації. Проте, на відміну від останніх, причиново-наслідковий ланцюг ОРП складається із трьох ланок. Пор.: (1) *Невідома* (проп¹: Π_1) $\rightarrow X zahlt nicht$ (проп²: H_1/Π_2) $\rightarrow Y ruft die Polizei$ (проп³: H_2/Π_3) $\rightarrow X zahlt$ (проп⁴: H_3), де Π означає причину, а H – її наслідок. Як частина дискурсу ОРП сигналізують два гіпотетичні наслідки, причина яких є референтно непрозорою, оскільки прихована від безпосереднього спостереження в передтексті. Проте, саме вона є джерелом виникнення та осередком існування двох інших ситуацій – проп² та проп³. Результатуючою ланкою виступає тут проп⁴, яка, власне кажучи, і є квінтесенцією усього висловлювання: у ній зосереджена мета, до якої прагне мовець, його інтенція на виправлення того стану речей, що склався в результаті поведінки адресата, неадекватної діючим у мовному колективі нормам. Отже, вербалізація двох із чотирьох ситуацій здійснюється за рахунок контамінації причини та наслідку – в проп⁴ має місце дифузія H_1 та Π_2 , а в проп³ – H_2 та Π_3 .

У результаті такого суміщення смислів виникає асиметрія між кількістю пропозицій та причиново-наслідкових ланок, а на рівні поверхневої репрезентації цей феномен поглибується за рахунок асиметрії значення та форми, реалізуючись за допомогою тільки двох кон'юнктів. При цьому перший кон'юнкт виявляється семантично найбільш навантаженим – у ньому іmplікується проп² та експлікується проп⁴, у ньому ж закладена й головна ідея такого висловлювання – прагматика мети («передбачення в свідомості результата, на досягнення якого спрямовані дії» [16, 534]).

На відміну від інших діз'юнктивів [8], ОРП не містить альтернативи в повному розумінні цього слова. Як справедливо вважає [7, 324], речення типу *Either you eat your dinner or I'll spank you* важко визнати такими, що виражают інклузивну діз'юнкцію. Важко визнати їх і ексклюзивними діз'юнктивами, як це робить [1, 11]. Напевно, не можна цілком погодитись і з думкою про те, що значення розділових сполучників у природній мові взагалі не зводиться ні до виключеної, ні до включеної діз'юнкції [10, 60]. Недостатнім видається й твердження про те, що опозитивно-розділове значення (*Говори, или я сьогодні же расскажу про тебя начальнику*) створюється завдяки синтезу семантичних компонентів взаємовиключення та гіпотези

тичності [9, 627]. З одного боку, в таких номінаціях дійсно мають місце регулярні каузальні імплікації, а з другого – вони обтяжені семою «вибір» («якщо проп², то проп³, але якщо проп⁴, то не-проп³»), що також базується на «кондіційній компоненті» [27, 812], уточнюючи його як «негативну умову» [18, 481], за якої буде здійснено волевиявлення мовця ((1b) *Wenn Sie nicht zahlen, rufe ich die Polizei*), а за якої ця умова скасовується ((1c) *Wenn Sie aber zahlen, rufe ich die Polizei nicht*).

Логічним субстратом ОРП є закон контрапозиції (*modus tollens*) у вигляді негативно-позитивної діз'юнкції ($\neg P \supset Q \vee (P \supset \neg Q)$), що само по собі не повинно дивувати, адже людина вирішує ті чи інші проблеми свого буття, слідуючи певним шаблонам, у т.ч. й законам формальної логіки. Мовно-наївна картина світу відображає ці логіко-імплікаційні структури у вигляді умовно-наслідкової формули «Якщо зробиш *P*, не буде *Q* – Якщо не зробиш *P*, то буде *Q*». По суті тут має місце конфлікт намірів, у якому зіштовхуються дві мети – вербалізоване волевиявлення мовця та невербалізована лінія поведінки адресата. Врешті-решт йдеться про свого роду опозицію, конфлікт намірів мовця й адресата, який будується за когнітивною схемою «Мовець хоче, щоб *P*, а адресат хоче, щоб *Q* (*ne-P*)».

Очевидно, що концепт «вибір», обтяжуючись протиріччям між волевиявленням мовця та наміром адресата, підтримується через посередництво семи «мета». ОРП, таким чином, виражают роздільність протиставних умов реалізації мети мовця. Однак, сема «мета» не завжди лежить на поверхні – вона може бути досить прозорою, про що повідомляється в першому кон'юнкті: ((1e) *Ich rufe die Polizei, um Sie zahlen zu lassen*; (2e) *Ich lasse Sie hinausbegleiten, damit Sie das Haus verlassen*; (3e) *Du mußt neue Reifen kaufen, damit wir in den Urlaub fahren können*), але й може бути досить глибоко прихованою (*4e) *Ich nehme Ihre Arbeit nicht an, damit Sie sie termingerecht abgeben*), і тоді мета проявляється як латентний акт волевиявлення ((4er) *Ich wünsche, dass Sie die Arbeit termingerecht abgeben*).

Окреслена характеристика ОРП була б неповною без вказівки на ще одну складову їх смислу – сему «інструмент». Слід, однак, зауважити, що про неї можна говорити з певною долею обережності. Проби показують, що в одних випадках вона входить до семантичної структури ОРП (пор.: (1f) *Ich lasse Sie zahlen, indem ich die Polizei rufe*; (2f) *Ich zwinge Sie das Haus*

zu verlassen, indem ich Sie hinausbegleiten lasse), а в інших – ні (пор.: *(3f) *Ich lasse dich neue Reifen kaufen, indem ...*; *(4f) *Ich lasse Sie Ihre Arbeit termingerecht abgeben, indem...*). Цей феномен може мати суто прагматичне підґрунтя: наявність/відсутність семи «інструмент» є вододілом в іллокутивно-спонукальній таксономії МА, оформленіх як ОРП.

Закладена в мовну свідомість, широко оздоблена «експресивно-модальним ставленням мовця до дії» [12, 90], когнітивно-семантична структура дозволяє генерувати МА згідно заданих параметрів («мета» + «умова» + «протиставлення» ± «інструмент»), серед яких, як видається, саме сема «мета» переводить ОРП із сфери семантики у сферу інтенціональності (прагматики), сема «умова» і «протиставлення» відповідають за нормування чужої поведінки, а «інструмент» задає напрямок іллокутивної інтерпретації. На прагматичному рівні семантична багатоголосиця ОРП уміло підхоплюється комплексом антропоцентричних компонентів мовленнєвого смислу – психологічним «волевиявлення», моральним «оцінка», утилітарним «доцільність», кріпко сплетених між собою раціональним «вибір». Саме на фоні вибору ОРП спроможні експлікувати мовленнєвий смисл «Зроби *P* – буде *ne-Q*» з оцінкою результатів спонукання «добре» і загальним висновком про доцільність (корисність) виконання, а також сигналізувати латентну частину цього смислу («Зробиши *ne-P* – буде *Q*») з оцінкою «погано» і висновком про недоцільність дотримання альтернативної лінії поведінки. Приправлений емотивними імпульсами, весь цей семантико-прагматичний ансамбль функціонує як досить злагоджений механізм, призначений для «биття» в одну точку – впливу на адресата в ситуаціях, що виникають переважним чином в умовах соціально-рольової залежності комунікантів.

Іллокутивна функція спонукання в сфері опозитивно-розділових номінацій реалізується у вигляді комплексних мовленнєвих актів (КМА) – різновиду тих складних МА, частини яких знаходяться між собою в субординативному прагмасемантичному зв'язку [4, 54]. Такі КМА мають бінарну різномунікативну організацію, складаючись або із директива (дир) й констатива (конст), або із директива й комісива (коміс), де перший має підпорядковуючий статус, а другі – підпорядкований. Це цілком узгоджується з комунікативною природою директиву, найстотнішою рисою якого є, як відомо, не стільки спонукання, скільки актуалізація епістемічного світу адресата.

сата – знань про інші когнітивні схеми, без чого суб'єкт неспроможний ні здійснити оцінку, ні прийняти адекватне рішення. Конст і коміс пропонують лише одну із декількох можливих когнітивних схем. Отже, директив виконує функцію тези, а констатив і комісив – її мотивації. Домінування директиву дозволяє віднести такі КМА до розряду прескрипцій, або регулятивів, тобто таких МА, що «направляють розвиток, рух чого-небудь з метою привести в порядок, у систему» [6, 585]. Інтегруючим моментом комплексних регулятивів є опис деякої схеми поведінки, реалізації якої мовець очікує від адресата, а диференціючим – відсутність/наявність інструменту впливу. Останнє дозволяє говорити про директивно-констативні та директивно-комісивні КМА. Логічною презумпцією перших буде формула «*A* спонукає *B* зробити так, щоб було *X* на підставі норми *N*», а других – «*A* спонукає *B* зробити так, щоб було *P* на підставі норми *N*, і за умови невиконання загрожує *Q*».

Комплексні директивно-констативні мовленнєві акти, оформлені як ОРП, слугують для реалізації іллокутивної мети «рекомендація», або порада (рекомендація) з різними прагмасемантичними коннотаціями (застереження, нагадування, наставлення, повчання). Порада генерується на стику дир та конст, де перший «відповідає» за спонукання, а другий – за його мотивацію (не можна давати комусь пораду, не кажучи навіщо). Конст у такому КМА виконує досить специфічну функцію, оскільки виступає не в зовсім звичному амплуа («повідомлення нової, суттєво важливої інформації» [14, 50]), передаючи інформацію, яка або вже в основних своїх рисах відома адресату, або вимальовується із контексту попереднього спілкування, а тому прогнозується і/або очікується ним: (5) *Mach das Fenster zu, oder du holst dir eine Erkältung!* /U. Engel/; (6) *Treiben Sie Sport, sonst bekommen Sie einen Schlaganfall* /Werbezettel/; (7) *Machen Sie doch in diesem Semester Ihre Zwischenprüfung, oder Sie verlieren ein Semester!* /H. Weinrich/; (8) *Sie müssen mir noch zwei Mitarbeiter zuteilen, oder ich kann den Termin nicht halten!* /H. Konsalik/.

Порада-рекомендація в мотивованих директивах, власне кажучи, є «профілактичним» засобом, що попереджує про небезпеку тієї чи іншої позиції або образу дії, а тому вона є апеляцією до свідомості адресата, який хоч і усвідомлює можливі негативні наслідки у разі її невиконання, перебуває в стані нерішучості, вагання, бездіяльності. Перлокутивна спрямо-

ваність такого КМА має суттєві епістемічні підґрунтя: застосовуючи подібного роду номінації, мовець має на меті активізацію ментальної діяльності слухача, який повинен неодмінно визначитись з конкретною дилемою, а визначившись, – відповідно діяти.

В аспекті адекватності/неадекватності мовленнєвих дій для конкретної ситуації спілкування біном дир + конст є досить вдалою мовленнєвою тактикою суб'єкта. Обираючи такий КМА, він заздалегідь знає, що в його розпорядженні немає інструмента впливу, а тому делегує адресату право самому приймати рішення. Тим самим мовець, з одного боку, уникає відповідальності за можливі негативні наслідки своєї поради, а з другого – розраховує на її позитивні результати. Мовець, виступаючи не тільки як більш рішуча людина, а й як людина з, напевно, більшим комунікативним та/або життєвим досвідом, бере ініціативу в свої руки: він не просто апелює до свідомості співрозмовника, але й ставить такі умови, за яких останньому не залишається нічого іншого, як виконати невербалну дію, облишенну «на потім».

Тим самим успішність такого КМА при будь-якому розкладі буде забезпеченою – при виконанні адресатом спонукання мовець буде вважати свою інтенцію вичерпаною, при невиконанні – задовольниться тим, що адресат прийме її до відома (що також не виключає реалізацію цієї інтенції в майбутньому). З цієї точки зору директивно-констативний КМА виступає як засіб прискорення того, що рано чи пізно, але обов'язково має бути здійсненим, причому в інтересах обох комунікантів. Найчастіше мовець, що застосовує такий КМА, – це альтруїст, людина, яка в силу близьких стосунків зі співрозмовником має повне право щось радити в будь-якій формі – застереження, нагадування, наставлення тощо. Головне, що усі ці іллокутивні інтерпретації залишаються в межах рекомендації – «доброчиличової, сприятливої, прихильної поради» [6, 587].

Комплексні директивно-комісивні мовленнєві акти функціонують у ситуаціях конфліктологічного спілкування з нерівноправною структурою залежності і слугують для реалізації іллокутивної мети «погроза» («залаювання»), тобто «агресивного оголошення наміру завдати значної шкоди» [5, 750]. В таких КМА дир указує на бажані дії адресата, а коміс – на можливу поведінку мовця і застосування ним певного інструментарію впливу.

Тим самим директивно-комісивний КМА «погроза» набуває вигляду ультиматуму – «рішучої вимоги з загрозою застосування заходів впливу у разі відмови» [6, 722]. Щоб примусити співрозмовника виконати ультиматум, мовець сигналізує готовність удастися до будь-яких засобів – залучення офіційних інстанцій (1, 2), шантажу (9, 11, 12), фізичних дій (13-16) тощо: (9) *Entweder heiraten Sie mich, oder ich werde es Ihnen heimzahlen* /H. Konsalik/; (10) *Entweder gehen Sie mit mir «rauf, oder ich bringe Sie gewaltsam ins Präsidium* /D. Schwanitz/; (11) *Du machst die Aufgaben, sonst gibt es keinen Fußball!* /H. Fallada/; (12) *Entweder du lässt dir noch heute etwas einfallen, oder ich mache die Eltern hellhörig* /I. Noll/.

Ультимативи мають чітку проспективну спрямованість і вказують на профілактично-превентивну перлокуцію мовця, а його інтенція передбачає негайну реакцію адресата: інтервал між моментом мовлення та реактивною поведінкою адресата має бути максимально коротким, оскільки від цього вимагається негайна дія або на худий кінець термінове рішення. У протилежному разі у відповідь послідує обіцянка невербална дія як засіб останньо можливого впливу на співрозмовника: (13) *Halt, oder wir schießen!* /W. Bredel/; (14) *Laß mich, oder ich schlage zu* /S. Lenz/; (15) *Halte den Mund oder ich klebe dir eine!* /E.-M. Remarque/; (16) *Schaffen Sie mir diesen Wahnsinnigen aus den Augen, sonst drehe ich ihm den Kragen um* /F. Kafka/. Перлокутівний код ультимативних КМА переводить фокус уваги з інформаційного обміну на цілі цього обміну і перетворює мету мовлення на предмет повідомлення.

Аналіз мовного матеріалу показує, що дір завжди знаходиться у препозиції до коміс. Зворотного порядку слідування компонентів мовленнєва практика не пропонує. Така організація ОРП відбиває структуру залежності комунікантів в поточній ситуації спілкування – соціально-рольову підпорядкованість адресата та егоцентричний статус мовця. Ультимативний КМА здійснюється виключно в інтересах мовця. Звідси й інша їх риса – оформлення директиву виключно імперативом, де він виступає знаряддям мовця в здійсненні свого замислу засобами адресата. Імператив не тільки повідомляє про ці замисли, він їх реалізує. Аналогічний субстрат має й коміс: з одного боку, він виступає як погроза, а з другого – як взяте на себе зобов’язання, що по суті дорівнює наказу мовця самому собі. Тим самим коміс переводить наміри мовця із сфери мовлення у сферу соціально зобов’язуючих

вчинків, а в складі КМА – у площину невербалних дій, вимагаючи від комунікантів практичних поведінкових реакцій: або виконання наказу (адресат), або виконання обіцянки (мовець). Директивно-комісивний КМА не може просто «зависнути у повітрі», він має бути обов’язково здійсненим.

Обов’язковість невербалної дії, що слідує за директивно-комісивними КМА, призводить до того, що вони можуть, бути як прив’язаними, так і не прив’язаними до комунікативного контексту. В першому випадку (1-2, 9-12) вони набувають рис метависловлення: акумулюючи усі суттєві моменти попередньої мовленнєвої взаємодії, вони слугують шифтерами розімкнення мовленнєвого контакту; застосування такого КМА ніби підводить риску під усіма попередніми інтеракціями і сигналізує переход до невербалних дій. В другому випадку (13-16) вони являють собою реакцію на неверbalний стимул і виступають спеціальним, загостреним варіантом КМА – мовець у певному соціальному смислі «підставляє» себе, розставляючи крапки над «ї» та спаючи за собою мости. Соціальний конфлікт, що маркується ультимативним КМА, має бути неодмінно розв’язаним.

Поверненість людини до потреб комунікації, з одного боку, та можливостей сприйняття, з другого, зумовлює наявність у системі мови альтернативних способів для позначення одного й того ж позамовного явища. Взаємодетермінованість стратегій та умов використання КМА семантико-сintаксичним змістом таксису чітко простежується при аналізі споріднених форм вираження відповідного смислу – переставлених місцями кон’юнктах, асиндегічних номінаціях, кондіційних гіпотаксисах тощо.

Проби на асиндегізацію ОРП показують: якщо директивно-констативні поради можуть бути вжиті у формі безсполучникової конструкцій, то директивно-комісивні ультиматуми такого вживання не допускають. Генерування ультиматуму в німецькій мові не просто базується на поєднанні дір і коміс – воно неодмінно вимагає сполучникової аранжировки. У зв’язку з цим феноменом можна припустити, що чим менше мовець ураховує інтереси адресата, тим вірогідніше використання ним синдегічно оформленого КМА. І навпаки.

Пермутаційні проби доводять, що мова принципово не супротивиться перестановці кон’юнктів місцями, особливо при спонуканні, оформленому парадразами імператива. Проте сам імператив такої перестановки не до-

пускає. У протилежному разі він, трансформуючись у конструкції з *entweder oder*, сприяє перетворенню коміс на конст: (13a) *Entweder halten Sie oder wir schließen*; (14a) *Entweder du lässt mich oder ich schlage zu*; (15a) *Entweder klebe ich dir eine oder du hältst Mund*. Перекутківний код таких фраз залишається сталим, але суттєво міняється їх іллокутивне прочитання – із ультимативних наказів вони перетворюються в банальні урезонювання.

Аналогічну картину спостерігаємо і при заміні ОРП кондіційними гіпотаксисами (1b), де має місце перехід від прямого МА до непрямого, і тоді вже не зовсім ясно, що саме реінтерпретується, оскільки індикатори непрямого МА відкриті для альтернативних інтерпретацій [26, 87]. Коли хтось говорить «Якщо не зробиш *P*, то трапиться *Q*», ми усвідомлюємо, що *Q* може бути не самою бажаною подією для адресата, але не розуміємо, про який вид спонукання йдеється – пораду чи погрозу. Зберігаючи зовнішню мету, непрямі МА (1b) досить сильно модифікують свою внутрішню мету: замість спонукання шляхом поради або погрози, мовець вдається до застеження і тим самим перекладає відповідальність за можливе ігнорування цього застереження на адресата. В подібних випадках А.В. Бондарко вбачає усунення ознаки «волевиявлення» – воно перетворюється із «реальною в фігулярні» [13, 84].

Думка про фіктивність волевиявлення цілком підходить й до іллокутивно споріднених номінацій з *und*, де порада трансформується в залякування погрозою з боку форс-мажорних сил ((5a) *Mach das Fenster auf, und du holst dir eine Erkältung*), пафосні декларації (*Komm nach Köln, und du siehst den dreckigsten Fluss Deutschlands /J. Meibauer/*) або рекламно-бравадні заклики (*Sammeln Sie Qualiflyer-Meilen, und wir bringen Schwung in Ihren Alltag! /просп. авіакомп. «Austrian Airlines»/*). Зрозуміло, субституція *oder > und* не сприяє успішності регулятивного КМА, імператив, як цілком слушно вважають [21, 62; 25, 197], втрачає свою спонукальну сутність, а самі номінації належать до іншого типу сурядності – «умовно-наслідкового» [3, 345].

Як бачимо, модифікуючи свою паратактичну форму, КМА водночас втрачає як семантико-сintаксичну, так і іллокутивну сутність. Цей факт наводить на думку, що передумовою застосування регулятивів є, напевно, їх паратактичне аранжування. Це зайвий раз свідчить на користь висунутого

вище положення про непротиставленість семантики і прагматики та цілком узгоджується з поглядом сучасної лінгвістики на розподіл сфер їх компетенції (семантика вивчає значення мовних одиниць поза контекстом, а прагматика – в контексті [21, 4]), а отже й закономірність: чого не закладено в мовну одиницю на докомунікативному рівні, того не може бути в режимі її комунікативного застосування. Як писав класик, «a general semantic meaning is specified at the pragmatic level» [17, 174]. Все узгоджується з постулатами прагматики як науки про «компетентне використання коректно утворених речень у підходящому контексті» [19, 374].

Опозитивно-розділовий тип складносурядного речення однозначно корелює зі спонукальними типами КМА, його семантико-сintаксична структура, складаючись із «семантических примітивів» (А. Вежбицька) «мета», «умова», «протиставність» виявляється взаємообумовленою регулятивною функцією відповідних МА, а наявність/відсутність семи «інструмент» розбиває корпус ОРП на два різномунікативні типи КМА – директивно-констативні та директивно-комісивні, де домінантно виступає директив. Із своїх чисельних прагмасемантических різновидів директив може реалізовувати засобами ОРП тільки пораду-рекомендацію та наказ-ультиматум, оскільки скopus невідповідності та обумовленості обмежує його функціональні можливості рамками регулятивного спонукання.

Невідповідність ліній поведінки адресата нормативним уявленням мовлення є передумовою використання КМА в опозитивно-розділовій «упаковці». Будучи проспективно орієнтованою, її регулятивна функція передбачає профілактичний вплив на адресата. Виключаючи можливість ретроспективного погляду на події, вони можуть бути як прив’язаними, так і неприв’язаними до мовленневої ситуації; у першому випадку вони виступають елементом комунікативної взаємодії, у другому – вербальною реакцією на невербальні стимули.

В обох випадках застосування ОРП розраховано на певного роду успіх. Успішність реалізації іллокутивної настанови підтримується за допомогою імпліцитної семи «обумовленість»: не дозволяючи мовцю забрати свої слова назад, вона слугує свого роду шифтером переходу від вербальних до невербальних дій. Виконання умови є обов’язковим для одного із учасників інтеракції, що має своїм наслідком протистояння інтересів та протиставність

смислу. Тим самим імплікація умови підтримує перлокутивну настанову, розраховану тільки на успішність «профілактичного» впливу на адресата, у разі ж невдачі передбачається включення механізму самоспонукання мовця на невербалльні дії, що в кінцевому рахунку приводить таки до реалізації задуманої мети. Усе це має своїм наслідком наявність в ОРП досить сильного перлокутивного заряду – риси, яка не властива нікому іншому різновиду сурядних речень. Звідси й інша їх риса – оформлені ними КМА не мають потреби у своїй перформатизації (забороні на спеціальне оголошення мети МА), що вдало підтримується наявністю фінальної складової в семантико-сintаксичній структурі ОРП.

Накреслена схема взаємодії семантики опозитивної диз'юнкції з pragматикою спонукання є лише окремим випадком, що демонструє активну участь певного типу складносурядного речення в оформленні певних типізованих мовленнєвих актів. Безсумнівно, подальші дослідження у цьому напрямку можуть дати цікаві результати щодо взаємодії мовленнєвих актів з таксисною семантикою.

Література

1. Алимурадов О.А. Семантико-сintаксические свойства OR в современном английском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / Пятигорск. лингв. ун-т. - Пятигорск, 2000. - 20 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. - М.: «Языки русской культуры», 1999. - 896 с.
3. Вежбицка А. Речевые акты // НЗЛ. Вып.16. - М.: Прогресс, 1985. - С. 251 - 275.
4. Загінточ А.П. Теоретична граматика української мови. - Донецьк: ДонНУ, 2001. - 662 с.
5. Карабан В.И. Сложные речевые единицы. Прагматика английских асинтетических полипредикативных образований. - К.: Вища школа, 1989. - 132 с.
6. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. - СПб: НЦПД, 1997. - 758 с.

7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М.: Русск. яз., 1986. - 797 с.
8. ПеллеТЬЕ Ф. Дж. Или //НЗЛ. Вып. 18. - М.: Прогресс, 1986. - С. 318-335.
9. Русская грамматика /Гл. ред. Н.Ю. Шведова. - М.: Наука, 1980. - Т. 2. - 710 С.
10. Санников В.З. Конъюнкция и дизъюнкция в естественном языке (на материале русских сочинительных конструкций) // Вопросы языкоznания, 1990. - № 5. - С. 50 - 61.
11. Сергиевская Л.А. Модальность сложного предложения с императивной семантикой в современном русском языке // Вопросы языкоznания, 1995. - № 3. - С. 48 - 55.
12. Перцов Н.В. К проблеме инварианта грамматического значения (Императив в русском языке) // Вопросы языкоznания, 1998. - № 2. - С. 88 - 101.
13. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность /Отв. ред. А.В. Бондарко. - Л.: Наука, 1990. - 264 с.
14. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения: английские вопросительные предложения 16-20 вв. - Х.: Константа, 1998. - 168 с.
15. Шенк Р., Бирнбаум Л., Мей Дж. К интеграции семантики и прагматики //Компьютерная лингвистика. - НЗЛ. Вып. 24. - М.: Прогресс, 1989. - С. 32 - 47.
16. ФС: Философский словарь /Под ред. И.Т. Фролова. - М.: Политиздат, 1986. - 590 с.
17. Dijk T., van Studies in the Pragmatics of Discourse. - The Hague: Mouton, 1981.
18. Ermons, H.-W. Syntax der deutschen Sprache. - Berlin, New York: de Gruyter, 2000. - 510 S.
19. Grewendorf G., Hamm F., Sternefeld W. Sprachliches Wissen: eine Einführung in moderne Theorien der grammatischen Beschreibung. - Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1999. - 467 S.
20. Haiman J. Natural syntax: iconicity and erosion. - Cambridge: University Press, 1985. - 367 p.
21. Meibauer J. Pragmatik: eine Einführung. - Tübingen: Stauffenburg, 2001. - 208 S.

22. Mey J.L. *Pragmatics. An Introduction*. - Oxford: Blackwell, 1993. - 421 p.
23. Polenz P., von. *Deutsche Satzsemantik: Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens*. - Berlin, New York: de Gruyter, 1985. - 389 S.
24. Searle, J.R. A classification of illocutionary acts // *Language in Society*, Nr. 5. - London: Cambridge University Press, 1976. - P. 1 - 23.
25. Sköries U. *Bedeutung und Funktion von and als dialogische Instruktion*. - Europäische Hochschulschriften: Reihe 14, Bd. 358. - Frankfurt/M.: Peter Lang, 1999. - 273 S.
26. Vossenkuhl W. *Zur Pragmatik sprachlichen Handelns // Sprachliche Interaktion*. - Tübingen: Niemeyer, 1999. - S. 85-103.
27. Weinrich H. *Textgrammatik der deutschen Sprache*. - Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1993. - 1111 S.

Л.Г. Саноцька

ТИПОЛОГІЯ ЛЕКСИКОМОРФОЛОГІЧНИХ ПАРАМЕТРІВ ЖАНРУ АНГЛОМОВНОЇ ЛІРО-ЕПІЧНОЇ ПОЕМИ

(на матеріалі поем Д.Г.Байрона «Гяур», Л.Макніса «Осінній щоденник», С.Колріджа «Пісня про старого мореплавця», Г.Крейна «Міст», У.Уїтмена «Пісня про себе» та «З колиски невпинно гойдаючої»)

Основним рівнем організації поетичного тексту є слово, а парадигма поетичного тексту будеться «шляхом внутрішньотекстової організації в зв'язку з прогресивно-регресивним напрямком мовного процесу». [4, 43] Основою для такої актуалізації парадигматичних зв'язків є, по-перше, зазначена вище функція слова у поетичному тексті, а також повторюваність елементів, що здійснюється за рахунок метрико-ритмічної організації тексту [11, 15], яка дозволяє всередині тексту визначити еквівалентність позиції двох чи більше слів [6, 108].

Розширення арсеналу дослідницьких прийомів за рахунок застосування нових кількісних методів математики до традиційних імовірносно-статистичних методів викликало до життя квантитативно-системний аналіз [8, 107], який вказує на системність об'єкту досліджуваного за допомогою різних методів кількісної математики. У імовірнісних системах в сучасному розумінні не виключається детермінованість зв'язків, проте вона переноситься на вищий, узагальнений рівень організації [9, 145].

Незважаючи на те, що квантитативні методи не в стані розв'язати будь-яких проблем аналізу мовних явищ, важливість використання квантитатив-

ного підходу до вивчення лінгвістичних об'єктів зазначалася багатьма визначними лінгвістами [1, 17; 12; 10, 27]. «Одним з реальних підґрунті для використання квантитативних методів у вивченні мови та мовлення потрібно визнати об'єктивну притаманність мові кількісних ознак» [3, 11]. Для використання квантитативних методів достатньо, щоб досліджувані об'єкти «демонстрували повторюваність, періодичність своїх якостей, володіли інваріантними відношеннями, мали закономірний розподіл своїх параметрів» [7, 42-43]. Академік В.В.Виноградов відмічав, що точні дослідження в цій галузі допомогли б встановити структурно-граматичні, а частково і семантичні розбіжності між стилями [2, 176-177].

Відомо, що кількість та якість – це парні категорії діалектики, таким чином, всебічний аналіз складного об'єкту повинен охоплювати як якісні так і кількісні моменти, оскільки в багатьох випадках саме кількісні характеристики можуть бути сигналом, який скеровує увагу дослідника на приховані від простого спостерігача якісні особливості та закономірності тексту. Як вважають вчені квантитативне дослідження разом з системним підходом не лише доповнюють якісний аналіз мовних явищ, але й створюють можливості для більш глибокого пізнання лінгвістичного об'єкту [9, 156]. Щоправда, щодо лінгвістичних об'єктів слід визнати перевагу якості над кількістю. Тому при квантитативному аналізі ми особливу увагу звертали на питання аналізу змісту, як при веденні одиниць обліку, так і при інтерпретації результатів підрахунків.

Естетичне завдання художнього твору, на думку Ю.В.Рождественського, [5, 25] вимагає самодіяльності суб'єкта, тобто творець літературно-художнього твору повинен створити свій ідеал мови, свою систему мовлення, свою мову твору. А мова твору складається з одиниць різних рівнів. В англістиці при досліджені системи мови в першу чергу досліджуються питання лексики, значно менше уваги приділяючи морфологічному рівню. Однак експресивність тексту залежить від усіх його рівнів і аспектів, тому засоби її створення слід аналізувати на кожному з них. Ми зробили спробу продемонструвати стилістичні можливості різних частин мови і їх значення для створення образності поеми на морфологічному рівні. Крім того, ми проаналізували і порівняли частотність і якість вживання певних частин мови в поемах, які виявилися показовими для типологічної моделі жанру ліро-епічної поеми.

Квантитативний аналіз іменників та дієслів у поемах проводиться для того, щоб виявити статично-динамічну типологічну ознаку ліро-епічної поеми; прікметників, прислівників, дієприкметників та дієприслівників — описову.

У поемах ліро-епічного жанру перше місце займає опис світу (єпічна парадигма), що пропускається через свідомість ліричного героя, (лірична парадигма). Портрети, характеристика, діалоги, монологи, пейзажі, жести, міміка, притаманні епічній поемі з літературознавчої точки зору характеризують її як статичну.

Квантитативний порівняльний аналіз іменників і дієслів свідчить про статичний характер текстів в усіх аналізованих поемах.

Таблиця 1

Порівняння кількісного вмісту іменників та дієслів у поемах

	іменники		дієслова		різниця
	Абс.к-сть	Від.к-сть	Абс.к-сть	Від.к-сть	
Байрон "Гляур"	1906	18	1138	10,8	7,2
Макніс "Ос.щод."	4122	25,5	1786	11	14,5
Колрідж "Пісня"	979	27	389	11	16
Крейн "Міст"	2245	24	1057	11,4	12,6
Уїтмен "Пісня"	3046	29	1698	16	13
Уїтмен "З кол."	328	20	204	12,2	7,8

Як видно з Таблиці 1, в усіх поемах помітна значна різниця між іменниками і дієсловами з перевагою первих. Особливо вражає перевага у поемі Колріджа «Пісня про старого мореплавця» (16%); другий значний показник – у поемі Макніса «Осінній щоденник» (14, 5%); третій за величиною – в поемі Уїтмена «Пісня про себе» (13%).

Отже, три перелічені поеми характеризуються найбільшою статичністю за цією ознакою. Це і не дивно, зважаючи на характер текстів: перелічування, каталоги, опис стану ліричного героя, відсутність дії, як такої.

Прикметники, прислівники, дієприкметники та дієприслівники, не тільки створюють картини та портрети, але й формують підґрунття для емоційності, невід'ємної риси ліро-епічної поеми, адже саме прикметники створюють епітети, а прислівники можуть бути частинами метафор. У Таблиці 2 наведено дані про кількісне (абсолютне) та відсоткове (відносне) співвідношення прикметників (П-м), прислівників (П-с), дієприкметників (Дп-м) та дієприслівників (Дп-с) з іншими частинами мови у текстах поэм.

Таблиця 2

**Кількісне співвідношення описових частин мови
з іменниками та дієсловами**

	<i>Байрон "Гяур"</i>		<i>Макніс "Ос. щод."</i>		<i>Колрідж "Пісня"</i>		<i>Крейн "Міст"</i>		<i>Уїтмен "Пісня"</i>		<i>Уїтмен "З колиски"</i>	
	<i>A</i>	<i>абс</i>	<i>від</i>	<i>абс</i>	<i>від</i>	<i>абс</i>	<i>від</i>	<i>абс</i>	<i>від</i>	<i>абс</i>	<i>від</i>	
<i>іменники</i>	1906	18	4122	26	979	27	2245	24	3046	29	328	20
<i>дієслова</i>	1138	11	1786	11	389	11	1057	11,4	1698	16	204	12,2
<i>І-н.</i> <i>Дп-н.</i> <i>Іп-с.</i> <i>Дп-с.</i>	1720	16	2597	16	821	22	2498	26,9	2802	26,4	441	26,4

Як видно з Таблиці 2, по всіх поемах прикметники, прислінники, дієприкметники, дієприслівники домінують над дієсловами, проте не слід забувати, що дієприкметники та дієприслівники все ж мають дієслівний корінь, тобто «дію» як таку закладену в глибиннє значення слова. З чого випливає, що наші розрахунки переконливі, але до певної міри умовні.

У поемах «Міст» і «З колиски» описові частини мови домінують над іменниками, що, безперечно, є показовим з точки зору переваги описовості над предметністю. Це спостереження підтверджує постулат про притаманність ліро-епічним творам описового характеру. У тексті це визначається описами подій та предметів, які посідають значне місце. В інших поемах домінування описовості над предметністю згідно з нашими підрахунками не постепігається. Проте, не варто випускати з уваги той факт, що частина іменників включас також іменники, які, знаходячись у пропозиції до інших іменників є описовими щодо них або виражают поняття присвійності, наприклад *«wedding guest»* («Пісня про старого мореплавця»); *«lover's tale»* («Гяур»). Отже, наші розрахунки в цьому плані є ще до більшої міри умовними.

Морфологічні групи цікавлять нас перш за все з точки зору відношення між ними, які надають текстові ті чи інші мовні морфологічні характеристики [4, 46]: у цьому випадку співвідношення предметної (І), якісної (Я), і динамічної (Д) характеристик [3, 147]. Коефіцієнти вираховуються за формулами, запропонованими Б.Н. Головіним, а саме:

$$\text{І} = (\text{I} + \text{Зі}) : (\text{Ді} + \text{І-н} + \text{Зпр}); \text{Я} = (\text{І-н} + \text{Зпр}) : (\text{І} + \text{Зі} + \text{Ді});$$

$\text{Д} = \text{Ді} : (\text{І} + \text{І-н} + 3)$, де І – іменник; Зі – займенник у функції іменника; І-н – займенник у функції прикметника; Ді – дієслово; І-н – прикметник; З – займенник. Результати підрахунків внесено в Таблицю 3.

Таблиця 3

Морфологічні парадигми у поемах

	<i>"Пісня про старого мореплавця"</i>	<i>"Гяур"</i>	<i>"Пісня про себе"</i>	<i>"З колиски"</i>	<i>"Осенній щоденник"</i>	<i>"Міст"</i>
<i>І</i>	0,95	1,03	1,02	1,39	1,01	1,05
<i>Я</i>	0,58	0,38	0,62	0,34	0,44	0,32
<i>Д</i>	0,17	0,28	0,13	0,19	0,28	0,32

Таким чином, для всіх аналізованих поем характерне домінування предметної характеристики. Найвищий показник – у поемі «Міст» (різниця між коефіцієнтами І і Я – 0,73). Другий за величиною показник у поемі «Гяур» (різниця 0,65).

Якісні характеристики домінують над динамічними в усіх поемах крім поеми «Міст», де коефіцієнти якісної і динамічної характеристик збігаються. Найвищий показник – у поемі У.Уїтмена «З колиски» (різниця між коефіцієнтами Я і Д – 0,49). Другий за величиною показник у поемі «Пісня про старого мореплавця» С.Колріджа (різниця 0,41).

Найнижчий показник динамічної ознаки характеризує поему «Пісня про себе» У.Уїтмена (коефіцієнт 0,13), незначний показник також у поемі «Пісня про старого мореплавця» С.Колріджа.

Не викликає сумніву твердження про те, що динамічну ознаку в тексті визначає кількісна перевага дієслів. Проте відомо, що дієслово як граматична категорія поділяється на кілька семантичних груп: дієслова, які означають дію, стан, відчуття, процеси мислення і т.д. [13, 502] І, якщо наявність великої кількості представників першої групи у тексті сприяє тенденції динаміки, то другої, третьої і четвертої стримують її, оскільки дії як такої не відображають. Дієслово *be*, яке відноситься до групи «stative verbs» [13, 502] розглядалося нами, перш за все, на предмет доведення домінуючої статичної парадигми текстів поэм, і результати підрахунків (див. табл. 4), виявивши значний вміст дієслова *be* в текстах поэм, ще раз підтвердили наше судження про їх статичний характер.

Таблиця 5

Відносне співвідношення абстрактних і конкретних іменників

	Байрон "Гяур"	Макніс "Ос.щод"	Колрідж "Пісня"	Крейн "Міст"	Уїтмен "Пісня"	Уїтмен "З кол."
A abc	від	abc	від	abc	від	abc
be	158	14	525	28,7	116	29

	Байрон "Гяур"	Макніс "Ос.щод"	Колрідж "Пісня"	Крейн "Міст"	Уїтмен "Пісня"	Уїтмен "З кол."
A abc	від	abc	від	abc	від	abc
be	158	14	525	28,7	116	29

Досліджуючи дієслова, ми не могли випустити з уваги архаїзми, які, будучи емоційно-забарвленими, входять до списку лексики, характерної для типології жанру ліро-епічної поеми. У поемах «Гяур» Байрона і «Пісня про старого мореплавця» Колріджа широко вживаються архаїчні форми дієслів, наприклад: а) hath (hath bent) (у Байрона — поряд з нормативними формами «has» і «have»); б) «shalt» («shalt tear»), «wilt» (У Байрона — поряд з «shall», «will»); в) «speak» замість «spoke»; г) архаїчна форма відмінювання на «-eth» і «-st»: «looketh», «loveth», «bideth», «stopp'st», «May'st».

У інших поемах архаїчні форми дієслів не виявлені.

У поемах «Гяур» Байрона та «Осеній щоденник» Макніса спостерігається значна кількість інфінітивних біноміалів та триноміалів, що сприяє створенню образності поэм на лексичному рівні, наприклад: «to seize and share» [14, 84] «to defend or kill» [14, 90]; «to meditate and gaze» [14, 91], «ready to wince and flatter and build» [17, 105].

Наявність абстрактних іменників, які служать для створення суб'єктивного опису зовнішнього світу в ліричному ключі та панорамних картин у епічному, теж показова для жанру ліро-епічної поеми. Характерно, що абстрактних іменників менше в портретних описах і більше в характеристиках. В уривках емоційно-ліричного плану абстрактні іменники також зустрічаються рідко, оскільки, як відомо, це є показовою рисою не ліричного, а епічного плану.

У цілому в усіх поемах абстрактні іменники кількісно переважають над конкретними (див. табл. 5), що важливо для типологічної характеристики жанру з лексикоморфологічних позицій. В текстах поэм вони розташовані нерівномірно і різняться якісно, що зумовлено змістом поем, і виявлені розбіжності на характеристику жанру в цілому суттєво не впливають.

Особливe місце в аналізованих поемах займають прікметники кольору. Кольори «white» і «black», які зустрічаються найчастіше створюють своєрідну контрастність образу. Цікаво відмітити, що лише в поемі «Гяур» «black» домінує над «white», що перегукується з контекстом: в «Гяурі» найбільш відчутний настрій «приреченості». У всіх інших поемах — навпаки, домінує «white», який можна вважати символом «чистоти, істини, невинності або жертвовності або божественності» [20, 23] (див. табл. 6). На нашу думку, домінування «white» втілює перемогу добра над злом у антагонічній парі «white» — «black» або віру в неї, що підтверджується змістом поэм.

Таблиця 6
Компаративний аналіз частотності вживання характерних кольорів у поемах Дж.Г.Байрона «Гяур» та Л.Макніса «Осеній щоденник»

“Характерні” кольори	Байрон "Гяур"		Макніс "Ос.щод"		Колрідж "Пісня"		Крейн "Міст"		Уїтмен "Пісня"		Уїтмен "З кол."		
	Абс. К- сть	Відн К- сть	Абс. К- сть	Відн К- сть	Абс. К- сть	Відн К- сь	Абс. К- сть	Відн К- сть	Абс. К- сть	Відн К- сть	Абс. К- сть	Відн К- сть	
White	11	0,0,2	21	21	2,4	8	1	17	0,7	16	0,6	3	0,7
Black	44	0,7	12	1,4	5	0,6	6	0,2	8	0,3	2	0,5	

Характерною ознакою ліро-епічної поеми, успадкованою від ліричної, є той факт, що дійсність пропускається через авторське «я». Часто в тексті це знаходить відображення в наявності особових займенників (а також присвійних та зворотних внаслідок їх безперечного семантичного взаємозв'язку). Як видно з Таблиці 5 найбільше особових, присвійних та зворотних займенників (далі у тексті ОПЗ) у поемі Уїтмена у «Пісня про себе» (11, 8%).

Таблиця 7
Кількість особових, присвійних та зворотних займенників у поемах

	Байрон "Гяур"		Макніс "Осінній щоденник"		Колрідж "Пісня"		Крейн "Міст"		Уїтмен "Пісня"		Уїтмен "З колищами"	
	абс	від	абс	від	абс	від	абс	від	абс	від	абс	від
особ., присв., займенни- ники	808	9	1011	6,3	322	8,3	579	6,3	1872	11,8	168	9,8
Іменники	1906	18	4122	26	979	27	2245	24	3046	29	328	20
дієслова	1138	11	1786	11	389	11	1057	11,4	1698	16	204	12,2
Описові частини мови	1720	16	2597	16	821	22	2498	26,9	2802	26,4	441	26,4
I	201	2,2	284	1,8	145	3,8	119	1,3	978	6,2	105	6,1
You- thee	103	1,1	132	0,8	19	0,5	209	2,3	202	1,3	31	1,8
he	71	0,8	45	0,3	25	0,6	61	0,7	45	0,3	9	0,5
it	77	0,8	126	0,8	49	1,3	56	0,6	183	1,2	14	0,8
we	16	0,2	228	1,4	35	0,9	88	0,9	60	0,4	4	0,2
they	54	0,6	126	0,8	44	1,1	64	0,6	223	1,4	8	0,5

Займенник «I» становлять найчисельнішу групу ОПЗ займенників у всіх поемах, крім поем «Гяур» Байрона, в якій переважає «he», і що зумовлено контекстом, та Крейна «Міст», в якій переважає «you». Наявність значної кількості займенника «you» що є елементом прямих звертань, є ще однією з характерних рис ліро-епічної поеми, які визначають її типологію на синтаксичному рівні. У поемі С.Колріджа використовуються поетично-архаїчна форма «thee (thy, thou)», у Д.Байрона – «thee / you». У поемі У.Уїтмена «thee» повністю відсутнє. Лише сучасною формою «you» користується і Л.Макніс. Однак, привертає увагу наявність великої кількості поетично-архаїчного «thee» (1, 5%) в поемі «Міст», яку за хронологією написання можна прирівняти до «Осіннього щоденника».

Таким чином, і наявність значного вмісту ОПЗ займенників в текстах поэм взагалі, і чисельна перевага «I» та «you» є показовими чинниками при аналізі лексико-морфологічного аспекту текстів що свідчить на користь виявлення типологічних характеристик жанру ліро-епічної поеми за цією ознакою.

Отже, лінгвостилістичний аналіз класів слів у поемах Д.Байрона «Гяур», С.Колріджа «Пісня про старого мореплавця», Л.Макніса «Осінній

щоденник», Г.Крейна «Міст» та У.Уїтмена «Пісня про себе» та «З колищами невпинно гойдаючої» з застосуванням квантитативно-системний підходу показав, що в усіх поемах статична парадигма переважає над динамічною, і це підтверджується не лише переважаючим кількісним вмістом іменників над дієсловами, але й великим вмістом дієслова «бе», яке є дієсловом стану. У результаті порівняльного аналізу за морфологічними парадигмами ми виявили відносну стійкість парадигматичних класів у всіх поемах, а саме:

а) незважаючи на перевагу предметної парадигми над якісною та динамічною в усіх текстах, у поемах «Міст» Крейна та «Гяур» Байрона ця перевага найбільш значима;

б) констатуючи домінування якісних показників над динамічними в поемах «Пісня про старого мореплавця» С.Колріджа, «Гяур» Д.Байрона, «Пісня про себе» У.Уїтмена, «З колищами» У.Уїтмена та «Осінній щоденник» Л.Макніса, не можна не відзначити, що найчіткіше якісні риси представлені у поемі «З колищами» У.Уїтмена та «Пісня про старого мореплавця» С.Колріджа;

в) у поемі Г.Крейна «Міст» якісна та динамічна ознака рівнозначні;

г) найменш «динамічними» виявились поеми «Пісня про себе» У.Уїтмена та «Пісня про старого мореплавця» С.Колріджа;

д) відношення предметності, яке є домінуючим для всіх поем ще раз підтверджує наш висновок про статичний характер поеми, а статичність, як уже було згадано вище, є визначальною рисою жанру ліро-епічної поеми.

Крім того, ми виявили, що, по-перше, в поемах Байрона «Гяур», Колріджа «Пісня про старого мореплавця» широко вживаються архаїчні форми дієслів, до того ж в поемі «Гяур» старі форми співіснують з новими, а в поемах Макніса «Осінній щоденник», Крейна «Міст» та Уїтмена «Пісня про себе» та «З колищами невпинно гойдаючої» архаїчних форм дієслова не виявлено; по-друге, інфінітиви дієслів у поемах «Гяур» Байрона та «Осінній щоденник» Макніса часто зустрічається у вигляді біноміалів та триноміалів. По-третє, абстрактні іменники посідають значне місце в усіх аналізованих поемах і переважають кількісно над конкретними іменниками, проте в текстах поем вони розташовані нерівномірно і різняться якісно, що зумовлено змістом поем, проте виявлені розбіжності на типологічну характеристику жанру не впливають. По-четверте, у всіх поемах описові частини мови

домінують над дієсловами, у поемах «Міст» і «З колиски» описові частини мови домінують над іменниками, що, безперечно, є показовим з точки зору переваги описовості над предметністю за цими параметрами. По-п'яте, спільними прикметниками «кольору» для всіх поем є «white» і «black» з домінуючим «white» у більшості з них. По-шост, в усіх поемах особові, присвійні та зворотні займенники займають значне місце, але найбільше їх в У.Уйтмена в поемі «Пісня про себе», причому найчастіше вживається особовий займенник «I» разом з відповідними похідними присвійними і зворотними займенниками. Хоча у поемі Г.Крейна «Міст» найменше ОПЗ займенників, проте вживаються й архаїчні форми займенників, які відсутні у інших поемах ХХ століття з числа аналізованих нами.

Оскільки розміщення ОПЗ займенників в текстах залежить від контексту, факт відсутності їх в певних частинах поем не впливає на досліджувану нами характерну типологічну ознаку ліро-епічної поеми як жанру.

Література

1. Бодуен да Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. - 384 с.
2. Виноградов В.В. Современный русский язык. - М.: Учпедгиз, 1938. - Вып 1. - 180 с.
3. Головин Б.Н. Язык и статистика. - М.: Просвещение, 1971. - 190 с.
4. Казакова Т.А. Классы слов в стихотворном тексте и поэтический перевод // Лексикологические основы стилистики. - Л.: Наука, 1973. - С. 42-52.
5. Рождественский Ю.В. О работах академика В.В. Виноградова по истории русского языкознания // Виноградов В.В. История лингвистических учений. - М.: Высшая школа, 1978. - С. 3-11.
6. Руднев П. Из истории метрического репертуара русских поэтов // Теория стиха. - Л.: Наука, 1968. - С. 231-278.
7. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. - М.: Наука, 1974. - 279 с.
8. Тулдава Ю. О некоторых квантитативно-системных характеристиках поли-семий // Исследования по общему и прикладному языкознанию. Лингвистика X1. - Тарту: Изд-во Тартус. ун-та, 1979. - С. 143-158.
9. Тулдава Ю. О теоретико-методологических основах квантитативно-системного анализа лексики // Исследования по общему и прикладному языкознанию. Лингвистика XІІІ. - Тарту: Изд-во Тартус. ун-та, 1980. - С. 154-158.
10. Филин Ф.П. Некоторые вопросы современного языкознания // Вопросы языкознания. - 1979. - № 4. - С. 19-28.
11. Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. Набросок первый. - Прага, 1921. - 526 с.
12. Ярцева В.Н. Количественные и качественные изменения в языке // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. - М.: Наука, 1970. - С. 70-80.

13. Swan M. Practical English Usage. - M. Высшая школа, 1984. - 138 с.
14. Byron G.G. The Giaour // The Major Works. - Oksford: OUP, 2000. - P. 71-98.
15. Coleridge S. The Rime of the Ancient Mariner // The Complete Poems. - USA: Penguin Classic, 1997. - P. 54-82.
16. Crane H. The Bridge // The Complete Poems. - N.-Y.: Rondon house, 1958. - P. 5-36.
17. MacNeice L. Autumn Journal. - N.-Y.: Rondon house, 1940 - P. 4-49.
18. Whitman W. Out of the Cradle Endlessly Rocking // Portable Whitman W. - USA: Penguin Classic, 1977. - P. 64-102.
19. Whitman W. Song of Myself // Portable Whitman W. - Penguin Classic, 1977. - P. 134-167.
20. Тресиддер Д. Словарь символов. - М.: Издательско-торговый дом «Гранд», 1999. - 444 с.

И.В. Слободцова

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЛОВ *KLEIN, WENIG, LUZZIL, FAO,* ВЫРАЖАЮЩИХ ПОНЯТИЕ «МАЛО» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В современных языках слово характеризуется лексическим и грамматическим значением, однако генетически грамматические категории являются вторичными и, следовательно, на начальном этапе существования индоевропейских языков в слове манифестируется лишь лексическое значение. В это древнее время слово характеризовалось наибольшей спаянностью ее двух сторон – формы и содержания. Формальное выражение определялось природой вещи, называемой словом. Другими словами, древнейшие слова – мотивированы, связь в слове между звучанием и содержанием безусловная, генетическая, форма была тождествена содержанию [1; 2; 4].

В большинстве случаев древние слова утеряли свое первоначальное лексическое значение, и реконструкция древнейшей значимости в слове, послужившей исходной при наименовании предмета или явления, является довольно трудной задачей. Отдельные исследователи считают, что изучение первичной мотивации слова, или «внутренней формы слова», относится к интересам этимологов и не характеризует развитие лексического значения [3, 195-196]. Мы придерживаемся другой точки зрения и считаем, что первичная значимость никогда не исчезает полностью и продолжает существовать и проявляться в отдельных парадигматических и синтагматических связях в языке наряду с появившимися новыми значениями слова. Следовательно, от момента зарождения и до современного состояния слово представляет собой не-

разрывное единство и непрерывную последовательность в ряду развития и изменения его содержательных компонентов.

Теснота связи формы и содержания в слове нарушилась в момент зарождения грамматических категорий. В результате десемантизации отдельных участков в слове произошло постепенное преобразование лексической структуры в морфемную, в которой, кроме корня, сохранившего лексическое значение, реализовались основообразующий суффикс и флексия.

Звуковое наполнение в слове в ходе развития языка изменялось, и эти изменения известны как «звуковые законы». В исторической фонетике индоевропейских языков довольно подробно изучены изменения отдельных звуков в слове и их сочетаний, иногда эти изменения рассматриваются в зависимости от их позиции в слове. Этим вопросам посвятили много работ младограмматики в прошлом веке. Однако рассмотрение исторического изменения фонетической структуры частей слова и слова в целом относится лишь к последним десятилетиям прошлого века. Работы В.Г. Таранца, В.В. Чеботаря, Н.А. Гавриш, О.Г. Михайловой, О.П. Димировой и др. показали, что изменения слова и слога имеют определенные закономерности [7]. Познание этих особенностей в развитии слова позволяет экстраполировать их на доисторический период и с большей уверенностью реконструировать древние формы слова.

Изменение формы слова зависит и определяется влиянием вышеупомянутых уровней – грамматического и лексического. Считаем, что изменение прежде всего лексического значения дает толчок к преобразованиям на фонетическом уровне. По-видимому, верным является и обратное: существенные изменения в форме слова свидетельствуют об определенных изменениях на семантическом уровне. Следовательно, семантический фактор является ведущим в изменениях слова, происходящих в ходе развития языка.

В лингвистике считается общепринятым, что с изменением языка одновременно изменяются все его единицы. Интенсивность этих преобразований объясняется различными причинами и зависит от их принадлежности к тому или иному уровню. Первично происходит изменение содержательной стороны единицы, за ней следует видоизменение формы. Эти две стороны языковой единицы наиболее тесно сходятся в слове. Поэтому динамика слова представлена широко в исследованиях диахронического пла-

на и в синхронии. Понятие лингвистических единиц лежит в основе многоярусной структуры языка и в то же время обеспечивает тот строительный материал, из которого сложена вся конструкция. Чтобы оценить роль лингвистических единиц в языковом моделировании, достаточно вспомнить, что это понятие определяет значимые оппозиции, организующие языковую систему. Оно предполагает решение вопроса о языковых тождествах и о языковых различиях, обуславливает совокупность синтаксических правил, от него, следовательно, зависит вся архитектоника языковой модели.

Целью нашего наблюдения является изучение лексической группы слов, выражающих понятие «мало» в немецком языке и на этой основе реконструкция древнейших праформ и значений. Для этой цели были взяты древние и современные лексемы *klein*, *wenig*, *luzzil*, *fao* со значением «мало» и рассмотрены на материале древних письменных текстов и словарных статей.

В результате анализа словоформы *klein* получено, что она в самое древнее время имела в немецком языке значение «малый» и выступала в роли имени прилагательного и значение «немного», что позволяло выполнять ей в предложении роль наречия. В словарях представлено в основном наречное значение словоформы *klein*. Однако, как показал наш анализ древних текстов, значение «малый» было преобладающим. Например:

die *chleinen* stoche si ouz nement [15]

«они взяли маленькие корневища»

Словоформа *chleinen* стоит в вин. п. мн. ч., выступает в качестве определения к имени существительному *stoche*. С последним согласуется в числе и падеже. В контексте *chleinen* имеет значение «маленькие (корневища)» и противопоставляется понятию «большие». В целом рассматриваемая лексема указывает на величину предмета. В начале слова реализуется аффриката *ch-* [kh], которая согласно верхненемецкому передвижению вышла из пра германского смычного *k.

Это значение сохранилось до современного периода немецкого языка. В качестве наречия *klein* выступает в основном в сочетаниях, например: *ein klein wenig* «немножко», *über ein kleines* «вскоре», *von klein auf* «малых лет».

В форме рассматриваемого слова *klein* имеет место сочетание согласных *kl-*, которое в одном случае встретилось со срединным гласным звуком. Это древневерхненемецкое сложное слово *stukkeline* реализовано в ситуации:

они звучат в той же цепи коллокации, что и сама лексема в идиоме:
her quad, giwuge hers eincheinim manne,
her zibrech in zi stukkeline allin [15].
«он сказал, что если он расскажет это одному человеку,
то он разорвет его на маленькие куски».

Рассматриваемая нами лексема входит в состав сложного имени существительного *stukkeline*, которое стоит в вин. п. мн.ч. и образует сложное понятие «маленькие куски». Начальный корень имеет в древневерхненемецком языке вид *stuki* и переводится «кусок, часть». В отдельных текстах срединный согласный может быть представлен в виде аффрикаты [kh], например *stuche* [16, 186]. Однако в словаре не приводится рассматриваемое слово со срединным геминированным -kk-. Следовательно, в анализируемой словоформе необходимо различать корневые части как *stuk-keline*. Вторая часть, считаем, представляет собой старую форму от *klein*. Наличие в начале слова двух согласных свидетельствует о фонетических изменениях, которые имели место в этой части. Генетически между указанными согласными был гласный звук, который в этом неударном слоге в ходе развития немецкого языка редуцировался и постепенно исчез. Именно такое звуковое наполнение характеризует форму *-keline* в немецком композите. Языковые факты свидетельствуют, что сложные слова довольно часто сохраняют в своих составляющих архаичные явления, уже исчезнувшие в этих же формах в однословном употреблении. Например в нем. *Nachtigal* «соловей» реализуется дvn. форма *Nacht*, в современном немецком языке существует только *Nacht*; в слове *Berlin* представлен древний деминутивный суффикс *-līn*, который реализуется в последующие периоды развития немецкого языка в виде *-lein*. Очевидно, что в словоформе *stukkeline* сохранилась более архаичная реализация *-keline*, в которой ударение приходилось на срединный слог. В этом слоге в историческое время произошла дифтонгизация, характерная для немецкого языка. Ср.: дvn. *mīn* > *mein*, *īle* > *Eile*, *grīs* > *Greis*, *-līn* > *-lein*.

Таким образом, наблюдение позволяет усматривать в словоформе *klein* древний суффикс с уменьшительным значением *-lein*. По-видимому, этот суффикс и послужил образованию лексемы *klein* со значением «малый». В ходе развития немецкого языка согласный *-l-* перешел к корню и образовал сочетание *kel-*, которое согласно закону Гrimма отражает и.-е.**gel-*. Пос-

леднее выглядит фонетически близким корню и.-е. **ghreu-*, давшему словоформу *grotz* «большой». В словарях предполагается, что нем. *klein* восходит к и.-е. **glei-* со значением «клейть, смазывать» [14, 332]. Однако данная точка зрения не находит существенного подтверждения. Можно согласиться с В.В.Левицким, что происхождение нем. *klein* «неясно» [6, 11]. Если учесть, что фонемы [r] и [l] генетически родственны, тогда необходимо принять и родство форм **ghreu-* и **gel-*, обозначающих соответственно «большой» и «малый». «Нем. *klein*, по данным экспериментов, обладает значительным звукосимволическим потенциалом, который усиливается противопоставлением [kl] – [gr], символизирующими противоположные понятия (*klein* «маленький» – *groß* «большой»)» [6, 12]. Наличие древнего родства рассмотренных лексем и послужило одной из причин утверждения их в немецком языке и отмирания других синонимичных словоформ.

Сравнение частоты встречаемости словоформы *klein* в разные периоды развития немецкого языка показывает существенное преобладание этого показателя в санск. языке по сравнению с дvn. Отмеченный признак имеет частоту в дvn. 0, 003% и в санск. период 0, 02%. Подобным образом функционирует и противоположная по смыслу этому слову лексема *groß*. Частота встречаемости *groß* в древних текстах: дvn. – 0, 004% и санск. – 0, 086%. Большая частота реализации этих двух противоположных по основному значению слов в санск. период по сравнению с предыдущим временем объясняется дальнейшим развитием и закреплением в немецком языке понятийной парадигмы «большой/малый», исторически восходящей к количественному противопоставлению «много/мало».

Анализ следующей лексемы *wenig* в древних текстах показал, что ее форма дvn. *wenego* относится к понятию «человек» и характеризует его как «жалкого, убогого, бедного, несчастного, униженного». Например:

- 1) ...ni wollen heim wison wir
wenegon weison [15].

«мы не вернемся домой, мы, бедные сироты».

Словоформа *wenegon* употребляется в качестве прилагательного с именем *weison*, с которым она согласована и стоит в им. п. мн. числа. Грамматически лексема *wen-eg-on* распадается на три части: корень, суффикс и флексию. Смысловая часть, приходящаяся на корень, переводится в современном

немецком языке с помощью прилагательного *armen* «бедные». По контексту подразумевается не «бедность», а то, что эти люди «униженные, несчастные».

2) *Cement thara ouh thanne thei wenegun alle* [15].

«туда прибудут затем также все несчастные».

Рассматриваемое прилагательное *wenegun* употребляется в значении имени существительного, стоит в им. п. мн. числе. По смыслу слово имеет отношение к людям «бедным, несчастным». В переводе на современный немецкий язык употреблено имя существительное *Unglückseligen* «несчастные».

Очевидно, что в словоформе *wenegun* присутствуют две семы: «человек» и «бедный». Эти значимости, на наш взгляд, представлены также в структуре слова, которая позволяет выделить значимые части *wene-* и *-go*. Конечная часть является редуцированной к полной форме *-goro* со значением «человек». Следовательно, *wenego* имеет в себе этимологически значимость «бедный человек». В данной словоформе *wene-* выступает в качестве определения к имени «человек». Делексикализация последнего привела к образованию суффиксальной морфемы *-go*, а на его месте, как свидетельствуют проанализированные ситуации, появляется другая форма в значении «человек». Дальнейший анализ показал, что *wenego*, начиная со средненемецкого периода постепенно преобразуется в наречие вида *wenig* со значением «мало», например:

dâ von vil manegem degene sît wênc liebes [13].

«для многих воинов это было малой радостью».

Слово *wênc* по смыслу сочетается с именем существительным *liebes* и переводится «малый». Здесь словоформа *wênc* противопоставляется понятию «много». Смысловое родство «много/мало» реализуется в выражении той или иной величины предмета или явления. В основе этого противопоставления находится количественный признак, относящийся исторически к сравнению различных совокупностей. Лексема *wênc* представлена в краткой форме и морфологически выступает относительно самостоятельно.

Присутствующий в слове суффикс *-ig* имеет в современном языке многие значения, среди них «значение наличия признака при характеристике свойств, умственных способностей, состояния человека» [8, 232].

Сравнение с предыдущим периодом показывает, что в средневерхненемецких текстах имеет место другая значимость слова *wênc*, относящая-

ся к количественному признаку. Деривация семантики данной словоформы имеет вид: дvn. *wenegon* «бедный (человек)» > *wênic* «малый, мало».

Частота встречаемости *wenig* в дvn. текстах составляет 0, 0025%, в свн. – 0, 009%.

Анализ следующей словоформы *luzzil* со значением «мало» показал, что данная форма во всех случаях реализуется вместе с суффиксом *-il*, имеющим уменьшительное значение. В срединной позиции иногда встречается непредвзятый согласный *-t*, восходящий к древнему корню прагерм. **lut-*. Именно такой корень представлен в современной английской форме *little* со значением «маленький; короткий (о времени); немного». В данной форме реализуется более сложная корневая структура, так как к корню со временем примкнул бывший деминутивный суффикс. В древних немецких текстах *luzzil* употребляется со значением «малый» и «немного»:

1) *Franko gesaz mit den sini vili verte nidir bi Rini da worhtin si duo mit vrowedin eini luzzele Troie* [15].

«Франко поселился со своими далеко на Рейне, и там они построили маленькую Трою».

Слово *luzzele* стоит в вин. п. ед. ч., согласовано с именем Трои. Удвоение *-zz-* произошло из герм. **t* согласно верхненемецкому передвижению согласных, это позволяет реконструировать прагерманский корень **lut-* со значением «малый». В рассматриваемой словоформе представлены две морфемы: корень и суффикс *luzz-ele*. Последний по своему значению деминутивный, что позволяет перевести указанную лексему как «маленький».

2) *Er wart ein teil gesunterot ein lucel von den engelen* [15].

«Его душа на короткое время была отделена немного от ангелов».

Употребление в абстрагированном значении субстантивированного слова *lucel* привело к переходу его в разряд наречий, однако с формой *ein*, характерной для имен существительных.

Частота встречаемости в дvn. текстах равна 0, 01%, в свн. 0, 01%. Низкая частота, отмеченная за продолжительный период существования немецкого языка, свидетельствует о существенном уменьшении функционирования данной словоформы. В итоге она отсутствует в современном немецком языке.

Синонимом для указанных выше слов выступает также лексема дvn. *fao* «мало». Например:

1) Hiltibrant gimahalta, Heribrantes sunu — her uuas heroro man, ferahes frotoro, — **fohem** uuortum, (h)wer sin fater wari ...[11].

«Хильдебрант говорил, сын Херибранта, он был благородным человеком, богатым душою, — он начал спрашивать, несколькими словами, кто был его отец»...

В контексте встречается форма *fohem* в значении «отдельными, несколькими (словами)», стоит в дат.п. мн. числа. В предложении представлена в качестве прилагательного и определяет согласно контексту небольшое количество слов. Следовательно, лексема *fohem* имеет в себе количественный признак, обозначающий небольшое множество. Корневая часть имеет вид *föh-*, в которой может иногда отсутствовать конечный согласный.

2) dera calaupa cauisso **fao(iu)** uuort sint...[15].

«у веры поистине мало слов...».

Словоформа *faoiu* обозначает малую совокупность и выступает в качестве наречия со значением «мало».

Реализация лексемы *fao* в дvn. период по отношению к другим лексемам, выражющим понятие «мало», была минимальной и равнялась 0,001%. По-видимому, данная словоформа уже в древнее время выходила из употребления и в svn. время она в текстах совсем не встретилась. Это находит подтверждение в исследованиях В.Брауне, который отмечает исчезновение слова *lützel* уже в IX веке [15, 222].

Сравнение с рассмотренными нами словоформами позволяет довольно четко выделить корневую часть в виде *fao-/fou-*. Наличие в конце этих форм лабиального гласного позволяет предположить в этой позиции древний согласный звук – билабиальный [w]. Именно такой согласный рассматривают авторы работы «Althochdeutsche Grammatik» [15, 222], усматривая здесь древнегерманское чередование согласных *h/w*. Это подтверждается также наличием реализаций в виде *fouuer, foer, fohem, foher* и др.

Таким образом, выполненный нами анализ позволяет реконструировать более древний прагерманский корень **fah*- со значением «малый, мало».

В результате анализа словоформ со значением «мало» в дvn. и svn. текстах, а также исходя из словарного материала современного немецкого языка получены следующие выводы:

1. У лексемы *klein*, выражающей понятие «мало» в немецком языке, преобладающим является значение «малый». Наблюдения позволили предположить, что в словоформе *klein* древним суффиксом с уменьшительным значением является суффикс *-lein*. По-видимому, этот суффикс и послужил образованию *klein* со значением «малый».

2. Рассмотренная в древневерхненемецких текстах словоформа *wenego* этимологически имеет значимость «бедный человек». В средневерхненемецких текстах проявляется другая значимость *wēnic*, относящаяся к количественному признаку. Следовательно, деривация немецкого слова *wenig* предположительно такова: дvn. *wenegon* «бедный (человек)» > svn. *wēnic* «малый, мало» > нем. *wenig* «мало».

3. Дvn. лексема *fao* является синонимом к слову *luzzil* «малый», «немного». Анализ позволил реконструировать более древний прагерманский корень **fah* со значением «малый, мало». В дvn. и svn. текстах *luzzil* и *fao* встречаются очень редко, в современном языке они отсутствуют. Анализ древних предложений со словоформой *luzzil* показал, что она во всех случаях реализуется с уменьшительным суффиксом *-il*.

Литература

1. Воронин С.В. Основы фоносемантики. - Л., 1982.
2. Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., 1974.
3. Звегинцев В.А. Семасиология. - М.: изд-во МГУ, 1957.
4. Левицкий В.В. Семантика и фонетика. - Черновцы, 1973.
5. Левицкий В.В. Этимологические и семасиологические исследования в области германских языков. - Черновцы: Изд-во Черновицкого ун-та, 1997. - 313 с.
6. Левицкий В.В. Этимологический словарь германских языков: в 3-х. т. - Черновцы: Рута, 2000. - Т. 2. - 260 с.
7. Склад і слово в діахронії: слов'янські та германські мови. Збірник наукових праць (відп.ред. В.Г.Таранець). - Київ, 1994.

8. Степанова М.Д. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. М.: Русская речь, 1979. - 536 с.
9. Таранец В.Г. Энергетическая теория речи. - Киев-Одесса: Вища школа, 1982. - 150 с.
10. Alte hoch- und niederdeutsche Volkslieder in fünf Büchern. T.1. - Stuttgart und Tübingen, 1844. - 1055 S.
11. Älteste deutsche Dichtung und Prosa. - Leipzig, 1979. - 309 S.
12. Braune W. Althochdeutsche Grammatik. 14. Auflage, bearbeitet von H.Eggers. - Tübingen Max Niemeyer Verlag, 1987. - 358 S.
13. Das Nibelungenlied. Mittelhochdeutscher Text und Übertragung. - 2.T. - Frankfurt am Main: Fischer Bücherei, 1971. - 304 S.
14. Duden K. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. - Bd. 7. - Mannheim/Wien/Zürich, 1963.
15. Frühe deutsche Literatur und lateinische Literatur in Deutschland 800-1150. Bd.1.- Frankfurt am Main: Deutscher Klassiker Verlag, 1991. - 1593 S.
16. Schützeichel A. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 4.Aufl. - Weimar, 1876.

A.H. Чумаков

К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИКИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Язык выступает орудием формирования и выражения мыслей и чувств, как средство усвоения новой информации, новых знаний, т.е. всякое лингвистическое явление отражает через сознание человека определенный аспект реального мира, включая самого человека. В процессе речевой деятельности человек облекает свои мысли в языковую форму, чтобы, таким образом, передать другим их содержание. Поэтому всякое исследование, строящееся на изучении только языковой формы в отрыве от ее содержания, противоречит теории научного познания. «Языковые явления нельзя рассматривать изолировано от их «идеальной» стороны, так как они действительно живут в тканях языка – мышлении» — разъясняет Г.В. Колшанский [11, 21]. Известный немецкий лингвист У.Энгель подчеркивает, что «значения, стоящие за формами выражения языка, не могут быть исключены из грамматики» [26, 356].

Простое предложение, занимая центральное место в синтаксисе, не имеет до сих пор общепринятого определения. Еще в 1931 году И. Рис в своем труде *Was ist ein Satz?* насчитывает в общей сложности 140 определений предложения. С тех пор, разумеется, их число возросло, и в настоящее время в лингвистике имеется более 400 определений предложения. Дать исчерпывающую и в то же время небольшую по объему дефиницию предложения весьма непросто. «Всякий, кто сколько-нибудь знаком с историей разработки теорий предложения, — пишет А.М. Мухин, — не может не отдавать себе отчета в тех трудностях, с которыми связано определение предложения как лингвистической, точнее, синтаксической единицы. Реалистически оценивая возникшие здесь трудности, многие современные исследователи вообще склонны воздерживаться от определения исследуемо-

го ими термина «предложение». Однако представляется очевидным, что без сознательных попыток установления границ предложений исследователь не может быть гарантирован от того, что под одним и тем же термином «предложение» у него будут скрываться различные в своей сущности лингвистические единицы» [15, 5].

Очевидно, что определение предложения должно отражать как минимум два его основных аспекта: его форму и его содержание. Так, например, А.А. Шахматов дает следующее определение предложения: «Предложение – это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления» [24, 19]. Однако, каково именно содержание предложения, в данном определении не раскрывается. Более полное определение дает В.В. Виноградов: «Предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» [6, 5]. Указания на то, что предложение выражает мысль, содержатся и в ряде других определений [5; 8; 11].

Подобные определения предложения как мысли, выраженной словами, или законченной мысли представляются расплывчатыми, ведь мысль может быть сложной и расчлененной и находить свое выражение не в одном, а в ряде предложений. Следовательно, определения предложения как законченной мысли, не раскрывают его семантики. Что же тогда является его семантикой? Однозначного ответа на этот вопрос в лингвистике не находим. Выделяются различные подходы и направления, изучающие семантику предложения.

Довольно широкое распространение в работах по синтаксической семантике получила так называемая денотативная /референтная/ концепция значения предложения [7; 18; 23]. Ее основу составляет понимание предложения как языкового репрезентанта экстралингвистического факта, т.е. денотата, являющегося не отдельным предметом, а ситуацией, событием. Представители данного подхода к семантике предложения идут, таким образом, по пути выяснения референта /денотата/, т.е. особенностей ситуаций, лежащих в основе предложения. Оперируя в этой связи терминами «денотат» и «референт», лингвисты интерпретируют их, однако, по-разному. С одной стороны, прослеживаются попытки их отграничения, с другой, —

они употребляются зачастую как синонимы. Анализируя данное явление, М.Д. Степанова отмечает, что вместо термина «референт» широкое применение получил и термин «денотат» в качестве наименования обозначаемого предмета [21, 61], т.е. он стал пониматься шире: не как предмет в узком смысле, а как все, что мы можем назвать.

Исходя из денотативной обусловленности предложения, исследователи стремятся к выявлению отношений между конкретными синтаксическими структурами и обозначаемой ими ситуацией. Тем не менее само понятие ситуации осмысливается лингвистами по-разному. Так, В.С. Храковский усматривает в ситуации «вырезанный и обработанный мыслью и языком фрагмент действительности» [23, 5]. Аналогичным образом понимает ситуацию Г.Г. Сильницкий, который говорит о «некотором отрезке реальной действительности, вычленяемом говорящим из континуума объективных явлений» [19, 373]. Ситуативная концепция И.П. Сусова базируется на различии элементарной эмпирической и абстрактной ситуаций. Эмпирическая ситуация – это денотат, тогда как абстрактная ситуация «представляет собой мыслительную конструкцию, схему, под которую подводится множество единичных эмпирических ситуаций с одинаковым строением. Различные эмпирические ситуации относятся к абстрактной ситуации как вариант к инварианту» [22, 36]. Имеется также точка зрения, согласно которой следует признавать только «психическую ситуацию», размещенную в «психическом пространстве и психическом времени» [12]. Другие лингвисты пользуются понятиями «реальная ситуация» и «лингвистическая ситуация», подразделяя при этом последнюю на истинную и ложную [18, 25]. Иногда термину «ситуация» предпочтается термин «событие». Используя его, например, С.Д. Кацнельсон имеет при этом в виду «любое явление действительности, любой факт, пусть даже малый и несущественный» [10, 142]. Таким образом, означаемое предложения – ситуация трактуется то как экстралингвистическая, то как семантическая /языковая/ или психическая.

В рамках логико-семантической теории значения предложения делаются попытки выявления закономерностей формирования семантической структуры предложения. Так, О.И. Мосальская подчеркивает, что смысловая структура предложения – это та форма, в которую «воплощаются способы нашего мышления о мире, те стереотипы представления действительности в речемыслении» [181].

литерном акте, которые выработались на протяжении истории языка и мышления и по отношению к которым поверхностная структура предложения выступает как форма формы» [13, 35]. Значит, логико-семантическая структура предложения моделирует в нашем сознании реальные отношения между явлениями объективной действительности. Для логико-семантического отражения в лингвистике часто используется понятие пропозиции, которую Н.Д. Арутюнова определяет как семантическую структуру предложения, объединяющую его денотативное и сигнификативное значения, причем последнему принадлежит центральная позиция [3, 37]. В самом общем понимании пропозиция – это глубинный «остов» предложения, его логико-семантический базис, способный отражать «структуру мира и мышления о мире».

Сторонники функционально-грамматического подхода к теории предложения стремятся выявить соотнесенность в предложении структурно-грамматических и семантических признаков. Так, Г.А. Золотова в монографии «Очерки функционального синтаксиса русского языка» определяет типовые значения моделей предложения – «предмет и его качество», «субъект и его действие/состояние» и т.д. [9, 17]. По мнению Н.Ю. Шведовой семантическая структура предложения есть «его информативное содержание, представленное в абстрагированном виде как закрепленное в языковой системе соотношение типизированных элементов смысла» [25, 125]. Таким образом, поиски лингвистов направлены в сторону истоков формирования смысла предложения. Согласно сложившемуся убеждению его основу составляет образование семантико-синтаксических /или понятийных/ категорий [14, 17] с опорой на объективную действительность, поскольку ее связи и отношения отражаются в этих категориях, и на язык, оформляющий данные понятия. Свою реализацию они и получают в предложениях.

При наличии разных подходов к семантике предложения лингвисты, тем не менее, практически единодушны в том, что способность предложения отражать фрагмент объективного мира проявляется благодаря такому его универсальному организующему началу, как предикативность. Указания на то, что коммуникативная семантика предложения заложена в его предикативности, содержит целый ряд исследований [2; 5; 6; 10].

В лингвистике, однако, пока нет единого определения предикативности, как нет и полного единства в понимании ее сущности. Из многочислен-

ных вариаций трактовок предикативности основными являются две. Представители одной из них сводят понятие предикативности к сказуемостному отношению между подлежащим и глаголом-сказуемым. Такое понимание предикативности находим, в частности, в работах А.А. Потебни [17, 110] и А.М. Пешковского [16, 165-166], которые видят предикативную связь в определенных, строго фиксированных грамматических формах и прежде всего в наличии спрягаемой формы глагола.

Среди исследователей, представляющих данную точку зрения, выделяется концепция М.И. Стеблина-Каменского, рассматривающего предикативность не как отношение, возникающее при совершающемся в момент речи связывания двух компонентов, а как свойство глагола-сказуемого, способного самостоятельно образовать двусоставное предложение [20, 7]. Усматривая в предикативности только «то, что делает сказуемое сказуемым», автор приходит к выводу, что отсутствие в предложении сказуемого или аналогичного ему члена свидетельствует об отсутствии в нем предикативности [там же]. Таким образом, предикативность и предложение по мнению М.И. Стеблина-Каменского не соотносительны. «Наличие сказуемого, а, следовательно, и предикативности не является существенным признаком предложения» [20, 9]. Анализируя предложения разных структурных типов, исследователь не видит в них общего и обязательного для каждого предложения признака и считает возможным, с одной стороны, наличие «непредикативных предложений», и, с другой стороны, существование предикативности там, где нет предложения.

Н.М. Александров рассматривает предикативность также как сказуемостное отношение «предикативное отношение» и считает ее признаком лишь двусоставного предложения [2, 136]. Предикативное отношение составляется по его мнению подлежащим и сказуемым и сохраняется в предложении до тех пор, пока предложение сохраняет двусоставность. В односоставных же предложениях ни о какой грамматической предикативности говорить нельзя.

Согласно другому подходу к проблеме, предикативность считается основополагающим признаком предложений всех структурных типов. А.А. Шахматов указывает, что предикативное отношение – это отношение между подлежащим и его признаком при условии, что признак нечто утверждает о подлежащем, т.е. когда предмет и его признак образуют одно целое утверждение-суждение [24, 19-21]. При этом он различает случаи,

когда компоненты предикативного отношения находят выражение каждый в особом члене предложения /в двусоставном предложении/ и случаи, когда они находят соответствие в одном члене предложения /в односоставном предложении [24, 30-31].

Наиболее распространенная трактовка предикативности изложена в трудах академика В.В. Виноградова, согласно которой «значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключена в отнесении содержания предложения к действительности» [6, 15], «предложение – форма сообщения о действительности» [там же]. В.В. Виноградов раскрывает сущность предикативности через синтаксические категории времени, модальности и лица, объединяя эти три категории в общем понятии предикативности, которая рассматривается автором /наряду с интонацией/ как существенный признак предложения. При этом главная роль отводится модальности предложения, являющейся наиболее постоянным непосредственным выражением категории предикативности.

Концепция В.В. Виноградова получила развитие во многих исследованиях по синтаксису, в частности, в работах Н.Ю. Шведовой. Считая предикативность основополагающим признаком предложения, автор разъясняет, что «категории модальности, времени и лица, «работая» совместно, создают особое и высшее качество – предикативность как обязательное свойство всякой единицы языкового общения» [25, 125]. В результате такого понимания предикативности многочисленные безглагольные предложения, а также те, которые представляют собой выражение утверждения, отрицания, согласия, приветствия и пр., исключаются из числа простых и рассматриваются Н.Ю. Шведовой «как изолированные образования, не имеющие отношения к теории простого предложения» [там же].

Существует мнение, что предикативность следует трактовать как глобальное логическое свойство всякого высказывания, проявляющееся в его истинности или ложности [18, 25].

Несколько иной подход к проблеме предикативности находим у В.Г. Адмони, согласно которому содержанием грамматической категории предикативности является синтаксическая связь /называемая в других работах «предикативной связью», «предикативностью», «предикацией» или «предикативным отношением/. Последнее заставляет коснуться вопроса

о соотношении друг с другом данных понятий и терминов. В лингвистике имеется мнение об иерархичности их взаимоотношений. Суть «предикативной связи» объясняется так, что она организует структурный центр предложения и обеспечивает тем самым условия для реализации предикативности и, в конечном счете, предикации, которая собственно и соотносит содержание мысли, заключенное в предложении, с действительностью.

Понятия «предикативность» и «предикация» дискутировались в лингвистике неоднократно. Прежде их толкование и разграничение опиралось на узко синтаксический подход. Теперь исследователи стремятся раскрыть смысл предикативности и предикации в более расширенных контекстах толкования. Так, например, Г.В. Колшанский пишет: «По своей семантике любое высказывание, обладающее признаком предикации, отражает такие объективные явления, которые характеризуются не отдельностью своего существования, а взаимодействием с другими явлениями или свойствами», т.е. предикативная характеристика, являясь основным признаком языкового выражения ситуации, «позволяет соотнести один член отношения с другим ...» [11, 24-25]. Таким образом, предикация понимается как конституирующая высказывание связь, отношение, а предикативность – как реализованность этой связи, как внутреннее, содержательное свойство высказывания.

Некоторые другие лингвисты более категорично разграничивают понятия «предикативность» и «предикация» и относят их соответственно к плану содержания и к плану выражения. Встречаются также случаи параллельного употребления терминов «предикативность» и «предикация», поскольку их общий смысл заключается в отнесенности содержания предложения к действительности [3, 328]. Предикативность и предикация представляются категорией, благодаря которой то или иное высказывание воспринимается как сообщение о действительности.

В.Г. Адмони разрабатывает проблему предикативности, рассматривая ее как синтаксическую связь, устанавливаемую между двумя компонентами в момент построения предложения. «...С точки зрения конкретного строя предложения, — читаем в «Синтаксисе современного немецкого языка», — предикативность существует только там, где дано определенное специфическое отношение, выступающее либо в форме сказуемого отношения, либо в форме проекции сказуемого отношения. Предикативность есть только там, где

соотносятся два компонента, и притом соотносятся по-особому, взаимонаправленно, «приписываясь» друг другу» [1, 37]. Сказуемое отношение, являясь согласно концепции В.Г. Адмони, основным, однако, не единственным случаем предикативности, отличается от других синтаксических отношений прежде всего структурно: активно приписывая признак предмету, /а не называя предмет вместе с его признаком, как это имеет место при атрибутивном отношении/, сказуемое отношение придает данному отрезку речи структурную цельность и завершенность, т.е. конституирует предложение. Таким образом, автор трактует предикативность как категорию более широкую по сравнению со сказуемостью. Понятие предикативности включает в себя понятие сказуемости, которая является основным, но все же частным случаем ее проявления. В таком свете предикативность представлена как грамматическая форма выражения коммуникативности предложения; ее носителями в высказывании являются разные слова в зависимости от познавательной установки говорящего. В.Г. Адмони, указывая на глубокую внутреннюю связь между познавательной установкой говорящего и грамматическим стержнем предложения, высказывает мысль, что логико-грамматические типы предложения выражают обобщенную познавательную установку говорящего и, что при определенных условиях грамматическая субъектно-предикатная связь совпадает с актуальным членением предложения.

Итак, категория предикативности является по мнению целого ряда лингвистов, как показано выше, конституирующими признаком предложения. Однако в виде коммуникативной предназначенностии она присутствует также и в слове, поскольку любое слово, за которым стоит определенное понятие, также соотносится с объективной действительностью. Не случайно еще Аристотель считал свои десять категорий, которые соответствовали частям речи современного ему греческого языка, потенциальными предикатами любого объекта [4, 106]. Кроме того, словосочетания, содержащие отглагольные и отадъективные имена типа: «Приезд делегации в столицу» – служат знаком целой ситуации подобно предложению: «Делегация приехала в столицу». Безусловно, всякое высказывание соотносится с объективной действительностью, презентируя тот или иной ее фрагмент. Однако понимание семантики предложения как отнесение его содержания к действительности является слишком общим и не отвечает на вопрос, с ка-

ким именно фрагментом ситуации реального мира соотносится предложение. Так, например, в лингвистике часто находим указания на то, что глаголы обозначают действия, состояния и пр., имена существительные – предметы, имена прилагательные – качества и т.д. Все они являются отражением в сознании и языке определенных фрагментов действительности. Будучи общепризнанной единицей языка и речи, простое предложение должно отражать в сознании и языке человека вполне определенный конкретный фрагмент действительности.

Литература

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и построений. - Л., 1973. - 366 с.
2. Александров Н.М. О предикативном отношении // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. - Л.: Наука, 1975. - С. 133-139.
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. - М.: Наука, 1976. - 383 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974. - 447 с.
5. Бисениек В.Я. Синтаксические единицы и их релевантные признаки в современном немецком языке: Дис. ... д-ра филол. наук. - Рига, 1981. - 684 с.
6. Виноградов В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения // Вопр. языкознания. - 1954. - №1 - С. 3-30.
7. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. - М.: Наука, 1973. - С. 349-372.
8. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. - М.: Вышш.шк., 1981. - 207 с.
9. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. - М.: Наука, 1973. - 351 с.
10. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. - Л.: Наука, 1972. - 216 с.
11. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. - М.: Наука, 1984. - 174 с.

12. Лекомцев Ю.К. Психическая ситуация, предложение и семантический признак // Труды по знаковым системам / Учен. Зап., вып 308. - Тарту: Тартусский ун-т, 1973. - С. 444-463.
13. Мосальская О.И. Проблемы синтаксического моделирования // Вопр. языкоznания. - 1976. - № 6. - С. 33-44.
14. Мосальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. - М.: Высш. шк., 1981. - 175 с.
15. Мухин А.М. Структура предложений и их модели. - Л.: Наука, 1968. - 230 с.
16. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М.: Учпедгиз, 1956. - 511 с.
17. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. - Харьков, 1888. - Т. 1 - 2. - 663 с.
18. Почепцов О.Г. Семантика и прагматика вопросительного предложения: Дис. ... канд. филол. наук. - Киев. - 1979. - 173 с.
19. Сильницкий Г.Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов // Проблемы структурной лингвистики. - М.: Наука, 1973. - С. 373-391.
20. Стеблин-Каменский М.И. О предикативности // Вестник Ленингр. Ун-та. - 1956. - № 20. - Вып. 4. - С. 6-12.
21. Степанова М.Д. Теория валентности и валентностный анализ. - М., 1973. - 110 с.
22. Сусов И.П. Ситуация как означаемое предложения на реляционном уровне // Вопросы английской и французской филологии. - Тула, 1972. - Вып. 8. - С. 25-48.
23. Храковский В.С. Проблемы деривационной синтаксической теории. - Тбилиси, 1972. - 51 с.
24. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. - М.: Учпедгиз, 1941. - 620 с.
25. Шведова Н.Ю. Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. - Л.: Наука, 1975. - С. 123-129.
26. Engel U. Deutsche Grammatik. - Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1991. - 888 S.

которые выражены и (или) имеют контекст, который может включать в себя хитрости, ожидания читателя, а также специфическую лексику в тексте, а также и семантику глагола, зависящую от контекста и языковой среды. Контекст, подчеркивающий тесную связь языка и культуры, является важным фактором в переводе.

Л.С. Яровенко

АДВЕРБИАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ

Проблема переводческой эквивалентности является одной из наиболее актуальных в переводческой практике. Достижение семантической и прагматической эквивалентности – основная задача, которая стоит перед переводчиком [3; 7]. Он обязан не только передать, как можно точнее, содержание оригинала, но и создать на переведенном языке (ПЯ) текст, который будет иметь такое же воздействие на реципиента, как и исходный язык (ИЯ). Для этого переводчик должен иметь языковую компетентность в ИЯ и ПЯ, глубокие фоновые знания, языковую интуицию и, конечно же, талант [7, 41; 2, 5].

Наибольшую проблему для переводчика представляют языковые единицы, не имеющие постоянных эквивалентов в ПЯ. К таким и относятся адвербальные глаголы движения. Семантический потенциал большинства этих глаголов в значительной степени зависит от контекста. Их значения раскрываются только в речевом окружении, так как «актуализация слова в контексте устраняет неопределенность» [5, 24].

Отличительной особенностью глаголов с адвербальным компонентом является то, что в них реализуется два значения: одно из них выражает действие, а другое – его характеризует [2, 103].

В данной статье проводится сравнительное исследование адвербальных глаголов движения на материале романа Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах» и его перевода [10; 11]. Путем сплошной выборки в тексте оригинала было отобрано 190 глаголов. Они распределены на две группы. Первая группа представлена глаголами, у которых сема движения эксплицирована в структуре значения. Вторая группа включает глаголы, в

которых сема движения является латентной (скрытой) и обнаруживается только в контексте. Наиболее частотные адвербальные глаголы движения приведены ниже в Таблице 1

Таблица 1

Адвербальные глаголы движения

1 группа (с эксплицитной семой движения)	2 группа (с имплицитной семой движения)
To walk down (into, away, out)	To steal back (off, out, in, up, down, round, into, upon, downstairs)
To go down (up, away, out, in, off)	To spy round
To step in to (out, in, up, forward)	To struggle into
To run away (out, upon, back, upstairs, downstairs, forward)	To gape round
To hasten down (on, up, homewards)	To melt away
To hurry away (on, along)	To scramble in
To spring out (up, forward)	To spin round
To march in (out)	To shrink back
To drive on (out, up, away, down)	To grope in (out)
To creep up (along, away)	To keep off

Особенностью глаголов первой группы является то, что на сему движения насылаются семы «способ движения», «направление движения», «процесс движения», представленные адвербальным компонентом.

Во вторую группу входят глаголы, в семантической структуре которых не содержится сема движения и которая актуализируется лишь под воздействием контекста, а адвербальный компонент передает «способ движения», «направление движения» и др.

Анализ перевода глаголов первой группы показывает, что их правое окружение имеет большое значение для отражения способа движения, его направления и т.д.:

Men in evening dresses had thrown back overcoats, stepping jauntily up the steps of clubs [10, 82].

Мужчины во фраках или, распахнув пальто, бойко взбегая по ступенькам клубов [11, 123].

В словарной definicции глагола «step» эксплицируется сема движения, а контекстуальное окружение «step» актуализирует семы «направление вверх» и «способ движения».

Наличие наречия «jauntily» и предложного сочетания «up the steps» влияет на семантику глагола: значение «ступать» трансформируется во «взбегать», подчеркивающее также и «скорость движения». В данном примере глагол «step» содержит узальные семы движения и манеры движения, а окказиональные семы «направление» и «скорость движения» накладываются на них под воздействием контекстуальных партнеров «step».

Большинство глаголов движения с адвербальным компонентом, в которых сема «движение» закреплена в узусе, уже вошли в словарный фонд языка и имеют постоянные русскоязычные переводные эквиваленты: *up*, *upstairs*, *walk out*, *drive away*, *come back* и др.

Большую трудность для достижения адекватности перевода представляют глаголы второй группы. Переводчик должен не только декодировать значение движения, содержащееся имплицитно в этих глаголах, но также и найти эквивалент для передачи его в ПЯ. В связи с этим, он очень часто прибегает к разного рода грамматическим трансформациям: вводит дополнительные слова, изменяет порядок слов, заменяет части речи и члены предложения.

Struggling into his fur, he ran downstairs and out into the street [10, 290].

Натягивая на ходу пальто, он сбежал вниз и вышел на улицу [11, 270].

Словарная definicция глагола «struggle» не включает сему движения, но речевое окружение эксплицирует ее. При переводе автор прибегает к трансформации, вводя предложное сочетание «на ходу». В контексте, наряду с семой «движение внутрь», актуализируется сема «движение с усилием». В анализируемом предложении кроме глагола «struggle» с имплицитной семой движения есть глагол «*run*» с эксплицитной семой движения, а постпозитивные адвербальные компоненты «downstairs» и «out» показывают направление движения «вниз» и «наружу». При переводе английского глагола «*run*» с двумя адвербальными компонентами «downstairs» и «out» переводчик использует два переводных эквивалента – «сбежал вниз» и «вышел на улицу» для конкретизации семантики глагола «*run*».

The others gradually melted away, old Jolyon taking three nephews to fill up his carriage ... [10, 122]

Постепенно разъехались и остальные, старик Джолион захватил троих племянников ... [11, 113].

Сема движения, отсутствующая в словарной дефиниции глагола «melt» и «наводимая» контекстом, дополняется семой «направление движения».

Для передачи данной семы в ПЯ переводчик использует префикс «раз», соответствующий в ИЯ адвербциальному компоненту «away», т.к. префиксы перед глаголами в ПЯ передают манеру и направление движения. Кроме того, он прибегает к грамматической трансформации – транспозиции, заменяя тема-ретметические отношения структуры в ИЯ/ПЯ для того, чтобы акцентировать действие, производимое субъектом, а именно – движение. Экспрессивность, характерная для большинства адвербальных глаголов с имплицитным компонентом движения [4, 104], присутствует в их структуре, но переводчику не всегда удается передать ее в ПЯ. Так, в данном примере образное сочетание «melted away» переводится русскоязычным глаголом с нулевой образностью «разъехались». Но наряду с этим, переводчик смог декодировать имплицитную сему движения и передать денотацию адвербального глагола «melted away».

Then retiring in the same noiseless way, he would hold steadily up Cheapside, ... [10, 79].

Потом, так же бесшумно выйдя на улицу, он твёрдыми шагами шел по Чинсайд, ... [11, 73].

Глагол «hold» в словарной дефиниции не содержит сему движения. Его архисемой является сема «обладание». В сочетании же с адвербальным компонентом «up» и под воздействием контекстуальных партнеров «steadily» и «gait», глагол «hold» реализует локативную валентность [3, 106]. Наблюдается перераспределение сем: окказиональная сема движения актуализируется, а узуальная сема «обладание» наоборот «затушевывается». Для эквивалентной передачи семантики оригинала автор перевода пользуется грамматическими трансформациями, а именно: заменой частей речи (*steadily* → твердыми шагами) и заменой словоформ (*would hold* → шел).

Применение комплексной методики изучения семантики слова позволяет обнаружить несовпадение семенного состава в структуре адвербальных глаголов на парадигматическом и синтагматическом уровнях. В большинстве случаев на синтагматической оси наблюдается перераспределение сем: архисема погашается, а окказиональная сема выходит на передний план под воздействием контекстуального окружения. Эти различия находят свое отражение и в переводе. Поэтому, для более точной передачи семантики и pragmatики оригинала при переводе адвербальных глаголов движения с имплицитным компонентом чаще всего используются переводческие трансформации (лексические и грамматические).

- СОВЕТ БЫЛО ВАЛЕНЦИИ ОЖИВИТЬ КОММУНИКАТИВНОМУ ПРОЦЕССУ
- литература
1. Комисаров В.Н. Коммуникативные концепции перевода // Перевод и коммуникация. - М., 1997. - С. 6-16.
 2. Комисаров В.Н., Коралова А.Л. Практикум по переводу с английского языка на русский. - М.: Высшая школа, 1990. - 127 с.
 3. Левина И.Б. Семантико-синтаксическая деривация адвербиональных глаголов движения в английском языке // Семантика слова и предложения. - Л., 1985. - С. 103 - 109.
 4. Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Пособие по переводу с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 1973. - 136 с.
 5. Никитин М.В. Лексическое значение слова. - М.: Высшая школа, 1983. - 126 с.
 6. Hatim Basil and Mason Ian. Discourse and the Translator. - Longman, 1990. -395 p.
 7. Bell Roger T. Translation and Translating: Theory and Practice. London, 1997. - 350 p.
 8. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. - Oxford, 1978.
 9. Webster's Seventh New Collegiate Dictionary. Springfield, USA, 1969 - 1221 p.
 10. Galsworthy J. The Forsyte Saga. M.: 1973. - 435 p.
 11. Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах. М.: 1983. - 450 с.

A.M. Maljawina

KOMMENTABELVERBEN – BEGRIFF UND GEBRAUCH

Der vorliegende Aufsatz vermittelt einige Ergebnisse der strukturell – wahrscheinlichen Valenzanalyse (SWA) (Konzeption und Methode von N.D. Andrejew) einer Gruppe der Kommentabelverben (KV) im Rahmen von zwei Subsprachen [1;8;10].

Das terminologische Wort «die Kommentabilität» (engl. comment), das Wort, das die Präzisierung des Inhalts fordert, wurde auf den XI. Internationalen Kongreß der Linguisten in Bologna und nähmlich im Sinne eines Valenztyps von Prof. N.D. Andrejew eingeführt [13].

Es sei erwähnt, daß unter den Valenzproblemen, mit denen sich die Sprachwissenschaftler in den letzten Jahrzehnten befassen und die sie auf jeglichem Gebiet der Sprachkunde (Phonetik, Lexik, Morphologie) meistens erfolgreich lösen, erweckt das Problem, das mit der Semantik der Sprachelemente und den Zwischenbeziehungen der Elemente verbunden ist, z.B. lexikalisch – morphologische, morphologisch – syntaktische Beziehungen usw [3; 6; 7; 9; 11; 12; 15; 17].

Hier unterbringen wir den Versuch, die lexikalisch-grammatische Valenz am Beispiel von KV und an Hand der strukturell – wahrscheinlichen Dimensionen möglicherweise zu beleuchten. Dabei sind aber folgende Begriffe klarzumachen:

1. Die wissenschaftliche Konzeption der SWA fundiert sich auf drei Gruppen von Eigenschaften, die der Sprache charakteristisch sind und bei den Sprachelementen in der Rede gleichzeitig realisieren: strukturelle, soziale und wahrscheinliche Eigenschaften.

2. Unter der Sprachvalenz versteht man in der strukturell – wahrscheinlichen Theorie von N.D. Andrejew keine beliebige, sondern nur Auswahlzusammen-

menfügung als eine potenzielle Eigenschaft der Sprachelemente [2]. In der SWA ist die Valenz eine Wahrscheinlichkeitsgröße, die von der Grundgröße wesentlich abweicht in Erhöhungs — oder verminderungswärts. Im ersten Fall haben wir eine «positive Valenz», im zweiten eine «negative Valenz». Auf formalisierter Ebene erfolgt man die Unterscheidung dieser linguistischen Erscheinung.

3. Unter der lexikalisch-grammatischen Valenz verstehen wir eine markierte Auswahlzusammenfügung irgendwelcher lexikalischer Gruppe mit der syntaktischen Gruppe oder Opposition.

4. Die Kommentabelität der Verben ist die Fähigkeit der Verben der Semantik des Denkens, des Sagens, der Wahrnehmung, des Gefühls und einiger anderen, die Nebensätze mit der Konjunktion «daß» anzuknüpfen.

Es ist bekannt, daß der Hauptsatz im Satzgefüge stellt sich eine ungeschlossene strukturell – kommunikative Konstruktion dank dem Prädikat dar, das durch Valenz synsemantische Verben ausgedrückt ist. Meist sind das die obengenannten Verben, deren Semantik die Präzisierung des Inhalts durch einen Nebensatz verlangt.

Diese Fähigkeit der Verben verbindet man gewöhnlich mit der Kategorie der Transitivität. Aber nach der Meinung von W.W. Winogradow, diese Frage geht in die Tiefe der Semantik. H. Brinkmann meint, daß die Transitivität/Intransitivität vom lexikalischen (denotativen) Inhalt des Verbes abhängt [4]. Die lexikalische Bedeutung der Verben des Denkens, der Wahrnehmung, des Sagens zeigen keinen Prozeß, sondern bezeichnen einen immanenten Prozeß, der sich im Subjekt abspielt.

Es gibt auch intransitive Verben, die die Fähigkeit haben, die Nebensätze mit der Konjunktion «daß» anzuknüpfen, z.B.:

Ihm ist eingefallen, daß niemand weiß, wohin er geht. (F. Unger. Das verbotene Zimmer).

Das Verb «sich zeigen» steht in den Wörterbüchern unter dem Zeichen «vi». Aber in der Rede funktioniert es als Kommentabelverb, z. B.:

Es zeigte sich, daß sie nicht knauserte, wenn es sich um einen Menschen wie Stanislaus handelt. (E. Strittmatter. Der Wundertäter).

Das Verb «merken» mit dem Präposition «auf» markiert man in den Wörterbüchern als «intransitiv», doch es verfügt über die Fähigkeit die Nebensätze mit «daß» anzuknüpfen, z. B.:

Worauf er erst merkt, daß dieses Mädchen kein Kind mehr war, sondern nur schmächtig und sonst frech und gierig (A. Seghers. Das siebte Kreuz).

Man kann an Hand dieser Beispiele Schlußfolgerungen ziehen, daß die Kategorie der Kommentabilität mit den Kategorien Transitivität/Intransitivität nicht übereinstimmt. Die Fügung KV+daß NS im Vergleich zu den transitiven Verben trägt einen besonderen Wahlcharakter. Hier haben wir sowohl syntaktische als auch lexikalische Wahlbarkeit.

So kann man resultieren, daß die Kommentabilität eine besondere lexikalisch – syntaktische Valenz der Verben ist, die den Zusammenhang zwischen syntaktischer Verbindlichkeit und lexikalischen Bedeutung zeigt.

Man muß bemerken, daß über Kommentabelfähigkeit sich nicht nur Verben, sondern auch die Substantive, die Adjektive und die Adverbien verfügen.

Diese Tatsachen geben uns die Möglichkeit zu vermuten, daß die Kommentabilität eine linguistische Kategorie ist. Bemerkengswert ist auch, daß in englischer Sprache die Kommentabilität der Substantive markiert und untersucht wird [11].

Mit Hilfe der SWA kann man die Wahrscheinlichkeitspotenz des Erscheinens eines Wortes, einer Wortgruppe oder einer grammatischen Form eines Wortes berechnen und ihre wahrscheinliche Funktionierung in der Rede, Subsprache als auch in der Sprache prognosieren.

Eine grundlegende Bedeutung hat eine Wertzahl, die die korrelative Funktion (KF) heißt. Die KF ist das Verhältnis zwischen der unabhängigen Wahrscheinlichkeit (UW) und der bedingten Wahrscheinlichkeit (BW). Durch UW bezeichnet man das Maß der aktualisierten linguistischen Erscheinung auf Grund der Summierung aller Benutzungsmerkmalkennziffern. Die BW bedeutet das Maß der linguistischen Erscheinung in der gegebenen Bedingung.

Es wird die gesamtkategoriale UW der Kommentabilität der Verben der Subsprache der schönen Literatur (SL) und Zeitungssyntaxis (ZL) berechnet.

Aus 10 000 Beispielen der sprachlichen Benutzung der finiten Verben in der Subsprache der SL sind Verben 206 Mal als Kommentabelverben aktualisiert. So beträgt das Maß der Kommentabilität der deutschen Verben in der SL die Größe 0.0501. Mit gleicher Methode ist das Maß der Kommentabilität der deutschen Verben auf dem Material der Subsprache SL gerechnet und beträgt 0.0487. Der Unterschied zwischen zwei Resultaten kann man auf metasprachlichem Niveau als Wahrscheinlichkeitsdifferenzierendes Merkmal schätzen.

Auf Grund des erforschten Materials wurden folgende Angaben erhalten
(Tab.1.)

Tabelle 1

häufigkeitswörterbuch der KV

Subsprache der schönen Literatur	Subsprache der Zeitung
Kommentabelbenutzung auf Verb 10000 finiten Verben	Kommentabelbenutzung auf 1000 0 finiten Verben.
1. wissen	140
2. sagen	63
3. sehen	62
4. glauben	41
5. merken	40
6. denken	30
7. begreifen	24
8. erfahren	19
9. annehmen	15
10. ahnen	13
11. einfallen	10
12. hören	10
13. feststellen	10
14. erzählen	6
15. meinen	6
16. erwähnen	6
17. fühlen	5
18. zeigen	5
19. hoffen	5
1. feststellen	69
2. mitteilen	60
3. berichten	54
4. betonen	49
5. zeigen	45
6. sagen	42
7. hervorheben	36
8. wissen	33
9. unterzeichnen	30
10. meinen	24
11. beweisen	23
12. sehen	12
13. erklären	10

Es ist sichtbar, daß Häufigkeitswörterbücher der Subsprachen durch verschiedene Verben representiert sind. Nur 5 Verben sind gleich: *wissen, sagen, sehen, zeigen, meinen*, aber die Häufigkeit des Kommentabelverbrauchs ist verschieden. Diese Tatsache kann man auch als zweite wahrscheinlichkeitsdifferenzierende Merkmal der Subsprachen verurteilen.

Die theoretische Analyse und statistische Resultate zeigen, daß die Aktualisierung der Kommentabilität mit der Semantik der Verben verbunden ist [3].

Darum versuchten wir die KV nach semantischen Merkmalen zu organisieren:

- 1) die Verben der Kommunikation: *sagen, erzählen, erwähnen, meinen;*
- 2) die Verben des Wissens: *wissen, erfahren, feststellen;*
- 3) die Verben des Denkens: *denken, begreifen, einfallen;*
- 4) die Verben des Gefühls: *glauben, ahnen, annehmen, hoffen;*
- 5) die Verben der physischen Wahrnehmung: *sehen, hören, fühlen, merken;*
- 6) die Verben des Zeigens: *zeigen;*

In der Subsprache der ZL sind fünf semantische Klassen der KV markiert:
1) die Verben der Kommunikation: *berichten, betonen, hervorheben, mitteilen, sagen, meinen, unterstreichen;*

- 2) die Verben des Wissens: *feststellen, wissen;*
- 3) die Verben der Willensäußerung: *beweisen, fordern;*
- 4) die Verben der physischen Wahrnehmung: *sehen;*
- 5) die Verben des Zeigens: *zeigen;*

Die semantischen Klassen beider Subsprachen bilden relative Opposition. In der Subsprache der SL fehlt die semantische Klasse der KV der Willensäußerung, in der Subsprache der ZL fehlt die semantische Klasse der KV des Gefühls. Das ist ein sehr bedeutendes Merkmal, das einen als die dritte wahrscheinlichkeitsdifferenzierende Subsprache schätzen kann.

Die Systeme der Subsprachen sind durch «aktive» und «passive» Redestrukturen gekennzeichnet [14].

An Hand unserer Beobachtungen kann man urteilen, daß in der Subsprache der ZL die semantische Klasse der KV der Kommunikation zu den «aktiven» Redestrukturen, und die semantische Klasse der KV des Gefühls zu den «passiven» Redestrukturen dieser Sprache gehört.

In der Subsprache SL zu den «aktiven» kann man die semantischen Klassen des Sagens und des Gefühls hinzufügen. Die semantische Klasse der KV der Willensäußerung gehört zu den «passiven» Redestrukturen. Diese Tatsache kann man bei den stilistischen und sozio-linguistischen Untersuchungen in Betracht ziehen [8].

Die KV sind vom Standpunkt der Kategorie «Abstrakta/Konkreta» analysiert. Obwohl dieses Merkmal der substantivischen Charakteristik gehört, gibt es Arbeiten, die das Verb von dem Standpunkt der Kategorie «Abstrakta/Konkreta» charakterisieren [9].

Nach H. Brinkmann sind konkrete Verben einfache Verben, deren Inhalt «auf bestimmtes Objekt» gerichtet ist: *bauen, malen*. Abstrakte Verben sind zusammengesetzte Verben, deren Inhalt «auf unbestimmtes Objekt» gerichtet ist: *wissen, fühlen, mitteilen, feststellen* [14]. So ist es festzustellen, daß die KV mehr abstrakte Verben sind, die die Präzisierung des Inhalts in dem Nebensatz verlangen. Es sei zu bemerken, daß die Kommentabelsubstantive auch abstrakte Substantive sind: die Hoffnung, die Idee, die Voraussetzung, die Tatsache.

Zusammenfassung

Die Kommentabilität ist eine Valenz, über die sich Verben, Adverbien, Substantive und Adjektive verfügen. Diese Valenz kann man mit Hilfe von der strukturell-wahrscheinlichen Theorie berechnen und prognosieren. Das Maß der Kommentabilität hängt von der Thematik der Subsprache ab – und das ist ein soziolinguistischer Faktor. Die Kommentabelverben sind mehr abstrakte Verben. Sie können in den Subsprachen als «aktive» oder «passive» Redestrukturen auftreten.

Литература

1. Андреев Н.Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. - Л., Наука, 1967.
2. Андреев Н.Д. Типология грамматических категорий // Мещаниновские чтения. - М., Наука, 1975.
3. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. - М., Высшая школа, 1981.
4. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова. - В.Я. - № 6 - 1953. - С. 3 - 29
5. Гулыга Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. - М., 1971.

6. Каранська М.У. Сполучники «що», «щоб» та граматичні конструкції з ними. - К., 1962.
7. Коваленко В.А. О союзной и безсоюзной commentабельности в современном английском языке // Проблемы структурно-вероятностного анализа языков. - Днепропетровск, 1975. - С. 79
8. Колегаева И.М. Текст как единица научной и художественной коммуникации. - Одесса: ОГУ. 1991.
9. Костромина О.Е. Глагольная автосемантия и синсимантия (на материале беспрефиксальных переходных глаголов конкретной семантики в современном немецком языке). - Автореферат дис.... канд. филол. наук. - Ташкент, 1971.
10. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. - Пермь, 1966.
11. Редина Л.Н. Валентностные свойства commentабельных существительных в современном английском языке // Лингвистические исследования. Проблемы лексикологии, лексикографии и прикладной лингвистики. — М, 1978, - С.141 - 147.
12. Ткаченко Л.Ф. Лексико-синтаксический класс commentабельных глаголов во французском языке. - Автореферат дис.... канд. филол. наук. - Л., 1977.
13. Andrejew N.D. Carattare univesale delle valenze lessicosintattiche a classi de valenza // XI-th International Congress of Linquists. - Bologna, 1972.
14. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. - Mannheim, 1962.
15. Helbig J. Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutsche Verben. - Leipzig, 1975. - 457 S.
16. Rupp H. Zum deutschen Verbalsystem // Neuphilologische Mitteilungen. - Helsinki, 1965, H.2.
17. Charitonova I.J. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache. Syntax. - Київ, 1976.

Список анализируемых источников

Газеты

Berliner Zeitung

Neues Deutschland

Horizont

Unsere Zeit

Volksstimme

Zeitung zum luxemburger Vollek

за период 1975-1985 гг.

Apitz B. Nackt unter Wölfen

Borchert W. Prosawerke

Seghers A. Das siebte Kreuz

Strittmatter E. Der Wundertäter

Unger F. Das verbotene Zimmer

Wolf Ch. Der geteilte Himmel

T.I. Dombrovian

HOMO SAPIENS. HOMO LOQUENS.

HOMO ERRANS:

(ON ONE WAY OF ERROR PREVENTION IN LANGUAGE USE)

In the process of learning a foreign language the student is likely to make various mistakes and errors: articulatory (e.g. lengthening of short vowels and, vice versa, shortening of long vowels, violation of intonation patterns, etc.), lexical (known also as «false friends»), semantic (using an unappropriate word from a set of near-synonyms, or superonym instead of hyponym, and vice versa, etc.), grammar (agreement errors, word order violation, phrase structure errors, etc.), i.e. practically at all levels of language.

All possible violations of language norms are usually classified into a) slips, b) mistakes, and c) errors (see, e.g.: [9, 83-84]). Slips, or lapses, can be easily detected and corrected by their author. Among slips they usually distinguish slips of the tongue, slips of the pen, and even of fingers on a keyboard (*ibid.*), as well as slips of the ear, slips of the eye, and slips of the hand (in sign language) (see: [3, 152]). Mistakes occur when the student is not in a state of ignorance about the definite rule of the target language, but fails to correct his deviance unaided. Errors cannot be self-corrected, as they require further relevant learning to take place before they can be corrected by the student himself (see: [9, *ibid.*]).

There exist dictionaries of errors, with entries organized alphabetically and containing both lexical and grammatical information. Take, for example, [16] – a practical guide to common errors and their correction. Other single-language dictionaries, such as CIDE, contain lists of false friends, fundamentals of gram-

matical information, information about word combinatory (complementation) patterns, etc., thus aiming at warning the learners against possible errors.

One of the main causes for the errors, which most if not all students make at various stages of language learning is the first language interference. As J.Harmer puts it, «students who learn English as a second language already have a deep knowledge of at least one other language, and where the first language and English come into contact with each other there are often confusions, which provoke errors in a learner's use of English» [5, 99]. This manifests itself mostly at the lexical and syntactic levels of language. Lexical and grammatical errors, as researchers state, are considered grave ones and sometimes may affect the communication between the speaker and the listener. Cf.: «Even though they do not constitute the only evidence, errors are the data that will most often create problems for students with teachers, employers, and other who can affect careers and lives» [13, 13]. To the most irritating are referred lexical and complementation errors, the least irritating are word order errors and misuse of prepositions. [12] suggest the following «universal hierarchy of errors», namely:

MOST SEVERE LEAST SEVERE

Lexis > spelling > negation > word order > prepositions > verb forms > concord

Since lexical errors, as we see, are the most severe ones, vocabulary learning must take the central place in language study.

While learning new words, students should be asked to arrange them in groups according to meaning – synonyms, antonyms, lexical fields, etc, on the one hand, and to pay attention to the structures they appear in and their accompanying elements, on the other. The latter is known as the valency potential of a lexical item, or its subcategorization frames. «Teaching the form and meaning of a word without at the same time teaching its subcategorization will distance the student from critical information about how the word really operates in the language» [6, 65]. In other words, the starting point for language acquisition is analyzing the behaviour of words in relation to one another within a sentence, i.e. syntax of words.

Since the finite-form verb is «the central, pivotal slot in the sentence» [10, 25], it is the valency of the verb that is the inner core of syntax.

Some linguists identify valency of the verb with its transitivity: «valency (that is, transitivity)...» [2, 177]. R.Hudson describes valency as «the term <...>

used in dependency theory to refer to the particular demand of individual words for modifiers» [8, 120]. In this paper valency of the verb is defined as combinability of the verb with other words in the sentence with various degree of cohesion. On the syntactic level two cardinal types of valency are distinguished – obligatory and optional. An obligatory component of the valency frame of the lexical unit is the one which is semantically and/or structurally absolutely necessary for the linguistic expression of a particular elementary process referred to by the speaker. To obligatory components of the verb valency frame belong the subject (the external argument of the verb), the predicative (or the subjective complement), the object, the verbal complement and the adverbial complement (the internal arguments of the verb). In all cases of their ellipsis obligatory constituents can be either syntagmatically or paradigmatically restored. As to the adverbial modifier, it is non-obligatory for linguistic expression of a particular elementary process, and that is why this type of valency relation is not necessarily realized in grammatically complete constructions.

Traditionally, verbs are classified into two groups: 1) main verbs, denoting events and/or states, and 2) auxiliary verbs, including «tense» auxiliaries, question and negative forms, verbs of emphasis and substitution, and modal verbs (see, e.g. [14, 94-99]). Verbs of the first group can be further subdivided into object verbs (or monotransitive), two-object verbs (or ditransitive), no-object verbs (or intransitive), including linking, or copular, verbs [ibid.]. Thus, knowledge of grammar of particular verbs helps to avoid possible errors in organizing words within a sentence.

In traditional approaches to language teaching, learners are first taught separate words and their properties, then fundamentals of syntax, and after that they are asked to combine words in a sentence/sentences. A very interesting approach to language teaching was suggested by Sean Devitt of Trinity College, Dublin. The procedures of Devitt's experiment are described by [11, 109]. We have performed the mentioned experiment with junior students of English to test the effectiveness of suggested activity, which proved rather useful. With some amendments and alterations to Devitt's pedagogical experiment, we'll describe the stages of the latter as follows:

- a) Students are given a jumble of content words and phrases derived from the authentic text which is their goal. These words are arranged morphologically, i.e. according to the parts of speech they belong to; finite verbs are italicized

or capitalized and are given detailed information as to their subcategorization properties. The learners' first step is to identify any words and phrases they do not know. These are explained to them and their syntactic behaviour is shown.

b) Then the students write each word and phrase on a separate card. On the reverse side of the card they may write the meaning of the word (or phrase) which is new to them.

c) The next step is to sort the words and phrases into overlapping categories of time, place, person and event. This encourages the students to think about possible meaning relationships between the words and phrases.

d) Then the students arrange their cards in a linear sequence and devise a story outline.

e) The students then expand their skeletal discourse into a text – «a procedure that directly exploits the capacity of word meanings to generate sentence structure» [11, 109].

f) The students's story may differ from the original text. Thus it is necessary to give them some hints aiming at bringing the students closer to the authentic text. This can be done by giving the students a jumble of sentences derived from the simplified version of the original text and asking them to arrange the sentences in a proper order.

g) Then the students check up their version with the simplified form of the authentic text and are asked to add more possible details to their story.

h) Finally, the students are shown the authentic text and asked to compare it with their own version.

The suggested activity chain is based on the recognition that «the largest part of language learning is the learning of words and their properties» [11, 114]. In this activity the students learn through communication, trying to make themselves understood, and thus follow the same way in language acquisition as the first language learners – children. Cf.: «Children acquire language by interacting with adult speakers, who provide the critical social context for interaction and linguistic data congruent with those social interaction» [15, 148].

Summing up, we'd like to mention the following things. First, since many of the errors language learners make can be traced to their «incomplete knowledge of subcategorization for a particular item» [7, 89], it is necessary for the learners not only to choose an appropriate word or phrase for their context, but also to know

how these words or phrases are normally used. As A.Hornby puts it, « a word in isolation is a dead word. It comes to life when it occurs in a sentence» [1, V-VII]. Second, since the verb is «the engine of syntactic structure» [11, 117], and «the key to the sentence» [6, 65], and the central component of a clause/sentence, projecting the sentence organization (cf.: «Sentence grammar is to a large degree verb grammar» [6, 69]), language learners should give particular attention to the combinatory potential of the verb both on the lexical and syntactic levels of language. Knowledge of subcategorization information will help the learners to avoid possible errors. Sufficient subcategorization information of lexical items is presented in single-language dictionaries, such as CIDE, and LLA, LEA, complementing each other. While reading the dictionary entries, as well as authentic texts, students will have to take notice of the words and phrases accompanying the verb. Once the learners know the syntax of the verb, its possible lexical environment and dependent syntactic slots, «the rest of their morphosyntax usually falls into place» [6, 59].

Literature

1. Хорнби А. Учебный словарь современного английского языка. - М.: Просвещение, 1984.
2. Croft, W. Typology and Universals. - Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
3. Garman, M. Psycholinguistics. - Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
4. Harley, B. Age in Second Language Acquisition. - Clevedon, UK: Multilingual Matters, 1986.
5. Harmer, J. The Practice of English Language Teaching. - Harlow: Pearson Education Ltd., 2001
6. Hubbard, Ph. L. Non-transformational theories of grammar: Implications for language teaching // Perspectives on Pedagogical Grammar / Ed. by T.Odlin. - Cambridge: Cambridge University Press, 1994. - p.49-71
7. Hubbard, Ph. and D.Hix. Where vocabulary meets grammar: verb subcategorization errors in ESL writers // CATESOL Journal. - №1. - 1988. - p. 89-100.

8. Hudson, R. Word Grammar. - London: Basil Blackwell, 1984.
9. James, C. Errors in Language Learning and Use: Exploring Error Analysis. - London and New York: Longman, 1998.
10. Kolln, M. Understanding English Grammar. - New York: Macmillan Publishing Co., 1994.
11. Little, D. Words and their properties: Arguments for a lexical approach to pedagogical grammar // Perspectives on Pedagogical Grammar / Ed. by T.Odlin. - Cambridge: Cambridge University Press, 1994. - p. 99-122.
12. McCreton, E. and N.Rider. Error gravity and error hierarchies // International Review of Applied Linguistics. - 1993. - Vol. 31. - № 3. - p.177-188.
13. Odlin, T. Introduction // Perspectives on Pedagogical Grammar / Ed. by T.Odlin. - Cambridge: Cambridge University Press, 1994. - p.1-22.
14. Parrott, M. Grammar for English Language Teachers. - Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
15. Tomlin, R.S. Functional Grammars, pedagogical grammars, and communicative language teaching // Perspectives on Pedagogical Grammar / Ed. by T.Odlin. - Cambridge: Cambridge University Press, 1994. - p.140-178.
16. Turton, N.D. and J.B. Heaton. Longman Dictionary of Common Errors. - Harlow: Pearson Education Ltd., 2000.
17. CIDE : Cambridge International Dictionary of English. - Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
18. LEA: Longman Essential Activator. - Harlow: Addison Wesley Longman Ltd., 1999.
19. LLA: Longman Language Activator. - Harlow: Longman Group Ltd., 1994.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДМОВА	3
<u>Л.Л.Букреева</u>	
ОБРАЗ КАК ЕДИНИЦА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА	5
<u>Т.Н.Гнедько</u>	
КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ	15
<u>Л.И.Демьянова</u>	
ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ОДЕССЫ В XIX СТОЛЕТИИ	27
<u>Н.Г.Иванова</u>	
ТРЁХМЕРНОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА	37
<u>М.Д.Кириллова, Л.А.Мойсеенок</u>	
ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА СЛОВ-РЕАЛИЙ	53
<u>О.В.Коваленко</u>	
ОСОБЕННОСТИ ВВЕДЕНИЯ АРХАИЗМОВ И ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В ТЕКСТ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА (на материале исторических романов В.Скотта)	61
<u>В.П.Коляда, Ю.Б.Фомина</u>	
СИСТЕМА И СТРУКТУРА ФУНКЦИОНАЛЬНО – СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	71
<u>Н.А.Кравченко</u>	
РОЛЬ ПАУЗ В УСИЛЕНИИ ВОЗДЕЙСТВУЮЩЕГО ЭФФЕКТА УСТНОГО ДИСКУРСА (на материале публичных политических выступлений)	83

<u><i>В.А. Кухаренко, Л.Н. Голубенко</i></u>	АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ЭКСПАНСИЯ В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ РЕЧИ КОНЦА ХХ – НАЧАЛА ХХІ ВЕКОВ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	89
<u><i>Н.В. Литвинова</i></u>	СМЫСЛОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕМЕЦКОГО СЛОВА MANNИ РОДСТВЕННЫХ С НИМ СЛОВ (на материале древних текстов)	105
<u><i>Е.Ф. Лукьянова</i></u>	ОБРАЗЧИТАТЕЛЯ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В МЕГАТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ (На материале четырех вариантов издания романа Диккенса "Тяжелые времена")	121
<u><i>Т.А. Нестерова</i></u>	СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ И ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА В ИНТЕРВЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	131
<u><i>А.М. Приходько</i></u>	СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧНА ОРГАНІЗАЦІЯ ДІЗ'ЮНКТИВНОГО ВИСЛОВЛЕННЯ	143
<u><i>Л.Г. Саноцька</i></u>	ТИПОЛОГІЯ ЛЕКСИКОМОРФОЛОГІЧНИХ ПАРАМЕТРІВ ЖАНРУ АНГЛОМОВНОЇ ЛІРО-ЕПІЧНОЇ ПОЕМИ (на матеріалі поем Д.Г.Байрона "Гяур", Л.Макніса "Осінній юденник", С.Колріджа "Пісня про старого мореплавця", Г.Крейна "Міст", У.Уїтмена "Пісня про себе" та "З колиски невпинно гойдаючої")	157
<u><i>И.В. Слободцова</i></u>	ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЛОВ KLEIN, WENIG, LUZZIL, FAO, ВЫРАЖАЮЩИХ ПОНЯТИЕ 'МАЛО' В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	169
<u><i>А.Н. Чумаков</i></u>	К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИКИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	179

<u><i>Л.С. Яровенко</i></u>	АДВЕРБІАЛЬНІ ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ В ОРИГІНАЛЕ І ПЕРЕВОДЕ	189
<u><i>A.M. Maljawina</i></u>	КОММЕНТАБЕЛЬВЕРБЕН-БЕГРІФ ФНД ГЕБРАУХ	195
<u><i>T.I. Dombrovan</i></u>	HOMOSAPIENS. HOMO LOQUENS. HOMO ERRANS: (ON ONE WAY OF ERROR PREVENTION IN LANGUAGE USE)	203

**ЗАПИСКИ
З РОМАНО-ГЕРМАНСЬКОЇ
ФІЛОЛОГІЇ**

Випуск 10

332 Записки з романо-германської філології / ред. І.М. Колегаєва.
Одеський національний університет ім. І.І. Мечникова:
факультет романо-германської філології.
Випуск 10. – Одеса: Латстар, 2001. - 212с.

ISBN 966-7553-87-6

Редактор Т.Р. Короткий
Технічний редактор В.Є. Климова
Коректор Н.В. Петлюченко

Сдано в набор 1.09.2001 г. Подписано в печать 25.09.2001 г.

Формат 60x90/16. Усл.печ.л. 10,4. Уч.изд.л. 9,75. Тираж 300.

МП ЛАТСТАР, 65059 г. Одеса, Краснова, 6, тел. (0482) 250-444.